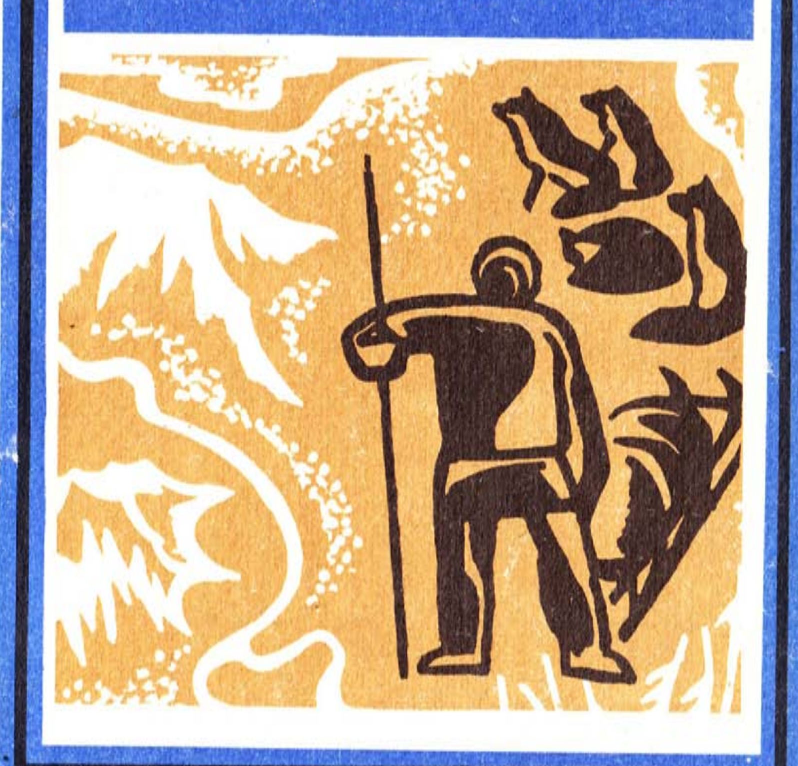
С. В. ОБРУЧЕВ

ПО ГОРАМ И ТУНДРАМ ЧУКОТКИ



* ПЕРВОПРОХОДЦЫ *

Магаданское
книжное
издательство
1974

С. В. ОБРУЧЕВ

ПО ГОРАМ И ТУНДРАМ ЧУКОТКИ

Экспедиция 1934—1935 гг.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сергей Владимирович Обручев (1891—1965) принадлежит к числу виднейших советских ученых.

Вся его жизнь была связана с географическими исследованиями. Маршруты его экспедиций, а их было около сорока, пролегли по самым труднодоступным районам нашей страны.

Прекрасный знаток геологии и физической географии советской Арктики и Восточной Сибири, человек большого мужества, смелый и неутомимый исследователь, С. В. Обручев очень многое сделал для открытия и изучения недр обширных районов, богатых полезными ископаемыми.

Особое место в исследованиях знаменитого путешественника занимала Восточная Сибирь. Он был одним из тех, кто первым способствовал созданию верных взглядов на географические особенности этой территории.

За полвека изменились научные представления об огромной территории Северо-Востока, изменилась до неузнаваемости Сибирь и жизнь ее населения. На Чукотке выросли новые города, построена Билибинская атомная электростанция, созданы научные центры, выросли свои квалифицированные кадры, но до сих пор здесь помнят Сергея Владимировича Обручева — одного из первооткрывателей этой далекой окраины Советского Союза.

И теперь еще открытия С. В. Обручева не потеряли значения. Например, схемой тектонического районирования Северо-Востока СССР, созданной в 1934 году, геологи пользуются до сих пор.

Сергей Владимирович Обручев — один из трех сыновей знаменитого путешественника и исследователя Владимира Афанасьевича Обручева. Он родился в 1891 году в Иркутске, окончил Томское реальное училище, а затем физико-математический факультет Московского университета.

Уже 14-летним подростком он принимал участие в экспедициях своего отца, в 1912 году провел свою первую самостоятельную экспедицию по геологической съемке окрестностей Боржоми.

В 1915 году после окончания университета Обручев был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию.

Однако через 2 года, в 1917 году он совершает новую экспедицию в район среднего течения реки Ангары, которая и определила на всю жизнь его интерес к геологии.

В 1926 году Обручев руководит экспедициями по Северо-Восточной Сибири, в районы Индигирки и Колымы, а позднее по Чукотке. Эти исследования принесли ему широкую славу и известность. В 1946 году за открытие и освоение оловянных месторождений Северо-Востока СССР ему была присвоена Государственная премия. В 1953 году С. В. Обручев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В течение 25 лет он был членом Ученого совета Географического общества СССР.

Но немногие знали о его литературном даровании. Большой ученый-энциклопедист, владевший многими языками, в том числе и эсперанто (он был избран академиком Международной академии языка эсперанто), Сергей Владимирович был в общении с людьми очень скромен. Кто был с ним знаком близко, знал, что он увлекается и живописью, и театром, и литературой. В этой связи интересен факт, что когда-то А. В. Луначарский предлагал Обручеву читать лекции в Ленинградском университете по литературе.

«Страстно люблю литературу,— говорил Сергей Владимирович,— но занимаюсь ею параллельно с геологией, в свободное время».

Он сознавался, что семейные традиции сделали его геологом и географом, а сердце давно отдано литературе.

С. В. Обручев написал много книг о своих путешествиях, и все они читаются с большим интересом: «В неведомых горах Якутии (1928), «На «Персее» по полярным льдам» (1929), «Неведомые горы» (1931), «Колымская землица» (1933) и другие.

Когда вышла последняя книга С. В. Обручева в 1965 году — «Над тетрадями Лермонтова», многие воспринимали ее как произведение однофамильца-литератора.

Магаданское книжное издательство предлагает вниманию читателей книжку «По горам и тундрам Чукотки», где автор описывает экспедицию на Чукотку в 1934—1935 годах. Книга эта не переиздавалась с 1957 года и стала библиографической редкостью.

Образно и правдиво рассказывает в ней исследователь о суровой, но вместе с тем богатой природе Чукотского полуострова, о жизни и повседневном труде маленького чукотского народа, о трудностях, которые пришлось испытать первым геологам, разведчикам недр этого полного романтики края.

Издательство надеется, что переиздание этой книги будет с большим интересом встречено читателями.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экспедиция 1934—1935 гг. в северную часть Чукотского национального округа, описанию которой посвящена эта книга, являлась завершением большого цикла моих работ по изучению северо-восточной части Союза, начатых в 1926 г. и продолжавшихся с перерывами целых десять лет.

Заинтересовавшись геологическим строением почти неисследованной, малонаселенной области между Леной и Беринговым проливом, я поставил себе задачу — изучить в общих чертах рельеф и геологическое строение этой обширной территории площадью до 3 000 000 кв. км. Эта задача, конечно, была очень сложна и трудна, так как в то время Северо-Восток Азии представлял белое пятно.

Нанесенные на географические карты реки и хребты имели в значительной степени фантастичные очертания, а на геологической карте большая часть страны окрашивалась в серый цвет неизвестного.

Нам нужно было пересечь много раз эту безлюдную дикую страну гор, болот и тайги, пройти также и тундру, дойти до берегов Ледовитого океана — и не только проникнуть туда, где не было дорог, где все впереди было неизвестно, но и занести каждый шаг в дневник и на планшет маршрутной съемки. Надо было дать более точную и подробную карту страны, изучить ее геологическое строение, выяснить, где пролегают наиболее удобные пути, определить, какие полезные ископаемые могут быть в ней обнаружены, в каком направлении должно идти ее будущее хозяйственное освоение.

Научные результаты всех этих исследований были изложены в ряде специальных геологических и географических монографий и статей, а первые четыре экспедиции послужили темой для нескольких моих научно-популярных книг.

Издаваемая теперь книга, в которой я рассказываю о последней моей экспедиции на Чукотку — в 1934—1935 гг., так же как и предыдущие, имеет целью ознакомить читателя с настоящим Севером — с Севером, каким он представляется наблюдателю, не жаждущему погрузиться в мир романтической героики, не ожидающему встретить потрясающие приключения, не мечтающему убивать ежедневно белых и бурых медведей,— но естествоиспытателя, который в грохоте метели оценит изменение градиента и скорость ветра, в громоздящихся торосах уловит прежде всего направление давления льда, а любуясь высокой вершиной, горным ландшафтом, прежде всего решает вопросы происхождения рельефа и геологической структуры горной страны.

...Когда я совершал путешествие по Чукотскому округу, с жизнью чукчей можно было познакомиться только по старым, дореволюционным описаниям.

В этих книгах, за исключением исследований В. Богораза, быт чукчей описывался с точки зрения высокомерного буржуазного наблюдателя-европейца, глядящего сверху вниз на примитивную культуру маленького северного народа.

В моей книге мне хочется показать закономерность того древнего уклада жизни, сложившегося веками, который я застал в 1934 г., показать его целесообразность в условиях той тяжелой борьбы с природой, которую до последнего времени пришлось вести чукчам, подойти, так сказать, к быту чукчей не снаружи, а изнутри, как товарищ и участник их жизни. И вместе с тем рассказать, как под благотворным влиянием энергичных советских работников — учителей, врачей, организаторов районов — этот косный быт уже тогда, при первой встрече с советской культурой, начал быстро и резко изменяться.

Я описываю Чукотку такой, какой она была в 1934—1935 гг., когда еще только что были организованы районные учреждения, впервые начали собираться районные съезды, впервые красные яранги и учителя поехали в тундру, к оленеводам-кочевникам.

Сравнение с данными о современных формах хозяйственной и общественной жизни Чукотки, приведенными в последней главе книги, показывает, как значительны происшедшие изменения.

Новая Чукотка, социалистическая, пришла на смену Чукотке каменного века.

Экспедиция в такой труднодоступный район, как горы Северной Чукотки, не могла осуществиться без самоотверженной работы всех ее участников, и я глубоко благодарен своим товарищам, которые вели вместе со мной борьбу с суровой природой,— геодезисту, ныне профессору А. Ковтуну, механикам А. Денисову, А. Курицыну и Э. Яцыно и техническим сотрудникам А. Перетолчину и В. Егорову.

С большой душевной болью я вспоминаю о молодом талантливом филологе Н. Шнакенбурге, который погиб геройской смертью в начале Великой Отечественной войны, защищая Ленинград.

Впервые я встретился с ним в 1930 г. на мысе Шмидта. В 1934 г. он дал нам ряд уроков чукотского языка.

Им была просмотрена в первом варианте моя рукопись и сделаны ценные замечания о языке и быте чукчей, которые он превосходно знал, так как прожил несколько лет на Чукотке.

К ШЕЛАГСКОМУ МЫСУ

И первые ветры, и первый прибой,
И первые звезды над головой.

Э. Багрицкий

Место действия — Певек, селение на берегу Чаунской губы, лежащей на северном побережье Сибири, в 400 км восточнее р. Колымы, и в тысяче километров от Берингова пролива, отделяющего Азию от Америки. Время — 14 августа 1934 г. Мы высаживаемся с парохода «Смоленск», который прошел сюда из Владивостока, почти не встретив на пути льдов. Сегодня кончается разгрузочная страда: «Смоленск» доставил большие грузы для полярных станций и научных экспедиций, которые надо было в чрезвычайно короткие сроки выгрузить на северном побережье. Навигационный период на восточном отрезке Северного морского пути очень короткий, ежеминутно могут надвинуться с севера льды, и поэтому в разгрузке принимали участие не только пароходная команда и сотрудники той станции, где разгружался пароход, но и все научные и технические работники остальных станций и экспедиций. Особенно трудна была выгрузка на мысе Шелагском, у входа в Чаунскую губу, где разгружались дома для новой полярной станции.

Сначала я принимал участие вместе со всеми в разгрузке и таскал на спине из маленьких разгрузочных барж-кунгасов по зыбким сходням на берег мешки с

углем, кули муки и соли, «места» кирпичного чая весом в центнер и тяжелые ящики, но вскоре мне это оказалось не по силам, и меня назначили на более легкую работу — буфетчиком. На моей обязанности лежало разливать суп в тарелки, класть порции второго, вскрывать банки с компотом и разбавлять густой сироп наполовину водой (так инструктировал меня штатный буфетчик). Работа не была трудной, но мы должны были накормить все смены и поэтому дежурили непрерывно по двадцать часов.

Выгрузка в Певеке кажется нам легкой, ведь мы выгружаем собственное снаряжение и продовольствие — десять тонн. Наконец под дружные крики всех семерых сотрудников нашей экспедиции: «разом, дружно» — ползут вверх на галечник и наши будущие зимние друзья и мучители — двое аэросаней.

Певек в 1934 г. был необычным даже для чукотского Севера поселением. По самому краю треугольной галечной косы, выдвигающейся от кочковатых склонов горы Паакынай, стоят в ряд девять круглых цилиндрических домиков около 7 м в поперечнике, с конической крышей. Они похожи на какие-то чудовищные грибы, продукт болотистой тундры. Только мачта с большим красным флагом, поднятым в честь прихода судна, нарушает однообразие их длинного ряда. К востоку от них «рубленые» дома — три избы и землянка. Мы выбираем для своего будущего жилища место по другую сторону, к западу, возле кладбища. Пока у нас еще нет своего дома, и мы ставим палатки на гальке, среди гор нашего груза. Выше крутого обрыва косы сплошная галечная площадка, дальше, во впадинах, между галечными буграми, ютится трава, а еще подальше — неизбежное болото — кочковатая тундра.

На косе три озерка — два пресных и одно солоноватое. В одном берут воду для питья, в другом стирают,

третье, еще не вошедшее в плановое распределение, служит только как площадка для охоты на уток. Морские утки время от времени пролетают над головой небольшими стайками — и у наших охотников блестят глаза и руки тянутся к ружьям.

Но охотиться некогда. Скоро осень. В Чаунской губе иногда уже 8 сентября прекращается навигация, и надо к этому времени исследовать все побережье губы (около 400 км) и еще километров сто берега океана к востоку от Шелагского мыса. Необходимо собрать по берегам губы плавник, принесенный морским течением от устьев Колымы и Лены, и привезти его на нашей моторной шлюпке в лагерь. Из этого плавника мы заготовим дрова на зиму и наберем бревен для постройки дома.

Первоначально я предполагал организовать базу на устье р. Чаун, в южной части губы — центральном пункте района, откуда на аэросанях ближе пройти к горам. Но капитан «Смоленска» отказался зайти в глубь Чаунской губы: там мелко, нельзя подойти близко к берегу, разгрузка затянется и можно прозевать сжатие льдов у входа в губу и остаться в ней, как в мышеловке.

Мелких транспортных судов в Певеке очень мало: две слабосильные кавасаки[1], и они должны перебросить в Чаун большие грузы фактории и культбазы, так что нельзя и мечтать о перевозке наших десяти тонн, а тем более аэросаней.

Приходится обосноваться в Певеке. Если удастся, перевезем в Чаун немного груза с осенними рейсами, а зимой уже на аэросанях постепенно перебросим все

[1] На Дальнем Востоке для перевозки грузов на морских рыбных промыслах и для других работ на побережье употребляются плоскодонные небольшие баржонки японского типа грузоподъемностью от 10 до 60 т, которые называют кунгасами. Кунгас с поставленным на нем нефтяным мотором называется кавасаки.

остальное. Певекцы, то есть те русские, которые приехали сюда год назад и уедут в будущем году, пугают нас и капризной погодой в Чаунской губе, и опасностями плавания к востоку от мыса Шелагского, где сейчас нет льда и при отсутствии бухт и прямом скалистом береге негде укрыться от волн. Они рассказывают, как в Чаунской губе в прошлом году кавасаки с кунгасом на пути в Чаун были выброшены на берег и разбиты. Поэтому пускаться в плавание на нашей небольшой шлюпке да еще с подвесным мотором, по мнению певекцев, очень опасно.

Хотя капитан «Смоленска» и советовал нам заменить нашу шлюпку более мореходным вельботом — ведь условия плавания в Чаунской губе совершенно морские,— но мы гордимся своей шлюпкой и надеемся на ее успехи. Да, кроме того, ничего другого нам не остается: во Владивостоке удалось достать только эту шлюпку, обычную «шестерку», с тремя парами весел, предназначенную для сообщения судов с берегом. Шлюпка эта имеет одно несомненное преимущество — она гораздо легче вельбота, и в дурную погоду не так трудно будет вытаскивать ее на берег. Во всяком случае, сейчас, при отсутствии льдов, она лучше, чем чукотская байдара, сделанная из моржовой кожи,— если ее зальет, то она все же будет плавать, поддерживаемая еще и герметически запаянными медными баками, расположенными вдоль бортов под банками (скамейками).

17 августа мы отплываем на своей шлюпке на север. От Певека до мыса Шелагского, крайнего восточного пункта Чаунской губы, по прямой 44 км, но мы идем кружным путем, вдоль берега, чтобы изучить прибрежные утесы.

Мотор сегодня хорошо заводится, и Анатолий Денисов, один из наших техников, который едет с нами в этот маршрут, пока что им доволен.

Погода благоприятствует: ветра нет и только ленивая мертвая зыбь качает шлюпку и мешает геодезисту Андрею Ковтуну вести съемку — брать буссолью направление пути и делать засечки на вершины гор.

К северу и востоку за горами полуострова Певека открывается бухта с низкой тундрой и лагунами у берега. Сюда северо-западные ветры забивают плавник, и берега покрыты обломками деревьев и большими бревнами и корягами. Здесь привольные места для гусей и уток, но подходить сюда на лодке нельзя: мелко и мертвая зыбь на мели превращается в крутые опрокидывающиеся буруны. Мы идем дальше к северу, к горе Янранай, одинокому конусу у края этой равнины. Здесь начинается скалистый берег, и на мысу у речки волны дают себя чувствовать.

Первый наш ночлег не очень приятен: лодка не может подойти к берегу, мелко, и, что еще хуже, много крупных камней. Ночью волна усиливается и не дает спокойно уснуть — все выглядываешь из палатки, не бьет ли лодку о камни. Но остановка здесь необходима — надо пойти вдоль речки, по тундре, изучить побережье и взять шлиховые пробы: промыть на лотке речной песок, чтобы выяснить, нет ли признаков золота и олова.

Места, по которым совершаем экскурсию, очень скучны — широкая долина, болота, вода под ногами. Мы с Алексеем Перетолчиным — моим постоянным спутником в экспедициях — бредем километр через кочки. Скоро появляются и комары; несмотря на осень и близость полярного моря, приходится надевать сетки. На речке мы встречаем крошечные кусты ивы — и Перетолчин рад: он вырос в тайге, на Ангаре, и ездил до сих пор с экспедициями по горнолесным районам. Его удручало отсутствие леса, но теперь, когда он увидал кусты и кучи бревен

плавника по берегу, настроение его улучшилось: плавник сулит нам и дрова зимой и теплый дом.

От горы Янранай до только что построенной полярной станции на Шелагском мысе еще километров двадцать. Все время шлюпка идет под утесами с превосходными складками черных сланцев. Местами на утесах сидят чайки и иронически смотрят на нас, поворачивая вслед за шлюпкой свои кривые носы. На одном утесе — целый город: чайки сидят на его стене рядами, сотни их летают вокруг, присматривая за толстыми пухлыми серыми птенцами, плавающими под утесом. Шум и гам неимоверный. Время от времени какая-нибудь заботливая мать подлетает к шлюпке и, осмотрев нас внимательно, возвращается обратно к базару.

По мере того как мы приближаемся к полярной станции мыса Шелагского, с утесов все сильнее срываются порывы ветра и вскипает вода вокруг шлюпки.

Сама станция расположена против долинки, разрезающей высокие горы мыса, и по этой долинке, как по трубе, холодный воздух полярного побережья переливается через горный отрог на станцию и в бухту. Здесь он встречается с теплым воздухом Чаунской губы — и густой туман окутывает станцию. В то время как в Певеке тепло и ясно, туман толстой шапкой сидит на Шелагском мысе.

На мысе мрачно, холодно, пронизывающий ветер дует из лога, без полушубка не выйдешь — а в Певеке, всего в 44 км южнее, можно даже купаться в озерке (если, конечно, вы достаточно закалены). Сегодня, кажется, еще хуже, чем неделю назад, когда стоял здесь «Смоленск». Вчера «Смоленск», который вернулся из Певека к Шелагскому мысу, даже сорвало с якорей береговым ветром, достигавшим силы десятибалльного шторма, и корабль отдрейфовал в море.

«Смоленск» задержится здесь еще на несколько дней — пока не закончится вчерне постройка станции. Уже шесть дней лихорадочно возводятся здания, и плотники и сотрудники станции ходят сонные, едва находя силы, чтобы еще и еще по 18 и даже 20 часов в сутки непрерывно работать на стройке.

Но все три дома — жилой, радиостанция и баня — подведены под крышу, начинается кладка печей и установка радиомачт. На узкой полосе болота вдоль крутого берега роют ямы, потом рвут мерзлую почву аммоналом, и среди грязной воды и торфоподобных глыб показываются белые куски льда. Это прослои льда, образующиеся в результате замерзания грунтовых вод над вечномерзлой почвой.

Нам надо обогнуть Шелагский мыс, чтобы выйти из губы на восток, на полярное побережье. Мыс выдвигается на северо-восток двумя горбатыми горами в 470 м высоты, и его тяжелые громадные гранитные плиты круто опускаются в море. Здесь граница двух климатически различных областей: суровой зоны полярного побережья и гораздо более мягкой — по здешнему почти южной — Чаунской. На мысу всегда ветер, и на нашей открытой шлюпке скалы надо огибать осторожно. Сегодняшний ветер не предвещает ничего хорошего.

От станции мыс не виден — до него еще 9 км и утесы закрывают море. Чтобы узнать, что делается на мысу и на полярном побережье, надо подняться на гору или пройти километров семь по долине до лагуны, лежащей на другой стороне мыса.

Вечером мы с Ковтуном идем на разведку через горы. Вверх по долине речки идти трудно: в трубу напористо дует ветер и приходится пробиваться, как будто прорезая плотную массу. Масса эта к тому же сырая, и моя кожаная куртка постепенно промокает.

Скоро туман совсем окутывает нас — ничего не видно, и, лишь двигаясь прямо против ветра, мы не сбиваемся с нужного направления. Наконец мы добираемся по покатому болоту до перевала. Ветер по-прежнему свистит, но он стал холоднее, и на камнях перевала цветут ледяные цветы — гребешки и пластинки кристаллов льда, вырастающие на холодных поверхностях.

Еще километра три идем в тумане по кочковатому болоту, по воде и к полночи достигаем обрыва — перед нами серая бездна, в которой белеет узкая полоска. Из тумана раздается монотонный рев, чередующийся с более сильными ударами: это прибой где-то внизу бьется о скалы. Мы на высоте больше ста метров; и если вглядеться в туман, то различаешь, что белая полоса — не линия прибоя, а занос снега, покрывающего часть склона.

Спуститься здесь нельзя, да и не к чему, и так ясно, что погода на северном побережье сегодня не для плавания на нашей шлюпке.

Мы проходим еще километр или два на восток, над скалистым обрывом, потом возвращаемся наискось через болота к ручью, по которому поднимались. Снова ветер помогает держаться нужного направления.

В тумане все приобретает странные, таинственные формы, размеры искажаются. Вот мы видим громадные белые изогнутые кости, возвышающиеся над землей не меньше чем на 2—3 м. Наверно, бивни мамонта или ребра кита! Но стоит к ним приблизиться, и они превращаются в рога обыкновенного северного оленя. Вот из тумана появляется огромный белый шар — ближе и ближе — и он становится человеческим черепом, который уткнулся носом в кочку. Вот и другой череп, полуоткрыв челюсти, показывает белый оскал зубов. Мы попали на чукотское кладбище: чукчи раньше не зарывали своих

покойников, а вывозили их в тундру и оставляли на съедение песцам и птицам. Возле трупа ставили нарты, на которых привозили покойника, иногда оружие, предметы обихода, табак, трубку, нередко складывали в кучу черепа и рога жертвенных оленей (мясо, конечно, съедалось за погребальной тризной). После того как на Чукотке появились советские школы, рядом с покойником-школьником стали класть карандаши, бумагу, учебники.

Мы делаем в следующие дни несколько пробных выездов к мысу, но встречаем суровые волны с высокими гребнями и принуждены возвращаться.

Только 21 августа море несколько стихает.

СЕВЕРНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Камень берегов был холоден и мутен.
К. Федин

Наша шлюпка сегодня несколько лучше вооружена против волн: на носу поставлены стойки и на них туго натянуты два распоротых брезентовых мешка, повышающих борт на 70 см. Шлюпка очень коротка, и уже в Чаунской губе ее начало захлестывать волной с носа.

Идем вдоль покатых черных и скользких гранитных плит Шелагского мыса. У крайней западной точки мыса берег, постепенно закругляясь, открывает море все дальше и дальше к востоку. Низкие тучи, серое море, покрытое большими волнами. Хотя беляков почти нет, но море еще не успокоилось, и вал за валом обрушивается на гранитные скалы, и полосы пены взлетают по ним кверху.

Все невольно посматривают на мотор — не подведет ли он. Подвесной мотор, укрепленный на корме,— не очень надежный помощник: стоит волне накрыть его, и он сразу остановится. Вблизи этого негостеприимного мрачного берега вряд ли будет легко выгребать на веслах.

Но мотор пока не сдает, и шлюпка, то проваливаясь между двумя волнами, то взбираясь на гребень, неуклонно ползет на восток. Ползет — таково впечатление от медленности, с какой мы огибаем мыс,— а на самом деле мы идем со скоростью 12 км в час. Но громадный мыс выдвигается далеко в море.

На северной стороне мыса нас ждет новое препятствие: восточные ветры прижали к мысу льдины и полосы мелкобитого льда. Эти полосы ледяной каши выделяются своей гладкой поверхностью с тусклым и жирным блеском. В них нет мелких волн, и только от крупной зыби полоса эта перегибается, ползет. Нам необходимо пересечь несколько таких полос; и, когда мы проходим первую, слышно, как лед ударяет о корпус и винт разбивает льдины. Денисов кричит мне: «Надо уходить, мы можем разбить винт»,— но нам приходится пересечь все же еще одну полосу ледяной каши, а потом мы поворачиваем и уходим все дальше в открытое море.

Вот стало легче, кончились утесы мыса, ветер и волны слабее, лед только у берега. Более крупные льдины сидят на мели, маленькие бьются в волнах прибоя. Берег здесь более гостеприимен: обрывы чередуются с устьями широких долин и почти везде есть полоса галечника — пляж достаточной ширины, чтобы вытащить лодку. Но как провести ее через гряду прибоя с пляшущими льдинами, каждая из которых не меньше тонны весом?

Мы прошли уже довольно далеко к востоку. Надо изучить непрерывные ряды крутых склонов и утесов.

останавливаться возле каждого из них, как требует наша работа, не придется — даже однократная высадка представляет серьезную проблему. Мы проходим вдоль берега до ближайшего плоского галечного мыса — ничего утешительного: такие же льдины, такой же прибой. Возвращаемся немного назад — берег почти прямой, открытый волнам, но в глубине излучины как будто несколько спокойнее.

Если направить шлюпку за эту большую льдину, под ее прикрытием можно пробраться к берегу. С набегающей волной мы проскакиваем полным ходом между двух льдин и врезаемся носом в гальку. Все выскакивают в воду и начинают выкидывать груз на галечный обрыв. Вторая волна обрушивается на корму шлюпки, третья поворачивает ее вдоль берега, льдины смыкаются за шлюпкой и начинают ударять по борту. Но мы победили: груз на берегу, шлюпка уже вышла из прибойной волны. Теперь надо вытащить тяжелую шлюпку повыше, на галечник. Только предусмотрительно взятые с собой тали позволяют справиться с ней. Мы зарываем якорь в гальку на берегу повыше, вокруг корпуса обвязываем конец, и шлюпка под бойкую команду Денисова медленно ползет вверх.

Теперь можно взобраться на террасу и оглядеться. Мы — на плоском, намывном мысу у устья широкой долины. За косой опресненная лагуна, превратившаяся в озеро, в которое впадает речка. На берегу рядом с нами — земляные бугры: это остатки землянок прежних жителей, как предполагают советские ученые,— эскимосов, которые раньше распространялись далеко к западу, а сейчас живут только вблизи Берингова пролива. Землянки совсем осыпались, и только едва возвышаются остатки стен.

В километре к востоку — три яранги чукчей-оленеводов, которые на лето прикочевали к морю, чтобы поохотиться на морского зверя — нерпу (тюленя) и моржа и половить рыбу. Сами чукчи приходят вскоре к нам и помогают вытаскивать лодку на берег. Они бедно одеты: сильно поношенные ирэн (кухлянки)[1] из шкур оленя и такие же потертые меховые штаны. На голове — только шапка длинных черных волос, с выстриженной неровно серединой.

На другой день мы видим и оленей. Стадо пригоняют на галечник к воде, чтобы спасти от комаров, которые еще и здесь дают себя знать. Олени стоят, опустив рога, несколько часов подряд возле воды, хоркая и мотая головами. Оленей немного: к морю из тундры выходят только бедняки и середняки, а богатые чукчи уходят со своими стадами в высокие горы. Мы угощаем пастухов чаем с сахаром и хлебом.

Отсюда я делаю несколько экскурсий вдоль берега и в глубь страны. Надо выяснить строение этого участка, изучить береговые утесы и дойти до водораздела.

Закончив работу возле этой базы, через два дня мы двигаемся дальше. Зыбь не утихла, и прибой все еще обрушивается на берег. Но льдин стало меньше: ветер их угнал к Шелагскому мысу.

Чтобы нагрузить шлюпку нашим снаряжением, мы ставим ее на якорь, затем осторожно отпускаем к берегу, так, чтобы корма слегка билась о дно. Два человека в высоких резиновых сапогах, поверх которых надеты непромокаемые штаны, доходящие до груди, таскают груз с берега через прибой.

---

[1] Ирэн, или по-русски кухлянка,— меховая шуба, глухая, без разреза спереди, с капюшоном, одевающаяся через голову. У чукчей она короткая, доходит лишь до середины бедер. Русские делают ее длиннее. Зимняя кухлянка большей частью двойная — мехом наружу и внутрь.

Зыбь стала более пологой, и плыть хорошо. Мы движемся вдоль береговых утесов, длинного ряда серых обрывов с яркими пятнами снега и черными мокрыми потеками. Жилы кварца прорезают сланцы в разных направлениях и местами вздуваются короткими полосами.

Я хотел на шлюпке пройти вдоль берега до конца утесов. Но проникнуть восточнее реки Куйвивеем невозможно: сплошная полоса льдов шириной более четверти километра блокирует побережье. Снова приходится немного вернуться назад, и на плоском галечном мысу, где льды не так густы, мы делаем высадку.

Новая наша база неприютна: это широкая старая галечная коса у подножия обрывов. Галька еще не покрылась травой — только черные лишаи одевают мрачную площадку. Но зато под горой снова пресное озеро, за водой ходить недалеко. И погода здесь неприятная: каждый день дует ветер с востока или с севера, валы низких туч лезут на горы, то дождь, то снег бьет в палатку.

Экскурсия на восток вдоль утесов по узкой полосе галечного пляжа очень занимает меня: всякий утес, или обнажение, как называют геологи объекты своих наблюдений, всегда может заключать неожиданное: новую породу, интересную складку, новое соотношение осадочных пластов, ярко раскрывающее строение района. Здесь, в частности, я прослеживаю жизнь дна моря, существовавшего полтораста миллионов лет назад, в триасовый период. Хорошо видны мелкие складки в отдельных пластах; некогда в триасовом море мягкие пласты сползали по наклону морского дна, а сверху их срезанные верхушки перекрывались новыми пластами песка и глины. На поверхности пластов я нахожу следы ползания червей, отпечатки водорослей.

Одновременно увлекает и изучение современного

морского дна. Смотришь, что выбрасывает прибой. Иногда это ракушки, иногда маленькие губки, а чаще длинные полотнища водорослей-ламинарий, которые с таким удовольствием поедают чукчи. Я пробую их есть, но сырые ламинарии довольно противны.

Море здесь выбрасывает очень мало кусков дерева. Чаунская губа своей широкой пастью обращена к северо-западу и захватывает львиную долю плавника, который норд-вест гонит от Колымы и Лены. Но и здесь можно набрать дров на костер, особенно у устьев речек, куда шторм загоняет плавник.

В устьях речек обычно стоят оленеводы, спускающиеся с гор. Сейчас они уже ушли обратно, и я нахожу только следы их стойбищ, круги камней на месте бывших очагов и большие камни, которые висели на ремнях поверх яранги и удерживали от ветра кожи, покрывающие ее. Часто тут же валяются рога оленей, но остальные кости мелко раздроблены и сожжены в очагах; от них остались только обожженные обломки. В двух местах я нахожу черепа медведей, один свежий, тщательно очищенный от мяса.

А вот дальше, под мрачным утесом, у самой воды, что-то сереет — это намокшая, полузасыпанная галькой оленья шкура. Рядом вторая, а затем, по линии прибоя, целая полоса оленьей шерсти, смытой со шкур.

Несомненно, это следы какой-то арктической драмы! В двух шагах к востоку я нахожу и более серьезные доказательства: теплая куртка на вате, тяжелая от воды, и белый бязевый мешок с дробовыми патронами. В карманах куртки документы на имя чукчи Рольтыкая, выданные в Певеке, и записка, адресованная фактории на мысе Биллингса, из которой явствует, что Рольтыкай ездил туда за грузом. Записка, к сожалению, не датирована, и нельзя определить, когда ездил Рольтыкай.

В гальке и вблизи берега под водой больше нет ничего интересного, и я иду дальше, захватив документы Рольтыкая. Когда погиб он и погиб ли? Очевидно, что не зимой: кто же зимой снимает с себя теплую куртку с документами. Вероятно, прошлой осенью или этой весной, когда он ехал вдоль утесов, его захватил шторм, байдару залило волной, и груз, а может быть, и часть экипажа погибли. Недаром меня предупреждали об опасностях плавания у этих берегов.

Мрачные утесы, низкие серые тучи, туман на море, немолчный прибой, тяжелые массы снега, нависшие на склоне над головой, невольно заставляют рисовать себе потрясающую картину крушения, людей, барахтающихся в ледяной воде, опрокинутую байдару.

Но, забегая вперед, я успокою читателя: в Певеке, когда я принес в райисполком документы, меня встретили очень спокойно и рассказали, что Рольтыкай ездил на мыс Биллингса зимой, на собаках, и, испугавшись чего-то, бросил весь свой груз под утесами, где его потом и занесло снегом. Так рушились все мои детективные догадки.

Дойдя до последних утесов, я карабкаюсь по громадным глыбам мыса, под тяжелыми навесами скал. Сверху бросаются на меня чайки, крича отвратительными хриплыми голосами: они защищают своих птенцов, которые бродят под утесом. Последние уже величиной с взрослую чайку, но неповоротливые, пухлые и серые — гораздо темнее своих белых матерей. Птенец спокойно глядит круглым глазом на подходящего человека, повернув голову в профиль, и, только когда приблизишься на 2—3 м, он степенно, но как-то боком сходит к воде и отплывает, не проявляя никаких признаков волнения. Матери беспокойно носятся над водой, их крики разнообразны: то это нежный призыв к птенцу, то резкие,

отпугивающие меня крики; иногда эти крики явно обращены к другим взрослым чайкам.

Один из следующих дней я посвящаю экскурсии в глубь страны, вверх по речке Куйвивеем. Для того чтобы составить представление о геологическом строении этого района, надо пересечь прибрежную гряду и добраться до гранитного массива, лежащего в водораздельной части хребта, выяснить значение этого массива в геологической истории страны, узнать, какие металлы он мог принести с собой.

Побережье покрыто густым туманом. Не видно ни гор, ни моря, едва белеют сквозь мглу белые призраки льдин. Но как только отойдешь километра на два от моря в глубь страны, туман остается позади, становится тепло, солнце греет вовсю. Идти вверх по долине речки легко и приятно: болот мало, нога не грузнет между кочками, быстро шагаешь по старым галечникам, заросшим травой.

Тихо; лишь изредка запищит суслик и, повертев головой, быстро скроется в норке. Этих норок очень много, часто попадаются более крупные норы песцов; многие из них разрыты как будто лопатой, и земля разворочена по сторонам: это охотился бурый медведь. Медведей здесь немало, и часто видишь их помет, но сам мишка, очень осторожен, издалека чует человека и, наверно, сидит сейчас где-нибудь на сопке за камнями, высовывая черный нос и нюхая воздух.

В верховьях речки — крутые осыпи гранитных глыб, а на дне долины — болото, низкий ивовый кустарник. Здесь можно уже набрать сухих веток и развести костер. На Чукотке летом во многих местах можно найти топливо для костра: в глубине страны на дне долин по рекам много кустов, и лишь наиболее высокие перевальные области голы. Зимой, когда из снега торчат только самые

большие кусты, с топливом дело обстоит гораздо хуже.

К ночи я возвращаюсь назад; хотя по ночам уже темнеет, но все-же можно различить, куда ступать. Для дальних экскурсий по тундре мы надеваем чукотские черные «голые» торбаса. Высокие голенища их сделаны из скобленой нерпичьей кожи, пропитаны нерпичьим жиром, действительно непромокаемы и весят они очень мало. Подошва из кожи морского зайца (лахтака) очень тонка и поэтому непрочна; даже в тундре сносишь торбаса за десять дней. Но зато идти в них легко, и сегодняшний мой переход в 45 км не кажется мне тяжелым.

В два часа ночи я погружаюсь опять в густой туман побережья и бреду по гальке вдоль озера к палатке. Все спят, но в одном котле оставлен суп, в другом — большая порция компота.

За четыре дня мы закончили работу в районе новой стоянки.

Ковтун зарисовал горы для своей карты, а я сделал маршруты вдоль берега и в глубь страны; изучены гранитные массивы; сделаны пробные промывки песков на речках, текущих из них. Теперь надо возвращаться в Певек, чтобы исследовать Чаунскую губу. Но не тут-то было: прибой и пляшущие у берега льдины не позволяют отчалить. А там, на западе,— суровый мыс Шелагский, у которого при этом непрерывном восточном ветре прибой громоздит, наверно, целые горы.

Мы ждем день, другой. Ковтун и Выголка — охотовед Певекской промыслово-охотничьей станции, который поехал с нами, чтобы ознакомиться с полярным побережьем,— намерены отсюда пройти прямо через горы в Певек — всего около 100 км. Ковтун хочет заснять эту область для нашей карты, а Выголка — изучить места обитания песцов и другого зверя вдали от моря. Этот

пешеходный маршрут займет дней шесть. Им хочется уйти поскорее, пока нет дождей, но я их не отпускаю — нам втроем очень трудно будет справляться с тяжелой шлюпкой; может быть, если шторм усилится, ее придется вытаскивать далеко на берег.

Этот год — один из очень редких для побережья между Шелагским мысом и Ванкаремом, когда океанские волны могут свободно обрушиваться на берег. Обычно здесь дрейфуют льды, полыньи между ними незначительны и волна ничтожна. Поэтому самое лучшее судно для плавания в этих водах — чукотская байдара, легкая лодка, сделанная из моржовых кож, натянутых на тонкий деревянный остов. Она делается разной величины — от самых маленьких, в одну или две моржовых кожи, и до громадных, поднимающих больше тонны груза. Но в этом году для байдар плавание очень трудно. В сентябре две байдары, шедшие из Певека на мыс Биллингса с несколькими русскими и чукчами, едва обогнув Шелагский мыс, были выброшены прибоем на берег, и весь груз подмочен, а люди вернулись обратно, не рискнув двигаться вдоль открытого берега.

Другая авария произошла с учителями, направлявшимися из Певека к устью Колымы, чтобы оттуда проехать на реку Малый Анюй. Их вельбот был разбит прибоем на мелях в западной части Чаунской губы у о. Айона; учителя долго сидели на косе, на месте крушения, и, чтобы согреться, жгли понемногу вельбот. Потом им пришлось уйти пешком на запад; только возле р. Раучуван они встретили катер с Медвежьих островов, который и увез их на Колыму.

Первых русских мореплавателей Шелагский мыс встретил также очень сурово: в 1648 г. один из кочей, сопровождавших Дежнева в его походе к Берингову проливу, разбился в самом начале плавания у мыса Шелаг-

ского. Люди, по-видимому, спаслись и пересели на другие кочи.

Несколько дней мы слушаем днем и ночью рев прибоя. Иногда ночью надо выскакивать полуодетым из палатки, чтобы вытянуть лодку талями еще на 5—6 м выше. Нам не хотелось сразу вытаскивать ее высоко на берег: потом придется тащить обратно. А прибой непрестанно размывает смерзшийся в сплошной ком галечный обрыв, и лодка начинает сползать вниз, в накат.

Каждый день — низкие облака, ветер, врывающийся в палатку, дождь. 29-го выпадает снег, который покрывает все кругом. Плавника почти нет: его собрали чукчи, стоявшие на берегу, и мы варим пищу на паяльной лампе, которую Денисов установил в яме, вырытой в гальке.

30 августа я просыпаюсь от необычной тишины: прибой смолк. Нельзя терять ни минуты! Спустя короткое время шлюпка спущена и нагружена, мы отчаливаем. На берегу остаются Ковтун и Выголка; отплывая, мы видим, что Ковтун пляшет от радости — кончилось томительное сидение.

Через три часа плавания мы опять у Шелагского мыса. Здесь, как всегда, ветер, пока попутный. Но едва мы начинаем обходить вокруг мыса, чтобы войти в Чаунскую губу, нас встречает юго-западный ветер и высокие, короткие, опрокидывающиеся волны. Заходя все дальше за мыс, мы должны идти уже вдоль волны, и несколько раз белый гребень обрушивается в корму шлюпки. Но отступить и вернуться назад нельзя: все равно мы всегда встретим у этого сурового мыса ветер — с той или с другой стороны. И надо руководствоваться правилом, которое указывается в морских лоциях для прохода у мыса Горна: «Что бы ни случилось, держи на запад».

ПОСТРОЙКА ДОМА

Ушла по морскому берегу,
иное жилище сделала, совсем
поставила, оболокла шкурами,
в нем развесила всякое мясо.

Из чукотских сказок

Вернувшись в Певек, мы выяснили, что райисполком не может предоставить нам помещение в существующих домах и надо строить свой собственный.

Мы не взяли с собой из Владивостока леса, чтобы не увеличивать груз экспедиции и иметь возможность легче перебраться на устье Чауна. Зимовать я предполагал в утепленных сукном палатках или в домах, построенных из трех слоев брезента с засыпкой снегом между двумя внешними брезентами (видоизменение зимовочной палатки, предложенной Нансеном).

Но в Певеке можно устроиться с большими удобствами. По берегам губы везде много плавника, из него можно сделать стойки — остов для дома. Культбаза дает нам немного досок; мы с двух сторон обошьем стойки досками, а в промежуток между ними насыпем земли. Можно было бы на морском берегу набрать бревен для постройки рубленой избы, но это отнимет много времени, и мы не успеем исследовать губу. Начало сентября мы посвятили постройке дома. К сожалению, наш состав сильно уменьшился: Ковтун еще не пришел, механик Эдуард Яцыно уехал с нашим грузом в Чаун, другой механик — Александр Курицын — временно работал в райисполкоме; на отремонтированном им вместе с Яцыно моторном кунгасе культбазы он ездил вдоль побережья губы, заготавливая дрова для всего Певека, за что нам обещали полный кунгас дров.

Сначала мы два дня ездили на шлюпке вдоль берегов губы за бревнами. Я осматривал береговые обрывы, а Денисов с Перетолчиным связывали бревна в маленькие плоты. Стволы деревьев лежат на галечнике побережья оголенные, цепляясь растопыренными корнями, или полузарытые в гальке. Их много и на материке, и на о. Большом Роутане против Певека. Сначала надо по одному стаскивать стволы в воду, потом в брод тащить их вдоль берега и сплачивать у шлюпки. Мы буксируем за собой каждый раз два-три сплотка и за два дня приводим столько бревен, что хватит на постройку и останется еще на дрова.

В это время завхоз Володя Егоров нарезает дерн — влажный тяжелый полуторф — и укладывает его на просушку черными рядами на галечнике.

Постройка дома — ответственное дело, и наш главный строитель, Перетолчин, становится суровым и требовательным. Хотя план дома выработан давно, во время сидения на полярном побережье, но много вопросов, в особенности вопрос о способе засыпки землей стен, дебатируется непримиримыми спорщиками ежедневно во время обеденных перерывов и вечером в палатках.

Жители Певека, русские, проведшие здесь зиму, непрестанно пугают нас зимними ветрами, которые пронизывают дома, заносят снег внутрь сквозь стены, срывают крыши, уносят людей. Один хвастун рассказывает, как его катило по льду из Певека; он не мог ни за что ухватиться, пока его не забило за торос, где он пролежал больше суток; когда стих ветер, за ним приехала спасательная экспедиция. Хотя мы не верим даже и наполовину этим рассказам, но все же решаем покрыть весь дом броней торфа — и снизу, и с боков, и сверху.

Сначала закапываем стойки, затем кладем на них матки, на отбор которых Перетолчин обращал особое

внимание и во время заготовки радостно вытаскивал из галечника некоторые особо длинные и прямые бревна. Потом можно нашивать на остов дома доски — изнутри и снаружи.

К этому времени вернулись Яцыно из Чауна — осунувшийся после трехдневной бури, во время которой он качался в пустом кунгасе день и ночь среди губы,— и Ковтун с Выголкой. Последние сделали пешком 100 км и пришли почти без подошв — мягкие чукотские нерпичьи торбаса и русские ичаги не выдерживают долгой ходьбы. Ночью им приходилось туго. В горах уже холодно, ночью 4° ниже нуля, а топлива, кроме мелких кустиков, нет. Наши товарищи прошли через высокие перевалы хребта, и затем по печальной и утомительной кочковатой тундре, где паслись на осенних ягодниках медведи и птицы.

Теперь мы все в сборе, и постройка дома идет намного быстрее. Трамбуем пол — тщательно укладываются пластины дерна, щели между ними забиваются землей. Из-под пола могут идти самые опасные потоки холодного воздуха.

Перетолчин очень строг и зорко следит за тем, чтобы не осталось ни одной щели, делая выговоры за небрежную работу.

Следующий этап — потолок и крыша. По наклонной доске мы вносим наверх на носилках дерн, тщательно укладываем и потом утрамбовываем. Под дерн на потолок настилаем старые кули, рогожи, тряпки — все, что мы находим на берегу, брошенное после выгрузки парохода. Мы бродим по галечнику, как тряпичники, в поисках полезных отбросов и особенно пакли.

Начинается обшивка стен наружным слоем досок и закладка промежутка дерном. Теперь можно и уехать на юг: ясно, что жильем на зиму мы будем обеспечены,

а нужно успеть изучить еще все побережье Чаунской губы.

По западному и восточному берегам губы местами тянутся длинные обрывы утесов, и надо успеть осмотреть их до того, как их на восемь месяцев закроют крепкие снежные забои. Здесь очень мало утесов — мороз и ветер быстро разрушают скалы, всюду на горах видишь только осыпи. Лишь по берегу моря да кое-где по долинам рек, где размыв идет быстро, сохраняются свежие скалы. Поэтому каждый утес, в котором можно изучить условия залегания горных пород и их взаимоотношения, представляет большую ценность для геолога.

Становится холодно, по утрам ниже нуля, часто идет снег — надо торопиться. 10 сентября мы втроем, я, Ковтун и Денисов, уезжаем вдоль восточного берега губы. Втроем трудно будет вытаскивать тяжелую шлюпку на берег, но нельзя снимать со стройки людей — еще очень много остается сделать. Мы так привыкли к работе с талями, что надеемся справиться со шлюпкой и втроем.

Полуостров Певек выдается на юго-запад высоким скалистым мысом Валькумей (Матюшкина). Здесь, так же как и у мыса Шелагского, постоянно дует откуда-нибудь ветер — и встреча его с сильным течением из пролива между о. Большой Роутан и Певеком создает волны, в то время как за мысом и в проливе тихо.

Пролив этот очень интересен: вода течет в нем то на юг, то на север, в зависимости от направления ветра. При северо-западных ветрах вода из океана нагоняется в губу и уровень последней повышается. Прошлой осенью северо-западный шторм нагнал так много воды, что было залито все устье Чауна до Чаунской культбазы, которая стоит в тундре в 10 км от устья; вода залила на метр дома, люди сидели на крышах больше суток. Этот

шторм унес много строительного материала, подмочил грузы.

В самой губе этот же шторм выбросил на берег кавасаки, шедший с кунгасами из Певека в Чаун, разбил их и растрепал круглый домик, который перевозили в Чаун.

Чаунская губа встречает нас хорошо — даже у мыса Валькумей волна невелика. Морские птицы — серые толстые пушистые гаги, маленькие черные чистики с ярко-красными лапками и другие — собираются в стайки и перелетают мимо шлюпки. Денисов азартно стреляет, и в случае удачи нам приходится делать круги вокруг утки, чтобы поймать ее на ходу, не останавливая мотор.

Сегодня мы проходим первый утесистый мыс Млелин и ночуем у болотистой тундры. В нескольких километрах в глубине тундры белеют яранги богача-оленевода, и спустя час к нам оттуда прибегает, раскачиваясь на ходу и подпевая, оборванный чукча-пастух, один из батраков богача.

Произнеся обязательное чукотское приветствие «Я пришел», он садится к костру и, как только поспевает чайник, наливает себе кружку, вытаскивает из-за пазухи кусок своего сахару и пьет вприкуску, медленно и основательно. Потом внезапно срывается с места, ничего не сказав, и уходит припрыгивая и подпевая. У чукчей нет обычая здороваться: пришедшему говорят только «етти» (ты пришел), и он отвечает «и» (да); иногда он сам скажет «я пришел». Прощаться совсем не полагается. Сначала это кажется странным, но потом привыкаешь[1].

---

[1] Автор не совсем точен: уходя, чукчи говорят: «аттау» — пока (прим. ред.).

Во второй день при небольшой встречной волне мы проходим вдоль низких берегов с лагунами, тянущимися за косами, до следующего ряда утесов, мыса Турырыв, или Росомашьего. Мы хотим исследовать весь ряд утесов сегодня же, но против самых высоких скал мыса из-под кормы подымаются грязные волны — винт ударяет о дно, здесь мелко.

Денисов круто поворачивает от берега, мы огибаем мыс, потом опять осторожно приближаемся к утесам. Здесь еще хуже: три ряда кос — узких мелей — отделяют берег. Мы находимся в южной мелкой части губы, где реки Ичунь и Чаун засыпают ее дно своими наносами не только у низких берегов, но даже под утесами.

Приходится вернуться назад. Тотчас к северу от мыса, между камнями и песчаной косой, мы находим узкий проход в маленькую бухточку — ванну в песке, укрытую от южных ветров утесами. Здесь как раз столько места, чтобы поставить шлюпку на якорь. Юго-восточный ветер согнал воду и обнажил песчаный пляж; здесь можно разбить палатку, пока не подует северный ветер.

Эта бухта понравилась нам больше всех стоянок. Тихо, не беспокоишься за лодку, сколько угодно дров — плавник лежит кучами. Тут же и пресная вода в лужах на пляже, профильтровавшаяся сквозь песок из тундры.

На тундре — густые заросли ивы высотой по пояс: очевидно, и северные ветры, поднимаясь на гряду холмов, затихают у их подножия. Под холмами, на мху,— янтарно-желтая, налитая, крупная морошка, на которой пасутся гуси. При виде нас они с гоготом улетают; за два дня мы добросовестно очищаем все пастбище, не оставляя гусям ни ягодки.

С холмов у мыса видна равнина — Чаунская впадина, тянущаяся до горизонта к югу и западу. Только на востоке ее окаймляют какие-то горы, где текут таинственные притоки Чауна, нанесенные на карту 150 лет тому назад капитаном Биллингсом, прошедшим с чукчами по горам от Берингова пролива до Большого Анюя. С тех пор никто не был во внутренних частях Чукотского хребта, и карта хребта, за исключением частей, заснятых моими авиаэкспедициями 1932—1933 гг., до сих пор повторяет съемку Биллингса.

Изучение этих обширных пространств суши предстоит нам зимой и весной. А теперь мы должны идти на шлюпке к западному побережью губы. Там есть, судя по рассказам, длинные ряды утесов и даже месторождения графита, найденные одним из местных работников. Нам дважды надо пересечь Чаунскую губу — сначала сделать маршрут на запад и затем обратно в Певек,— но если погода испортится, придется огибать губу вдоль берегов, и на это нам не хватит горючего. Поэтому я решаю вернуться в Певек и захватить побольше бензина, чтобы крейсировать затем вволю по губе.

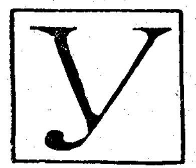
С мыса Турырыва мы забираем целую копну морских водорослей. Это единственное место на побережье, где на плоский, низкий пляж волны выкидывают комки тонких, спутанных волокон быстро сохнущих водорослей. Это те водоросли, которыми набивают непотопляемые «капковые» лодки и подушки. Мы можем использовать их в хозяйстве, начиная от стелек в меховых сапогах и до матрацев.

Попутные волны поднимают корму и бросают шлюпку вперед. Через семь часов — мы уже и «дома», в Певеке. Но «дома» нас встречают нелюбезно — дом еще не готов, а мы хотим в нем ночевать. Постройка быстро подвигается вперед: втроем наши товарищи уже закончили стены, Перетолчин сделал рамы и приступает к внутренней отделке. Мы не будем им мешать — только переночуем.

ЧАУНСКАЯ ГУБА ОСЕНЬЮ

Ночь темна. Волны — одни волны кругом!

Александр Грин



Утро уже как будто сулит хорошую погоду. На юго-западе едва поднимается над водой вершина большой горы Наглойнын со ступенчатой вершиной, вероятно, сложенной гранитом, как и другие горы с таким же рельефом, окружающие Чаунскую губу. Нам надо сделать рискованный переход — 100 км прямо через губу к северному концу утесов. Певекцы не верят, что мы настолько смелы: «Неужели вы решитесь идти прямо через губу?» В Певеке несколько вельботов, вдвое большего размера, чем наша шлюпка, вполне мореходных, но на них пробираются вдоль берегов, чтобы выброситься на берег в случае бури. Даже кавасаки с кунгасами не решаются выходить на середину губы и при рейсах в устье Чауна придерживаются восточного берега. Прошлогодняя авария всех здесь напугала.

Действительно, пересечение Чаунской губы — настоящий морской рейс. По расстоянию это все равно, что переплыть Ламанш у Шербурга, или южный конец Адриатики, или Баффинов залив в узком месте. Вследствие малых глубин — не более 20 м — волны в губе не такие высокие, как в открытом море, но зато круче и опасны для открытой шлюпки.

Чтобы защитить нашу короткую шлюпку от этих волн, мы, по чукотскому обычаю, надставляем брезентовую стенку — пока только с правого борта, со стороны самого страшного ветра. Если поднять эту полосу брезента, то борт повысится на 70 см и волны не так легко будут заливать шлюпку.

Мы весело идем по проливу между островом Большой Роутан и материком, держа курс прямо на вершину горы Наглойнын, которая виднеется на юго-западе за губой. Но при выходе из пролива нас встречает «мордотык» — свежий встречный ветер. Быстро нарастают волны, шлюпка круто прыгает вверх и хлопает днищем. Волны плещут через незащищенный брезентом борт. Предстоящие 100 км кажутся неприятными. Лучше немного обождать.

Причаливаем у мыса Валькумей, возле двух яранг. Пока мы с Ковтуном заняты изучением ближайшего склона горы, Денисов обивает брезентом левый борт шлюпки. К нам бредет унылый чукча, хозяин этих яранг. Маленького роста, худощавый, но коренастый, с необыкновенными для чукчи черными усами на морщинистом лице. Он целыми днями сидит на берегу вместе со всей семьей и смотрит за сетью. Сеть метров 20 длиной выдвигается на длинном шесте с берега в море, затем, как только рыба (голец) подойдет к сети, последнюю быстро подталкивают к берегу, действуя ею как неводом. Когда рыбы много, этот примитивный способ лова приносит хорошие результаты. Голец — крупная и вкусная рыба из семейства лососевых, весом от 1 до 5 кг.

Чукча приносит нам маленьких полукопченых-полусушеных гольцов, мы даем ему взамен сухари.

К вечеру как будто стихает. У мыса Валькумей еще бегут ленивые волны, но дальше на юго-запад блестит ровная поверхность. Мы пускаемся в путь. Не надо даже поднимать наших брезентовых заграждений. Мотор стучит без перебоев, шлюпка бойко режет волны. На средних оборотах мы делаем 12 км в час; нам надо часов восемь, чтобы пересечь губу.

Тихо. Нет даже уток — мы ушли далеко от берега. Только изредка высунется усатая голова нерпы и посмот-

рит на нас удивленными круглыми глазами. Она «вы-стает» — по образному выражению поморов,— высовывая из воды плечи, и плывет за нами, чтобы рассмотреть эту большую странную штуку, которая стучит и разводит волну.

Быстро темнеет, но на светлом фоне неба виден ступенчатый силуэт горы Наглойнын. Сзади — профиль Певекской горы. Он никак не хочет уменьшаться, а профиль Наглойнын все еще низкий. Кажется, мы остановились в темной бездне, только черная поблескивающая вода и темное небо без звезд, и хотя нос режет воду, отбрасывая ее двумя пенящимися струями, но мы как будто не двигаемся. Временами налетает ветерок, легкая рябь или даже маленькие волны бегут нам навстречу.

Профиль Наглойнын в темноте так и обманул нас — казался все таким же маленьким, пока вдруг не пахнуло на нас холодом, весло при промере уткнулось в дно, и, едва успев остановить мотор, мы сели на камни у берега. Берег плоский, с камнями,— шлюпка подходит плохо. До утра надо подождать, потом выберем место получше. Над берегом поднимается мерзлый обрыв оплывин торфяной почвы в несколько метров высоты, а над обрывом — кочковатая тундра. В темноте натыкаемся на бревна — есть плавник, можно погреться. Скоро под толстым стволом запылал огонь, и, сидя возле чайника, мы с гордостью обсуждаем подробности ночного перехода: можно будет утереть нос певекцам!

Гора Наглойнын стоит, так же как и Певекская, на краю губы, высоко возвышаясь над лежащей к югу холмистой страной — и на ней постоянно образуются облака, переползающие то на юг, то на север. Вскоре с севера наползает туман, закрывающий и гору и все кругом. Местное ли это образование или туман охватывает большое пространство? Стоит ли утром лезть на гору, или ее

вершина также окутана облаками? Но нам нельзя выжидать — каждый день могут начаться северо-западные осенние штормы, которые прижмут нас к этому берегу.

После утреннего чая мы с Ковтуном направились сначала вдоль берега на запад, пока по расчетам не поравнялись с горой. Затем смело лезем по кочковатому болоту в туман на юг. Через некоторое время поверхность начинает повышаться, появляются бугры щебня, и, наконец, под нашими ногами черный щебнистый пологий склон, сложенный сланцами. Долго идем мы по плоской его поверхности, стараясь не свернуть с водораздельной оси увала. Наконец сланцы сменяются роговиками — значит, мы идем правильно: роговики должны окружать кольцом гранитную вершину[1], и мы приближаемся к ней. На высоте 200 м над уровнем моря туман начинает разрываться, показывается голубое небо, клочья тумана ползут по логам — и вот мы уже поднимаемся по гребню над сияющим белым полем.

Перед нами вздымается мрачная вершина горы. Крутой подъем, сначала по осыпям черных роговиков, затем уступ — опять кочковатая тундра, болото, ручьи — и выше в виде гигантской лестницы — гранитный склон. Ступени этой лестницы по 30 м высоты; они состоят из неправильного нагромождения глыб гранита. Идешь, балансируя по острому ребру глыбы, потом прыгаешь на гладкую скользкую поверхность следующей, ползешь по ней вверх. И так шаг за шагом взбираешься все дальше, а вершина все еще далека!

Эти гигантские ступени видны не только на склоне горы Наглойнын, все береговые горы высотой более 500 м, начиная от Колючинской губы на востоке до Ко-

---

[1] Когда магматические породы внедряются в осадочные, они изменяют их состав и делают их более плотными, крепкими; сланцы, например, превращаются в роговики.

лымы на западе, покрыты такими ступенями — террасами. Сначала я приписал им морское происхождение — они имеют, на первый взгляд, большое сходство с обычными морскими террасами, отмечающими постепенное поднятие материка. Но внимательное их изучение показало, что мы имеем дело с оригинальной формой нагорных террас, которые образуются вследствие неравномерного накопления снега (при господствующих здесь зимой пургах) и последующего оттаивания и замерзания влажной почвы и скольжения по ней камней. Террасы эти живут, расширяясь и надвигаясь вперед непрерывно.

Довольно поздно добрались мы до плоской вершины горы. Высота ее оказалась 900 м, и отсюда открылся вид далеко во все стороны. Но вся Чаунская губа закрыта толстым ватным слоем тумана, над которым торчат черные и серые вершины окружающих гор. Белые языки вползают по логам и, ощупав гриву, переваливают через нее белым потоком.

Только на южном конце губы кончается пелена тумана, и здесь он лежит волнами, между которыми блестит вода. За покровом тумана к западу и к югу — цепи гор, все более серые и неясные вдали. Это неизвестная, неисследованная страна. Удастся ли зимой пройти сквозь эти острые хребты на аэросанях? Ведь аэросани не могут подниматься на крутые склоны.

Как ни интересен пейзаж, приходится торопиться назад, не закончив работу на вершине; наступает вечер, и до темноты надо пройти хотя бы хаос гранитных глыб. Спуск по ним в сапогах труден: после прыжка на острое ребро или покатую поверхность чувствуешь себя очень неуверенно. Уклон крут, и неудержимо тянет бежать вниз и прыгать с глыбы на глыбу.

К ночи пройден весь крутой скат, и остаются твердый пологий щебенчатый увал и кочковатое болото.

Ночью никак не удается прыгать с кочки на кочку и находить маленькие щебенчатые площадки. Бредешь по воде между кочками, спотыкаешься, ругаешься про себя. Кажется, этому болоту нет конца.

Наконец вот и берег. Но спуститься нельзя — мы попали к гряде низких утесов. Приходится брести дальше по кочкам к востоку, пока Ковтуну не удается сползти по какой-то рытвине на пляж.

На другой день при пешеходной экскурсии по берегу к востоку я нахожу многочисленные следы чукотских стоянок. Сюда выходят оленеводы на лето, чтобы поохотиться на морского зверя. То здесь, то там видны камни очагов, остатки костров и даже следы детских игр: белые камешки, которыми выложен план яранги и полога, а внутри положены пустотелые камешки — посуда. А вот три маленькие яранги, сложенные из дерна, высотой в 20 см.

Путь от горы Наглойнын на юг лежит мимо длинного ряда больших утесов. Это холмистая страна, размытая морем,— прибой образовал непрерывные ряды утесо́в в 50—70 м высоты. У их основания — узкая полоса пляжа, прерываемая обрывами и нагромождением камней. В этих обрывах видны превосходные разрезы складок, опрокинутые и перемятые,— вся толща сланцев и песчаников надвигалась на северо-восток, и складки разрывались, ползли одна по другой. И вот по этим разрывам потом проникли воды с растворами кварца и отложили кварцевые жилы, которые оживляют своими изгибами серые стены утесов. Среди жил в конце утесов, тянущихся на 20 км, попадаются толстые, до двух метров. Я их осматриваю внимательно — нет ли где следов металлических руд. В первой же толстой жиле я нахожу зерна мышьякового колчедана и ползаю по склону в поисках более значительных вкрапленников. В это вре-

мя ко мне подходят чукчи. Это оленеводы, они ловят здесь рыбу тем же утомительным способом, который я описал выше. Они с любопытством смотрят на мои поиски и уверены, что я ищу «манеман» (по-чукотски деньги, а также золото — от английского «money»; в чукотский язык проникло несколько английских слов от торговцев с американских шхун).

Чукчи одеты очень бедно, в протертые до кожи мягкие кухлянки и затасканные штаны. Опираясь на палку, дряхлый старик сосредоточенно следит, как я разбиваю кварц молотком.

Один из чукчей, большой детина со скуластым лицом, говорит, что здесь «мане-ман» мало, а вот на востоке у мыса очень много, и обещает показать. В награду он просит отвезти его вместе с его уловом на шлюпке до конца утесов, где стоят яранги. Я иду с ним и с другим маленьким парнем вдоль утесов. По дороге он захватывает нерпичью шкуру, снятую целиком и набитую рыбой, и легко несет ее на плече.

В двух километрах далее — еще одна толстая жила, кварц переполнен серным колчеданом и сияет, как золото, когда я отбиваю куски. Чукчи в восторге, но очень удивлены, когда я говорю, что весь этот блеск ничего не стоит.

Но «мане-ман», к которому вели меня чукчи, лежит дальше и оказывается еще менее ценным; это только мелкие желваки серного колчедана в серой стене утеса. Вот и конец утесов, носящих название Энмытагын. В тундре, над пологим берегом, белеют яранги, на широком пляже бродят русские фигуры, а в море блестят белые борта вельбота. Необыкновенная встреча в таком далеком и мрачном углу: это сотрудники культбазы, приехавшие сюда сегодня из Чауна.

Русских трое — краевед Лобода и учительницы Абрамова и Волокитина. Они будут кочевать вместе с чукчами.

Как мне рассказывали потом учительницы, в течение шести месяцев постоянных кочевок им было очень трудно приохотить чукчей к учению. У каждой из них было очень мало учеников — два-три, редко до шести. Чукчи старались не стоять вместе, а разойтись на такое расстояние, чтобы сделать невозможным совместное обучение детей. Обстановка кочевки также мало способствует учению: чуть напьются чаю, полог убирается, и можно учиться лишь на морозе, где-нибудь у стада или в дыму костра в яранге. А вечером, когда расставят полог, опять пьют чай, едят и ложатся спать. По-видимому, главной причиной отрицательного отношения чукчей были шаманы — они считали учение опасным. Хозяин яранги, в которой жила Абрамова, вскоре вызвал шамана, виновато сообщил ему, что вот у него два несчастья: во-первых, его выбрали в нацсовет, а во-вторых, пришлось приютить русскую. И духи уже гневаются; волки задрали двух оленей. Но он обещает, что в нацсовете он будет делать только то, что соответствует чукотским обычаям, а что касается русской, то она безобидная и почти что чукчанка, и если что сейчас еще делает не так, то потом научится. Последовавшее затем камланье[1] должно было избавить хозяина от дурных последствий этих несчастий.

Обе учительницы сжились с оленеводами, принимали участие в работах чукотских женщин и заслужили полное одобрение чукчей, так что к Волокитиной даже дважды сватались чукчи, считая ее вполне пригодной для ведения чукотского хозяйства.

Нельзя не восхищаться самоотверженной работой этих первых пионеров советской культуры, которым в та-

[1] Религиозный обряд, заклинание духов.

ких тяжелых условиях пришлось вести преподавание и бороться с влиянием шаманов.

День был уже на исходе, нам очень хотелось заночевать у этих яранг, но море спокойно, ровная его поверхность отливает серым блеском, и надо спешить к самому дальнему юго-западному углу губы.

Теперь темнеет уже рано, приближается осеннее равноденствие, и мы доходим до цели опять в полной темноте.

Наутро ветер бьет с севера. Мы с Денисовым выезжаем на лодке с намерением осмотреть низкий ряд утесов к северу, но мотор не желает участвовать в этой поездке: впервые за всю свою короткую жизнь он решает серьезно заболеть какой-то таинственной болезнью. Оставив Денисова возиться с мотором, я иду пешком вдоль утесов, отыскивая тот графит, который был обещан одним из местных русских. Но всюду только твердые песчаники и марающие руки глинистые сланцы, которые при некоторой фантазии можно принять за графит. Но зато я нахожу другое очень красивое полезное ископаемое: пляж в некоторых местах покрыт тонким слоем кроваво-красного песка. Он состоит из мелких зерен граната, вымытых прибоем из какой-то изверженной породы. Такие пески представляют превосходный материал для шлифовки и полирования.

На второй день ветер не стихает, мотор все еще болеет, и попытка выехать на юг вскоре кончается неудачей. Я ухожу по утесам и болотам вдоль берега.

К вечеру, победив мотор, Ковтун и Денисов догоняют меня за концом утесов. Дальше к юго-востоку видны только низкие песчаные берега с обрывами и оползнями, тундра с черными прослоями торфа, там геологу почти нечего делать, и исследование губы можно считать законченным.

Приходится здесь заночевать; по-прежнему свежий ветер гонит крутые волны с севера, и с трудом удается пристать и выгрузиться у устья ручья. Пока мы таскаем груз через полосу прибоя, начинает падать густыми хлопьями снег, закрывая все кругом.

У нас есть железная печка, в устье ручья прошлогодний шторм загнал плавник, и мы весело проводим вечер, несмотря на вой ветра. Завтра мы возвращаемся домой — какое хорошее слово «домой»!

Завтра в самом деле мы можем выехать — ветер стих. И нас обуревает дерзкое желание — пройти прямо в Певек наискось через всю губу. Это пересечение еще длиннее предыдущего, отсюда не видно даже вершины Певекской горы, хотя она более 600 м высоты. Смело мы пускаемся на северо-восток, направляя нос шлюпки на горизонт, несколько левее едва видимых вершин восточных гор Летайпиан. Слабая рябь, ветра почти нет; и только мотор что-то шалит: время от времени в нем раздается странный стук, резкий и короткий. За два дня Толе не удалось выяснить его болезнь — надо разобрать его как следует.

Проходит час, мы отошли километров на десять от берега — и положение резко меняется: с юго-востока подымается сильный ветер. Волны быстро нарастают, и со всех сторон видны крутые их гребни с белой пеной. Несмотря на поднятые брезентовые стенки, лодку захлестывает. Надо переменить курс, чтобы волна не била так прямо в борт. Постепенно мы склоняемся к югу, идем уже к Турырыву, но ветер все сильнее, и положение наше становится рискованным. Шлюпка каждую минуту встает на дыбы и затем с силой хлопает носом о волну. Мотор не внушает доверия, не говоря уже о том, что стуки в нем продолжаются. Самое его положение на корме очень опасно: в любой момент его может захлест-

нуть волной, и тогда он остановится. А завести капризный подвесной мотор на волне не так-то просто. Кроме того, наливать бензин в бак надо высунувшись над кормой, и половина бензина при этом проливается.

Мы принуждены, наконец, бежать под защиту южного берега. Он очень плоский, и ближе чем за полкилометра к нему не подойдешь, даже на нашей шлюпке. И здесь также сильно хватает ветер, особенно, когда надо отходить опять в губу, огибая косы и мели двух устьев реки Чаун. На низкой плоской тундре видны пирамиды опознавательных знаков, поставленных у обоих устьев, здание фактории, серые стволы плавника и толстые белые чайки на желтом песке пляжа. Ветер срывает пену с коротких крутых волн, а когда мы отходим из-за мелей в море, снова хлещет через борт.

Так идем мы до вечера к знакомой нам тихой гавани Турырыва. Здесь песчаная бухточка стала еще меньше, а вход в нее еще более узким. Но все так же тихо и уютно.

Утром не хочется уходить отсюда на север — в Певеке, наверно, холодно. Мы оттягиваем отъезд, бродим по холмам, но надо все же ехать. И в полдень, забрав новую порцию сухих водорослей, мы пускаемся в путь по несколько утихшему морю. Навстречу пыхтит кавасаки — из Певека тащится в Чаун последний в этом году караван кунгасов. Эти кунгасы так и не успели вернуться в Певек: в устье Чауна захватил их 1 октября речной лед, и только кавасаки проскочил обратно; море замерзло позднее.

Длинный шестичасовой переход к мысу Валькумей мы совершаем спокойно. Попутный ветер весело подкатывает волны под корму, и хотя мотор время от времени зловеще постукивает, мы не обращаем на него внимания: через несколько часов мы уже дома. Но мотор

решает иначе: за месяц он отстукал уже 800 км, хватит. И как только стемнело, он остановился. Денисов выясняет, что сорвана шпонка. Пока он меняет шпонку, мы с Ковтуном гребем, чтобы не отнесло в море. Через полчаса шпонка вставлена, но скоро и она срывается, и экспертиза устанавливает, что сломалась шестеренка. Приходится последние 10 км пройти на парусах. У нас на шлюпке всегда лежат весла, мачты и парус — эти самые надежные средства передвижения.

Ветер тянет слабо и, когда мы заходим за Певекскую гору, совсем стихает. Приходится опять садиться за весла и тихонько шлепать вдоль косы. Темный силуэт нашего дома наконец выползает из тени горы, видны аэросани, куча груза, кресты соседних могил. Мы дома.

НАШ ЗИМНИЙ ДОМ

Рви окна, подлая метель.
П. Антокольский

Мы вовремя успели вернуться в Певек: через день начался шторм с севера и северо-запада, продолжавшийся шесть дней. В губу нагнало много воды, и уровень ее поднялся больше чем на метр. Волны, казалось, хотели перебраться через галечный вал и опрокинуть наш дом. Они тащили водоросли — большие полотнища ламинарий, какую-то грязь, сучья, стволы и свечки. Да, самые настоящие свечки, но не такие, какие делали в те годы у нас в Союзе, а более короткие и толстые, так что можно ставить их на стол без подсвечников.

Я сразу узнал их: это американские свечи, которые завозили одно время в Якутию и Чукотку вместе с другими товарами из Америки фрахтованные американские суда, когда наш торговый флот был еще недостаточен для обслуживания Северо-Востока.

Наверно, наконец, растрепало штормами шхуну «Элизиф», которую в 1925 г. затерло льдами у мыса Биллингса.

Она лежала с тех пор на мели, и каждый год зимой из нее добывали вымораживанием часть груза и вывозили в ближайшие фактории.

Когда прекратился шторм, с о. Большой Роутан приехал живущий там чукча Аттык и рассказал, что на остров кроме множества свечей выкинуло 13 бочек газолина — такого же, как был на «Элизифе»,— и банки с сушеным картофелем. Позже пришло известие, что на мыс Шелагский выкинуло нос шхуны, и из него там сделали крышу строящейся школы; а приехавшие зимой с востока рассказали, что у мыса Биллингса по берегу тянутся размотанные куски мануфактуры, перевитые водорослями и забросанные галькой, и чукчи делают себе из сукна покрышки для яранг. Сукно, впрочем, пролежав 5 лет в воде, частью уже подгнило.

Неудивительно, что «Элизиф», простояв пять лет, разнесена на куски лишь в этом году; после нескольких тяжелых ледовых лет, когда льды блокировали чукотское побережье, впервые здесь свободно гуляют волны. И «Элизиф», корпус которой был наполнен льдом, не таявшим и летом, потеряла теперь это внутреннее крепление, внезапно растаявшее, и неистовый осенний шторм разметал на пятьсот километров вдоль по берегу корпус шхуны и остатки груза.

Для окрестностей Певека этот шторм был благодетелен — снова нанесло плавник на берега, где все топливо было уже подобрано при дровозаготовках. Теперь опять берег покрыт густым слоем древесной мелочи, водорослями, стволами.

Наша жизнь все теснее замыкается в доме. Сначала мы вносим все новые и новые усовершенствования: надо в маленькую кубатуру комнат заключить максимум комфорта. Перетолчин все прилаживает полочки, койки, делает стол, табуретки. Металлические изделия — это обязанность Курицына. Из его искусных рук выходит множество предметов, которые украшают наш дом. Во-первых, плита, сделанная из толстого железа и обложенная внутри кирпичом. Долго обсуждается вопрос о том, вывести ли трубы прямо вверх или по традиции всех северных жилищ сначала обвести трубы вокруг стен, чтобы лучше обогреть комнату. Наконец обе спорившие стороны пошли на компромисс, и печь получила одно длинное колено, которое пересекло половину комнаты и было выведено в отверстие над обеденным столом. Из этой трубы зимой жидкие возгоны капали нам в тарелки с супом, пока на стыках всех колен не подвесили жестянок.

Второе произведение Курицына — большой умывальник, сделанный из бензиновых банок. Умывальник этот может удовлетворить самым придирчивым требованиям удобства и гигиены: у него бак с медным штифтиком, большой таз, две мыльницы. Пустые бензиновые банки служат Курицыну материалом для изготовления всевозможных предметов обихода, серия которых заканчивается мороженицей. Да, самой настоящей мороженицей, которую ставят в ведро, наполненное льдом, и вращают, чтобы экономить свои силы, при помощи американского сверла — дрели. Эта мороженица и беспредельный запас морского льда позволяют нам объедаться мороженым всех сортов.

Но следует познакомить читателя с нашим зимним бытом более серьезно и систематически. Снаружи наш дом имеет не особенно привлекательный вид: это низкое строение с плоской крышей и всего только с тремя маленькими окнами. И от этой низкой избы, которая отличается от северного лесного зимовья только брезентом, закрывающим ее сверху, да радиомачтой, к морю выдвигается такой же низкий амбар, обтянутый брезентом. Когда входишь в амбар, то видишь справа и слева стены ящиков и тюков — это наше снаряжение и запасы продовольствия, спрятанные сюда от пурги. А в глубине — верстак Перетолчина и рабочее место механиков. Амбар этот, кроме того, предохраняет входную дверь дома от ветра и снега.

Поэтому во время пурги мы имеем кроме дома еще обширное помещение, где можно свободно двигаться и работать.

Через крепкую и плотно сбитую дверь попадаешь в небольшое помещение, отделенное от главной комнаты занавеской. Вначале занавеска была белая, но теперь копоть от примусов придала ей мрачный оттенок. Точно так же потускнела жесть умывальника, украшающего простенок,— небрежность чисто мужского холостого общежития не соответствовала его чистоте, и умывальник не представляет собой такого выигрышного экспоната, каким был в октябре.

Первая комната — это прихожая, умывальня и кухня с великолепным столом для примусов, обитым жестью и клеенкой. За занавеской — большая жилая комната. По стенам — пять коек наших технических сотрудников. Над каждой висят предметы, любезные сердцу обитателя,— ружья, бинокли, собственноручные рисунки. Но совершенно нет ни женских фотографий, ни головок из иллюстрированных журналов.

Койки — в разной степени беспорядка, в зависимости от аккуратности владельца.

Три раза в день мы собираемся за длинным столом, стоящим посередине комнаты и поглощаем с неизменным аппетитом, несмотря на зимовочную сидячую жизнь, множество продуктов, которые заготавливает для нас завхоз Егоров. За этим же столом днем работают, а вечером я веду занятия по английскому языку, арифметике и русской грамматике. Стол освещен слабенькой висячей лампой, но лучшей мы не могли достать. Для лампы не было стекла, и мы заимствовали пузатое стекло от фонаря «летучая мышь». Стекло от сильного нагревания уже лопнуло, и сеть трещин пересекается сетью проволок и асбестовых нитей, скрепляющих стекло снаружи.

Недостаток ламповых стекол в Певеке — обычное явление, и притом уже в течение ряда лет. Поэтому певекцы выработали технику превращения в ламповые стекла светлых бутылок, но эти бутылочные стекла живут очень недолго. Курицын внес и свою лепту в это изобретательство: он изготовляет для нас и для других певекцев изящные квадратные призмы — оконные стекла, вставленные в легкую жестяную раму,— которые, к удивлению, не лопаются в течение долгого времени.

От большой комнаты перегородкой отделена маленькая, площадью 7 кв. м, где помещаемся мы с геодезистом Ковтуном. Здесь наши койки, два маленьких складных столика для работы и даже наша «радиостанция» — два приемника. Недостаток площади заставляет нас очень экономить место, и взамен складных кроватей мы сделали койки из брезента, натянутого на брусья на большой высоте. Под ними можно держать неисчислимое количество ящиков.

Комната наша занимает самый опасный угол дома — юго-восточный, на который обрушивается ветер,

падающий с Певекской горы. Нам пришлось обить стену изнутри папкой, но и это не помогло, и в первую же пургу мелкий, как пыль, снег проник сквозь стены, сквозь земляную засыпку, и вдоль стены у нижнего плинтуса намело целые сугробы. Только когда мы покрыли южную стену дома брезентом снаружи, прекратилось это вторжение снега через стены.

Дом наш так тщательно сложен и законопачен, что в безветренные дни, несмотря на морозы, приходилось топить очень мало — полчаса утром и столько же вечером, и до января мы никогда не закрывали трубу. Даже пришлось сделать специальные отдушины в стенах, чтобы улучшить вентиляцию.

В Певеке мы имели возможность наблюдать интересную разновидность пурги — ветер типа фёна, падающий с Певекской горы. Гора эта возвышается на полуострове, к которому с юга и востока примыкает обширная равнина. Зимой господствуют юго-восточные ветры, которые спускаются в Чаунскую впадину с Анадырского плато.

Двигаясь по Чаунской равнине с умерённой скоростью, ветер встречает препятствие — Певекскую гору высотой до 600 м; воздух взбирается на нее и затем стекает к северному подножию с большой скоростью. В то время как на равнине пурга обычно имеет скорость не более 15—20 м в секунду, в Певеке ветер достигает 30—35 м в секунду. Кроме того, хотя воздух, спускаясь с горы, должен нагреться на столько же градусов, на сколько он охладился при подъеме, но вследствие образования облаков на вершине горы температура воздуха, спускающегося по подветренному склону, поднимается еще больше. Поэтому ветер типа фёна — теплый, и в Певеке иногда температура за сутки во время ветра поднималась на 30 градусов: например, с 35° до 5° мороза.

Казалось, что наступает оттепель.

Интересно следить за развитием ветра «Певека», как иногда его зовут. Сначала над горой появляются сигарообразные облака, так называемые «цеппелины», верный признак того, что воздух перекатывается через гору; очень часто других облаков нет и небо кругом чисто. Затем начинает со значительной быстротой падать барометр и повышаться температура. Через сутки или даже через полсуток появляются первые ощутительные порывы ветра, но селение еще пока защищено от него. Ветер переваливает через низкую седловину, пурга метет восточнее Певека. Вершина горы вся курится — это вздымаются вихри снега.

Снежный поток все расширяется и захватывает один за другим дома селения, а с горы к нам начинают спускаться юркие, быстрые, тонкие снежные смерчи. Бывали дни, когда целый десяток их сбегал одновременно. В это время мы торопимся закончить все дела вне дома: принести дрова, привезти воды с озера, но не всегда это проходит благополучно: ветер похищает крышку от бака с водой и угоняет ее в море, забивает лицо снегом, не дает идти.

Потом пурга захватывает и наш дом, он расположен под защитой главной вершины, и когда к нам подходит пурга, то скорость ее достигает 15—18 м в секунду. Этот момент для нас, сидящих внутри, отмечается двумя звуками: хлопаньем брезента, покрывающего крышу, и лязгом проволочных растяжек, укрепляющих трубу. Хотя на брезент положены бревна и тяжелая цепь и он туго натянут и прибит к стенам, но в течение целых суток, пока длится пурга, он ударяет по крыше размеренно, тяжело и глухо.

Напряжение ветра неравномерно, он то усиливается, то ослабевает, волны воздуха падают с горы подобно

волнам моря: то сильные, то слабые. Бывают даже перерывы — вдруг грохот и лязг внезапно стихают, наступает тишина, которую действительно можно назвать «мертвой», потом вдруг, через несколько минут или даже через полчаса, начинается снова неистовый грохот. При этом барометр ведет себя также невыдержанно: то подымается, то падает. У меня, например, 10 ноября записано в 2 часа дня падение на 3 мм в течение сорока минут, а за следующие двадцать минут — поднятие на 2 мм. Ветер дует обычно около суток, достигая иногда скорости 35 м в секунду, но бывают и трехсуточные пурги.

В это время мы сидим дома; печка топится, потому что дом быстро охлаждается. Иногда выглянешь на улицу, чтобы измерить анемометром силу ветра и попробовать, можно ли идти против пурги. Но уже при ветре в 18 м в секунду передвижение доставляет мало удовольствия: лицо сечет снегом, каждый шаг берется с трудом, дышать можно только отвернувшись. Конечно, самая большая неприятность — это снег и холодный воздух, которые забиваются всюду; хотя температура и повысилась, но охлаждение очень велико. Идти все же можно, а ползти — как полагается в приключенческих романах, держась за веревку,— еще рано.

Между домами в Певеке, впрочем, веревок не протянуто. Но жители в пургу не очень любят ходить в гости и сидят дома. Певекская история прошлых лет повествует о людях, которые в пургу не могли проползти от одного дома до другого всего только 50 м; они не могли найти даже вход в дом, а ветер перекидывал их через занесенные сугробами сени.

В отличие от фантастического рассказа К., которого, по его словам, катило прошлой зимой четыре километра по льду, эти рассказы заслуживают доверия. Мы

сами видели, как мимо нашего дома два певекца провезли ползком, запрягшись на манер собак, тяжелые санки с дровами. Пурга с визгом перекатывала снег через береговой галечник, и они ползли под защитой берегового обрыва.

Во время пурги поле нашего передвижения ограничено домом и амбаром. Очень часто внешнюю дверь амбара заваливало снегом, и нам пришлось сделать на западной стене амбара откидной люк, прорезав брезент. Эта стена совершенно чистая — ветер обдирает здесь снег. После пурги мы вылезаем в откидное окно и начинаем расчищать вход в дом. Сугроб со стороны двери наметает до крыши, и надо прорезать в нем траншею.

Можно было бы использовать наш опыт и сделать новую дверь на западной стороне, но до отъезда осталось так мало времени, что не стоило тратить на это драгоценное время.

После пурги Певек представляет интересное зрелище: там, где нет строений, вся береговая терраса очищена от снега. Черные галечники мрачной полосой окаймляют берег моря. Но от каждого препятствия — камня, бревна, бочки с горючим — тянется на северо-запад длинный сугроб. Особенно большие сугробы идут от домов и от куч дров. И путешествуя по поселку, то карабкаешься на крутой перевал, то спускаешься в глубокую лощину. Дети с радостным визгом катаются с этих сугробов на санках, падают и вновь карабкаются вверх.

Между сугробами выглядывают круглые дома. Главное их преимущество, по мнению организаций, завезших их сюда, заключается в том, что цилиндрический корпус является обтекаемым и возле него ветер не наметает сугробов. Но, чтобы предохранить двери этих домов от вет-

ра и утеплить вход, пришлось приделать сени, причем для экономии дома расположили попарно и каждая пара домов имеет общие сени, их соединяющие. Таким образом, получается сложное по форме строение, в виде восьмерки, которое при каждой пурге до крыши засыпается снегом. А сквозь щели снег проникает внутрь сеней и к концу пурги набивает их почти доверху.

От пурги очень трудно предохранить постройки: ветер забивает снег в мельчайшие щели и через какое-нибудь отверстие от выдернутого гвоздя может набить целый сугроб. Наши аэросани, хорошо укрытые чехлами, после пурги были совершенно напитаны снегом, крепкая белая масса покрывала корпус внутри, обволакивала мотор, набивалась даже в чехол пропеллера, превращавшийся в толстую колбасу.

В круглые дома, сделанные из двух слоев тонких досок («вагонки») с бумагой между ними, ветер проникал совершенно свободно, и там приходилось топить печи весь день. И все же к утру температура в домах падала до 12° мороза.

Со времени передачи полярных станций Главсевморпути завоз круглых домов прекращен, и жители Севера не будут больше замерзать в этих остроумных постройках, предназначенных для южных широт.

Рядом с круглыми домами, дальше к западу, стоят три рубленых дома, построенных из бревен командами зимовавших здесь в 1932—1933 гг. судов. Дома эти гораздо больше приспособлены к здешнему климату, и в них можно спать, не опасаясь, что к утру снег завалит вашу кровать. Но эти дома также обращены дверями на север, и к середине зимы к ним ведут глубокие траншеи. При постройке нашего дома мы ориентировали его по другим постройкам Певека, предполагая, что они учитывают направление ветра, но оказалось, что строители

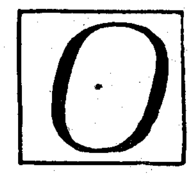
имели в виду только эстетические цели — чтобы весь ряд домов глядел на море.

Но в Певеке пурга не так часта. Настоящая, юго-восточная сильная пурга бывает 3—4 дня в месяц, не больше. Пургу с северо-запада и более редкую с северо-востока можно не принимать в расчет: она слаба и не мешает жить. А жизнь в Певеке бьет ключом. Это центр большого полярного района.

ЗИМА В ПЕВЕКЕ

И мы поймем, в сколь тонких дозах
С землей и небом входят в смесь
Успех и труд, и долг, и воздух,
Чтоб вышел человек, как здесь.

Б. Пастернак



громный Чаунский район в тридцатых годах занимал площадь свыше 140 000 кв. км и протягивался на 700 км вдоль берега Ледовитого океана от р. Амгуэмы на востоке до р. Раучуван на западе, а в глубь страны — до водораздела с р. Анадырем, т. е. от 125 до 250 км. При транспортных условиях Чукотки поездки в пределах такого громадного района очень затруднены, и оленеводов, живущих в верховьях Амгуэмы, работники райисполкома могли посещать не каждый год[1].

---

[1] В конце 1953 г. был создан новый Иультинский район с районным центром Эгвекинот у залива Креста. В этот район вошли восточная часть Чаунского района, северо-восточная Анадырского и западная Чукотского. В настоящее время площадь Чаунского района составляет 77,9 тыс. кв. км.

Создание Чаунского районного центра было одним из первых шагов в деле преобразования этого края, одного из самых глухих и далеких в СССР. Фактория основана здесь в 1929 г., а другие советские организации появились только в середине 1932 г.; но до 1931 г. все это побережье входило в Чукотский район с центром в Уэлене, лежащем на крайней восточной оконечности Чукотки.

Сначала райисполком ютился в избушке на устье р. Кремянки, в юго-западном углу губы. После зимовки судов в 1932—1933 гг. районные учреждения получили три «рубленых» дома в Певеке, и тут же были построены круглые дома, привезенные культбазой. В 1935 г. русское население Певека достигло 50 человек, из них около пятнадцати детей.

Население Чаунского района, по подсчетам местных организаций, в 1935 г. составляло 1958 человек, из них 75% — чукчей-оленеводов, около 100 человек — русских, а остальные — береговые чукчи.

Береговые чукчи жили по морскому берегу к востоку от Певека поселками в две-три яранги, отстоящими один от другого на 30—40 км, а иногда и на 200 км. Оленеводы кочевали в глубине страны; более бедные летом выходили к берегу моря. Певек, основание которого связано с удобной стоянкой для морских судов, расположен очень неудобно для обслуживания оленеводов, и поэтому культбаза постепенно перевозила свои дома к устью Чауна, куда оленеводам попасть гораздо легче.

Вблизи Певека при нас было очень мало чукчей: две яранги в километре на востоке, две на о. Большой Роутан и две в десяти километрах к югу от поселка. Сообщение на собаках в этом году сильно затруднено — прошлой зимой по всей Чукотке вымерло от эпизоотии больше половины собак, так что в редкой яранге есть целый потяг (упряжка) собак. Даже в Певеке осталось только две упряжки. Поэтому сообщение из поселка поддерживается постоянно только с мысом Шелагским да изредка — с устьем Чауна. А поездки вдоль побережья дальше на восток осуществляются с большим трудом.

Например, местный судья никак не мог попасть на мыс Биллингса, за 400 км к востоку: осенью байдару, на которой он ехал, залило водой у мыса Шелагского. Потом он пытался проехать на собаках, но не было упряжки, которую можно было бы послать так далеко. Наконец он проехал к оленеводам, чтобы, кочуя с ними, перебраться дальше на восток и через горы попасть на мыс Биллингса. Но оленеводы кочевали так медленно, что в феврале он был все еще вблизи Чаунской губы и принужден был вернуться обратно.

Из Певека в стойбища оленеводов районные работники обычно выезжают на собаках, а сами оленеводы очень неохотно приходят в Певек, потому что здесь нет хорошего корма для оленей и прибрежная тундра покрыта таким крепким, убитым ветрами снегом, что олени с трудом могут добыть из-под него мох.

Летом оленеводы почти не кочуют, и понятно, что связь районного центра с кочевыми чукчами может осуществляться только выездами районных работников в глубь тундры. Поэтому зимой мы видели в Певеке очень мало приезжих чукчей (кроме жителей соседних с нами яранг).

К 7 ноября съехалось все же несколько десятков чукчей, и праздник прошел с большим оживлением. В одном из круглых домов культбазы, отведенном под клуб, были поставлены пьесы — одна из них на русском языке, силами русских любителей, а другая на чукотском, на темы из местной жизни, составленная и разыгранная чукчами. Чукчи оказались очень хорошими ими-

таторами, и нельзя было без смеха смотреть на местных советских служащих в их изображении.

Наша экспедиция также постаралась оживить праздничные дни. К этому времени уже были смонтированы аэросани, и мы устроили катанье на льду Чаунской губы. И русские и чукчи набивались до отказа в аэросани, и забавно было видеть быстро мчащуюся машину, из которой высовывалась груда мохнатых шапок и раскрасневшихся лиц.

Хотя было только 25° мороза, но при быстром беге аэросаней и эта температура страшна, и после десяти минут катанья многие вылезали с отмороженными щеками и носами.

Но эти легкие повреждения не отражаются на настроении — и новые пассажиры выгоняют старых, чтобы самим попробовать «удивительные сани» («колёоргоор»).

Для зарядки аккумуляторов наших радиоприемников Денисов и Курицын приспособили подвесной шлюпочный мотор, и в особой палатке, поставленной возле дома, у нас работает теперь маленькая электростанция, которая во время зарядки освещает и дом. А 7 ноября эта станция позволила устроить иллюминацию: аэросанные фары освещали единственную улицу Певека, а над нашим домом сияла красная звезда.

Певек в 1935 г. являлся уже значительным культурным центром: здесь была больница культбазы, школа для русских и чукотских детей, клуб, в котором устраивались постановки и иногда просмотр кинофильмов. В устье Чауна, куда постепенно перекочевывает культбаза, находилась школа-интернат культбазы; другие школы были на мысе Шелагском, на мысе Биллингса и на мысе Шмидта. Учителя выезжали в тундру к оленеводам и, кочуя с ними, обучали детей. Зимой культбаза посылала

к оленеводам разъездную красную ярангу в составе механика и врача или фельдшера. Задачей механика было производить ремонт всевозможного бытового инвентаря, особенно оружия, чайников и котлов.

Таким образом, Певек являлся центром, который вел большую работу по преобразованию района и по культурному его обслуживанию. К сожалению, штат сотрудников райисполкома был еще очень мал, транспортные условия очень тяжелы, и неудивительно, что инертный быт чукчей, сложившийся веками, очень медленно уступал место новым формам жизни.

В дальнейших главах читатель ознакомится ближе с бытом чукчей-оленеводов и увидит, как много еще оставалось сделать, и вместе с тем сумеет оценить, как много уже было сделано за несколько лет, как много значит появление хотя бы настоящих школ в Чаунской губе, жители которой еще недавно считались самыми отсталыми среди населения Чукотки.

В 1935 г. мы уже видели в Певеке чукчей-мотористов, инструкторов райисполкома, учеников-радистов на полярной станции, председателей нацсоветов и райисполкома.

Участие нашей экспедиции в культурной работе кроме прямых задач по изучению края было разнообразным. Сотрудники экспедиции читали доклады, составили карту и физико-географический очерк района для исполкома, преподавали на партийных курсах, ремонтировали лодочные моторы, делали и ремонтировали хозяйственную утварь для населения, участвовали в оборудовании клуба, в художественном оформлении декораций, стенгазет и т. п.

Все это занимало время нашей зимовки и не позволило нам скучать — тем более что у нас было очень много очередной работы по экспедиции.

Особенно много по бытовому обслуживанию населения пришлось на долю Курицына, который был хорошим слесарем-жестянщиком. В нашей палатке-электростанции он устроил настоящую слесарную мастерскую. Кругом него стояли примусы, гудела паяльная лампа, валялись листы меди. В пургу палатку забивало снегом, на крышу ее наваливало сугробы, но на следующий день в ней опять топилась печка и стучал молоток.

Нередко заглядывали к нам гости с Шелагской полярной станции, приезжавшие в Певек по делам. Вечером слышен на улице скрип саней, покрикивание; выходишь в амбар и видишь неуклюжую фигуру в мохнатой малице (у сотрудников Шелагской станции были только собачьи малицы, сшитые по западному образцу), с лицом, залепленным снегом.

Малица снимается еще в амбаре, потом человек сбивает снег с меховых сапог и заходит в дом, к печке — отодрать сосульки с бороды. А собаки остаются снаружи на твердом снеге, в котором нельзя даже выкопать яму, чтобы укрыться от ветра. Целые сутки лежат они, свернувшись в клубок. Изредка раздается ворчание или вой. Вечером им дадут несколько рыб или нерпичье мясо, а потом они опять постятся целые сутки. Считается, что сытая собака бежит тяжелее.

Приезд шелагцев — для нас всегда радостное событие. Они привозят телеграммы, и каждый надеется, что получит что-нибудь из дома. В 1935 г. связь с Чаунской губой осуществлялась только через новую радиостанцию мыса Шелагского; получить же письмо можно только по прошествии года, со следующим пароходом.

В эту зиму была пробита первая брешь в глухой стене, отделяющей Чукотку от мира. 6 февраля Герой Советского Союза Водопьянов и пилот Линдель выполнили на двух самолетах почтовый рейс из Хабаровска

на мыс Шмидта. Всякий, кто зимовал на Севере, знает, какая радость получить среди зимы письмо и что значит для всех зимовщиков возможность установления постоянной связи.

Но уже и радио совершенно изменило жизнь на Севере. Побережье Ледовитого океана уже в тридцатых годах было покрыто сетью радиостанций, и при правильной их работе уже на следующий день можно иметь ответ из дома. А если есть хороший приемник, то можно слушать чуть ли не весь мир.

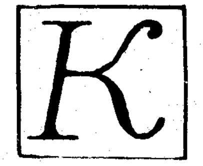
Два наших приемника доставили нам зимой много удовольствия. В темное время хорошо можно было принимать дальние станции. Не говоря о Москве и Ленинграде, были слышны и станции Западной Европы. Очень хорошо было слышно азиатское побережье Тихого океана и очень плохо — восточное его побережье. Нам доставляло большое развлечение ловить телефонные переговоры между отдельными станциями. Вот где-то в Восточной Азии отчетливый резкий голос говорит по-английски: «С Формозы в Японию идет тайфун. Пусть наши пароходы укроются в портах». А вот мелодичный голос откуда-то с Гавайских островов вызывает пароход «Аквамарин». И ночная тишина рассекается все новыми призывами: «Аквамарин», «Аквамарин».

А у нас — пурга метет за окном и брезент гремит на крыше. Но мы чувствуем, что мы не оторваны, что мы живем со всей Советской страной. Мы слышим утреннюю зарядку из Иркутска, новости из Новосибирска, концерт из Свердловска и даже можем присутствовать во время парада на Красной площади в Москве, отчетливо слышать речи вождей, выстрелы пушек и возгласы демонстрантов.

ПЕРВЫЕ ПОЕЗДКИ АЭРОСАНЕЙ

Мы победили,
но мы
в пробоинах:
Машина стала —
обшивка
лохмотья.

В. Маяковский



ак только мы обосновались в Певеке, главное внимание наших техников было обращено на монтаж аэросаней. Поспешность сборов в Ленинграде не позволила довести монтаж до конца. Надо было внести ряд изменений в детали, чтобы приспособить сани к работе в суровых условиях Арктики.

Аэросани в то время были одним из самых молодых механических экипажей, и работа с ними приносила много неожиданностей. Недостаточно знать авиамоторы или управление автомобилем — нужно иметь специальный опыт работы на аэросанях, знать все их выгодные стороны и неприятности, связанные с ездой на них. Первый опыт с аэросанями в Арктике, проделанный известным географом Альфредом Вегенером на ледниковом щите Гренландии, именно поэтому и был неудачен, что он был первый для участников этой экспедиции. Кроме того, страшные ветры, которые дуют из середины Гренландии, сильно мешали саням и сорвали их работу осенью, что послужило причиной трагической гибели Вегенера. Следующим летом аэросаням его экспедиции удалось восстановить свою репутацию, они работали гораздо лучше и сделали необходимые рейсы до базы, расположенной в 400 км от края ледникового щита.

Советские аэросани работали уже в Арктике в экспедиции Арктического института в 1932—1933 гг. на ледниковом щите Новой Земли (исследования геолога М. Ермолаева), и в том же году другие аэросани обслуживали полярную станцию Арктического института в бухте Тикси на устье Лены.

Мы получили от Арктического института как раз те сани, которые были на Новой Земле. Это одна из первых моделей известного конструктора самолетов А. Н. Туполева. Их внешность очень изящна: узкий дюралевый корпус обладает обтекаемыми формами и хорош на ходу, но сани неудобны для нашей работы, потому что в них можно везти очень мало груза. Впереди сидит водитель, за ним в более высокой части корпуса могут поместиться только два человека и немного груза.

Вторые сани, более поздняя модель А. Н. Туполева, широкие, с закрытой кабиной. Рядом с водителем может сидеть еще один человек, а в большой задней кабине помещается большое количество груза или несколько человек. Денисов, который в прошлом году работал на таких же точно санях в устье Лены, говорит, что он перевозил больше тонны. Это нам очень нравится, потому что предстоят далекие разъезды и надо везти с собой возможно больше горючего.

На обоих санях поставлены советские моторы, стосильные М-11 с воздушным охлаждением. Опыт нашей экспедиции должен доказать применимость советских аэросаней для разносторонней исследовательской работы в условиях Чукотки, в горах, на равнинах и на льду.

Первые поездки аэросаней обнаруживают все новые и новые затруднения, и мы не раз приходим в отчаяние. Когда по окончании монтажа мы хотим испробовать сани, они сначала вообще не сдвигаются с места; они как будто прилипли к снегу. Собравшиеся на первую

пробу любопытные с криком раскачивают сани, и, наконец, сани отрываются и сначала едва-едва, потом все быстрее и быстрее бегут по кочковатой террасе. Останов-ка, и опять их трудно сдвинуть. Денисов и Курицын утешают нас — это не страшно и очень обычно: на металлических подошвах лыж еще осталось масло, которым они были смазаны при перевозке; кроме того, постояв на снегу некоторое время, лыжа прилипает, и перед выездом надо очистить ее от снега. Во время стоянок надо обязательно подкладывать под лыжи куски дерева.

Аэросани делают несколько кругов по террасе вблизи моря. Мальчишки стараются попасть в вихри воздуха, отбрасываемые винтом; им кажется, что они попали в сильную пургу; ветер срывает шапку, забивает лицо снегом.

Для следующих рейсов сани переходят на морской лед. Море стало уже 15 октября, и к концу месяца лед достиг толщины, достаточной, чтобы выдержать аэросани.

Возле Певека под защитой Б. Роутана гладкий лед, но иногда под давлением северного ветра лед лезет на берег и образует торосы; потом, когда подует ветер с юга, лед отойдет и трещина отделит его от берега. Но у Певека эти явления происходят в ничтожных размерах — в Чаунской губе гораздо спокойнее, чем на берегах океана, а за Роутаном и совсем тихо. Но у мыса Шелагского и дальше к востоку берег окаймлен высокими грядами торосов, которые в течение зимы нагромождаются ряд за рядом, коверкая поверхность льда. Туда вряд ли можно сунуться на аэросанях, но возле Певека сани скользят легко и быстро, не встречая препятствий.

После удачных поездок по льду мы пробуем сани на тундре, под Певекской горой. Тундра еще мало пригодна для саней, ветер сметает снег с кочек, их верхушки торчат серыми пятнами, и между кочками снег еще недостаточно окреп. Первый опыт очень неудачен — как только мы выезжаем в тундру, от удара о кочку ломается рулевое управление.

Монтаж саней оказался очень длительной и сложной операцией. Каждый день находится что-нибудь новое, что следует исправить. То надо отеплить бак с маслом, чтобы масло не замерзало; то оказывается, что масло выбрасывается во время хода, и надо придумать такое приспособление, которое позволяло бы удобно заливать масло и предохраняло бы от разбрызгивания.

Наконец, надо подумать и о научной работе. Надо поставить на сани компасы для съемки пути. Их установка заставила нас изрядно поломать голову — в санях много металла, влияющего на стрелку, и с трудом удается найти для компасов удобное положение и уничтожить девиацию (подложив под компасы специальные маленькие магниты, уравновешивающие влияние окружающих масс металла).

На компасы влияет все — не только металл, но и пусковое магнето саней и даже счетчик одометра (колесо для измерения расстояний).

Этот последний также трудно установить — надо найти место, где бы тяжелое мотоциклетное колесо не мешало ни лыжам, ни винту. Решаем прицепить его к заднему концу задней лыжи. От колеса идет гибкий вал к счетчику, помещенному внутри саней, и таким образом мы можем всегда знать, сколько километров сделано.

Чтобы проверить счетчик, мы измеряем рулеткой километр на льду и потом сани ездят взад и вперед от вешки к вешке. Для определения девиации на льду разбиваются радиусы по странам света и сани становятся в разных направлениях, чтобы определить ошибки компаса на разных румбах. Все это занимает много време-

ни, а дни стали очень коротки, только два-три часа видно солнце, или вернее его даже не видно, но мы знаем, что оно здесь за Певекской горой.

Я рассчитывал использовать сани для работы уже в первые месяцы зимы, но природа была против нас. Хотя лед уже покрывает губу, но южнее п-ова Певек много трещин. Как рассказывают приехавшие чукчи, большие трещины тянутся от мыса Валькумей и преграждают путь в Чаун. Первый опыт поездки по тундре был не особенно утешительным: на голых кочках мы рискуем разбить сани и застрять где-нибудь вдалеке от Певека; но все же, чтобы сделать возможно больше маршрутов и воспользоваться последними остатками солнца, я назначаю на 23 ноября выезд обоих саней в Чаун. Оттуда мы, может быть, успеем съездить на восток по рекам Ичу и Млелю и исследовать западный склон Чукотского хребта. Надо торопиться — через несколько дней солнце скроется и наступит 40-дневная полярная ночь.

С нами в Чаун поедут также три работника райисполкома, которым надо пробраться на юг, в тундру, к оленеводам. В Певеке так мало собак, что исполком не может перебросить своих работников даже до Чауна. Поэтому аэросани будут перегружены до отказа — семь человек, полный запас горючего, палатки, продовольствие.

Выезд очень торжественный; на проводы сбегается весь Певек. Мы все похожи на медведей — так много на нас меховой одежды: меховые костюмы, меховые сапоги[1], сверху кухлянки. В маленьких аэросанях, кроме водителя, должны поместиться трое, а так как под ними еще груз, то они будут высовываться над целлулоидным козырьком, предохраняющим от ветра, и, наверно, отморозят себе носы. Большие сани доверху набиты вещами: палатками, печками, продовольствием, спальными мешками, и я сижу в откинутом верхнем люке, высунувшись наружу.

Сначала все идет хорошо, мы мчимся на восток: с таким грузом мы не можем одолеть перевал через Певекскую гору и надо объехать ее с севера по льду, чтобы выйти в тундру, и по последней уже двинуться на юг, в обход губы.

Интересно смотреть на сани, мчащиеся рядом по льду. От лыж летят густые струи снега, винт вздымает за собой целое облако, сани мчатся со скоростью километров до шестидесяти в час. Высокое наслаждение — мчаться с такой быстротой, без дороги, куда хочешь. И лишь пронизывающий холод портит это удовольствие.

От двух одиноких яранг, стоящих на берегу за Певекской горой, мы поворачиваем на юг, поднимаемся на крутой берег. Вот мы на поверхности тундры. Она покрыта белой пеленой — недавно шел снег и ветер не успел еще очистить верхушки кочек. Но они хорошо чувствуются — лыжи ударяют то по одной, то по другой, сани накреняются. Надо уменьшить ход.

Но не успеваем мы проехать и одного километра, как раздается сильный удар сзади, сани сразу замедляют ход, малые сани выдвигаются вперед и обгоняют. Мы едва ползем. Денисов с проклятием останавливает мотор, и мы неуклюже выскакиваем в снег.

Стоит взглянуть на винт, как становится ясно, что путешествие наше придется прервать: концы винта повреждены, медная оковка расщеплена: с таким винтом мотор не может больше давать нужного числа оборотов.

[1] Меховые сапоги — «плекты» у чукчей делаются короткими и надеваются под длинные штаны из оленьей или нерпичьей шкуры. Русские нередко носят высокие меховые сапоги до колен или до бедер, по эвенскому образцу, и называют их торбасами (от якутского «этербес»).

Чем же поврежден винт? Неужели он хватил концом о кочку? — нет, вот и виновник: резина на колесе одометра в нескольких местах слегка надрезана и вилка его согнута.

Колесо одометра было поставлено у конца задней лыжи так, чтобы он не доставал до винта. И сейчас мы, поднимая колесо, не можем привести его в соприкосновение с винтом. Но, очевидно, при сильном косом ударе о кочку тяжелое мотоциклетное колесо с такой силой подскочило кверху и вбок, что согнуло все крепление. И хотя винт чуть коснулся шины, но при 1500 оборотах в минуту этого было достаточно, чтобы разбить и медную оковку и дерево винта.

У нас с собой запасный винт, и мы начинаем отвинчивать сломанный. Малые сани скрылись где-то впереди за увалом, и их уже не слышно — неужели они уехали далеко?

Только через час раздается шум мотора, на гребне увала показывается черная точка, которая быстро несется к нам в вихре снега. Оказывается, водитель Яцыно остановился, чтобы подождать нас, и не подложил под лыжу деревяшек. Липкий, рыхлый снег тотчас захватил сани в плен, и пришлось долго помучиться, пока сани сдвинулись.

Наконец винт сменен, но уже поздно ехать в Чаун: скоро стемнеет. Кроме того, надо ведь починить одометр.

В Певеке нас встречают с иронической радостью. Действительно, первый опыт не очень удачен; хотя повреждения исправлены и одометр мы поставим сбоку, чтобы он больше не смог разбить винт, но езда по тундре, очевидно, еще очень опасна. Удары о кочки, которых под пеленой рыхлого снега не видно, так сильны, что можно сломать и рулевое управление и еще что-нибудь.

Видимость очень плохая: при пасмурном небе торосы видны всего за пять или десять метров, и водитель, почти наехав на них, должен круто поворачивать, рискуя сломать сани.

Особенно опасны предательские овраги. Они наполовину засыпаны, снег в виде карниза нависает с бортов, и при таком тусклом свете, когда нет теней, совершенно не различаешь обрыва, можно незаметно въехать на подобный карниз и свалиться с высоты в несколько метров. На днях один из певекцев упал в овраг с упряжкой собак — это при скорости 5 км в час. У нас минимальная скорость 15 км, но если мы будем ездить с такой незначительной скоростью, то нам не хватит бензина даже на поездку до Чауна — мотор и при малых скоростях потребляет очень много.

И те и другие сани требуют еще кое-каких изменений. Особенно много хлопот с масляными баками. Но все же 25 ноября ремонт малых саней заканчивается. Большие будут готовы только к 28-му, а ведь 27-го, по расчетам, уже зайдет солнце. Очевидно, что при таких условиях передвижения и главное при быстро уменьшающемся свете мы совершенно не сможем вести геологические исследования и съемку.

Поэтому нам уже не к чему ехать в Чаун — это приведет только к лишним поломкам саней. Но надо отвезти туда председателя исполкома чукчу Тыкая, секретаря райкома Пугачева и заведующего культбазой Аристова. Их поездка очень важна для советской работы в крае; кроме того, они обещают подготовить также оленей для предстоящей нашей поездки на Большой Анюй. Я предполагаю в марте закончить работу в Чаунском районе и на оленях проехать в верховья Большого Анюя, построить там лодку и доплыть до Нижне-Колымска. На аэросанях сделать этот маршрут с таким большим коли-

чеством груза, который нам нужен будет на Большом Анюе, нельзя.

26 ноября мы все встаем рано — проводить малые аэросани. Еще темно, но Яцыно начинает греть мотор, чтобы выехать как только начнет светать. Низкие тучи не обещают ничего хорошего. Светает, но выехать нельзя: даже в нескольких шагах не видно торосов.

Только на следующий день, наконец, малые сани выезжают в Чаун. Они быстро скользят по льду вдоль берега, затем поднимаются на перевал через Певекскую гору. Звук мотора смолкает. И целых десять дней мы ничего не знаем о результате поездки.

Между тем становится все темнее и темнее. Большие сани готовы, но ехать на них нельзя. Только к десяти часам светает, и три-четыре часа тянутся сумерки; можно читать у окна, ходить на лыжах. Но часто, при низких облаках, видимость так плоха, что, идя на лыжах, двигаешься в какой-то белесой мгле и замечаешь яму только тогда, когда лыжа уже наполовину повисла над ней.

Ковтун решает использовать темное время для определения астропунктов. Так как он уже определил пункт в Певеке, то 1 декабря он уезжает на собаках на Шелагский мыс[1]. Попасть туда на аэросанях невозможно: приезжающие со станции рассказывают очень красочно, как на пути им приходится преодолевать громадные торосы, перетаскивать через них нарты и собак, скатываться в воду, выступающую во впадинах.

[1] Астрономические пункты являются необходимой основой для карт. Наблюдая при помощи точных инструментов (теодолит или универсал) положение звезд и одновременно определяя разницу времени между данным местом и известными пунктами (обычно крупными радиостанциями, которые в определенные часы передают сигналы времени), можно вычислить положение места наблюдений с большой точностью. Имея несколько таких точно определенных точек в разных местах карты, можно «привязать» к ним маршруты, пропорционально удлинив или укоротив их, или «привязать» к астропунктам сеть треугольников, связывающих горные вершины, и таким образом придать карте бо́льшую степень точности.

От Яцыно нет никаких известий. Мы начинаем волноваться. При самых плохих условиях он должен вернуться через пять-шесть дней. Только в ночь на 6 декабря, когда мы все уже спим, открывается дверь, струя морозного воздуха проникает в комнату, и появляется Яцыно с лицом, закутанным обледенелым шарфом. Прежде всего он берет кружку и пьет без конца воду: он прошел 45 км в теплом меховом костюме. Оказывается, с санями на обратном пути произошла небольшая авария; вдвоем с пассажиром, которого Яцыно прихватил с собой из Чауна, он не мог исправить повреждения, и пришлось оставить сани на берегу к югу от Певекской горы. По рассказам Яцыно, езда на санях в это время, в темноте, да еще с пассажиром, мало опытным и не могущим оказать помощи даже при заводке мотора, очень трудна.

Приходится отправить спасательную экспедицию на больших санях. Они могут уже пройти по льду вокруг мыса Валькумей — морозы последних дней закрыли трещины.

Большие сани вернулись очень быстро, через день к вечеру, но малым не суждено было так скоро достигнуть базы: в двух километрах от Певека у них прекратилась подача бензина из-за поломки бензинопровода.

Ночью началась пурга, которая продолжалась трое суток, и сквозь вихри поземки мы могли видеть черный силуэт саней в проливе за косой.

Я так подробно говорю о всех этих неудачах первых наших опытов, чтобы показать, как много внимания и

опыта требуют аэросани. Хотя наши водители все были хорошими мотористами, а Денисов и Курицын имели большой опыт работы специально с аэросанями и глиссерами, все же открывались все новые и новые подробности в работе, требовавшие новых и новых перемен и приспособлений. Только во второй половине зимы мы вполне овладели санями и могли уже всецело на них положиться.

НА ЮГ, К СОЛНЦУ

Светает. Светает. Совсем рассвело.
П. Антокольский

Обычно на Крайнем Севере геологические исследования прерываются на темные и холодные месяцы, когда продуктивность работы мала. В одной из своих книг я описывал, как мучительна была геологическая работа в Якутии в декабре при шестидесятиградусных морозах. Но на этот раз у нас не было выбора — в начале марта я хотел закончить изучение Чаунского района и перейти через хребты в верховья Большого Анюя.

Поэтому как только дни начали становиться светлее, надо было приступить к дальним поездкам, хотя мы хорошо понимали, что на аэросанях ездить еще очень трудно.

Четвертого января большие аэросани с Ковтуном и двумя водителями вышли через Чаунскую губу до о. Айона, чтобы определить на западном его конце астрономический пункт. Громадный о. Айон занимает вход в Чаунскую губу и до 1935 г. еще не был как следует нанесен на карту. Его унылая равнина тянется с запада на восток на 60 км. Летом здесь кочуют чукчи, приходящие весной с материка со своими стадами, а зимой остаются только две-три семьи[1].

Поездка на Айон была очень трудна, тем более что мы не знали, покрыта ли губа в середине сплошным льдом и нет ли там непроходимых трещин или громадных торосов. Дни — вернее сумерки — были еще так коротки, что за один день наши товарищи не успели сделать всего маршрута и, найдя на южном берегу острова плавник, заночевали. На западной оконечности им удалось за две ночи закончить определения и поставить высокий знак из плавника.

9 января шум пропеллера возвестил о возвращавшихся санях. В этот день им удалось, выехав еще затемно, дойти за один день до Певека — и люди устали и основательно продрогли. Сегодня тридцать градусов мороза и ветер 3 балла — а водитель должен все время смотреть вперед. Тело еще можно хорошо защитить — мы сшили здесь полные комплекты полярного обмундирования,— но очень трудно закрыть лицо.

За горячим кофе, на который с жадностью набрасываются приезжие, они рассказывают о переезде, и мы обсуждаем планы на будущее.

Большие сани после этого большого перехода по торосам Чаунской губы снова требуют ремонта. Денисов очень строг к своим саням и ни за что не выйдет в мар-

[1] Позже на о. Айон был основан поселок колхоза Энмитагино — чукчей оленеводов; олени этого колхоза пасутся на богатых пастбищах острова; население так быстро увеличилось, что уже в 1947 г. в поселке была открыта школа.

шрут, если есть неполадки. А теперь дело серьезное: от ударов о торосы стали вырываться заклепки на задних лыжах, и скоро отвалятся обе подошвы. Надо отодрать их и заклепать новыми заклепками большего диаметра. Это кропотливое дело, особенно когда нет готовых заклепок. У малых саней также надо на всякий случай укрепить хомутами пострадавшие лыжи.

После ремонта малые сани с Ковтуном и Яцыно и с астрономическими инструментами могут ехать к западному берегу Чаунской губы, к горе Наглойнын, где надо определить астропункт у острой отдельной скалы в море, которую давно облюбовал Ковтун. Это сэкономит нам время: когда будут готовы большие сани, мы перейдем на них прямо в Чаун, в нашу южную базу.

13 января уходят малые сани, а 20-го, наконец, отправляются и большие. Мы погружаем в них свыше тонны — нам так много надо перевезти на новую базу, что только пределы емкости саней и суровое запрещение Денисова мешают нам грузить еще и еще. Серые темные облака с утра стелются над Певеком, но мы ведь едем на юг, и даже надеемся увидеть сегодня солнце. Мы знаем, что оно уже несколько дней, как всходит и заходит за Певекской горой.

Перетолчин и Егоров, которые остаются в Певеке на базе, провожают нас со смешанным чувством зависти и удовлетворения: с одной стороны, соблазнительно уехать из Певека, который надоел за четыре месяца зимовки. А с другой стороны, перспектива мерзнуть в санях не так приятна. Мы и сами предпочли бы ехать в более теплый день, а не при 30° мороза.

Из Певека сани уходят легко — снег утоптан, лыжи очищены.

Зрители, которые всегда сбегаются полуодетые к нашим выездам, слегка раскачивают аэросани, они плавно

спускаются на лед и, описав полукруг, уходят на юг, в пролив к мысу Валькумей.

Лед в проливе гладкий, и пока можно идти, хотя света так мало, что не видно ни трещин, ни ям, ни заструг.

Но вот мы подходим к мысу. Здесь давление льдов южнее островов Роутан уже значительно. Начинаются торосы — мощными рядами тянущиеся от мыса. Мы входим в туман и тотчас теряем ориентировку. Видны только торосы в десяти-двадцати метрах от нас, а дальше все погружается в белесую мглу. Нет теней, и не знаешь, что впереди — яма или плоская заструга. У нас хороший авиационный компас, но он мало помогает: от страшных ударов о заструги и торосы корпус саней все время содрогается и стрелка компаса вертится, как бешеная. Чтобы узнать истинное направление, надо остановить сани.

Если мы пойдем дальше в этой сети торосов, то будем плутать в тумане столько времени, что изведем весь бензин: нам ведь надо пересечь Чаунскую губу с севера на юг, сделать более 120 км. Есть еще другой путь — вдоль берега. Но он гораздо длиннее, и, чтобы пройти к берегу, надо также миновать громадные поля торосов.

Приходится вернуться в Певек и подождать до завтра.

21-го выезд опять в том же порядке. Небо покрыто облаками, но они выше, чем вчера. И, когда мы выходим к мысу Валькумей, неожиданный яркий свет поражает глаза, привыкшие за два месяца к тусклому полусвету. Южная половина неба закрыта большим слоистым облаком, рябым и синевато-серым, но нижний его край багровый. И над ним, как лезвие меча,— желтая полоса яркого неба, все более расширяющаяся. Скоро в центре этой полосы появляется громадный шар солнца — крас-

ный, сначала чуть видимый, медленно поднимающийся. На этот шар больно смотреть, но все время глаза невольно обращаются к нему. Солнце взбирается невысоко; едва поднявшись до края желтой полосы, оно снова скатывается вниз. На желтом небе, на горизонте, выделяются черные зубцы торосов. Это те ряды их, которые нам надо будет пересечь.

Сегодня гораздо легче обходить торосы: гряды видны издалека и можно заранее выбирать ворота или обходить большие скопления. В середине губы как будто чище — торосы реже, иногда только высокий вал пересекает гладкое поле.

Но ближе к южному берегу снова громоздятся торосы. Сани то кидаются в сторону, то, выбирая низкий порог, смело лезут через гряду, то перескакивают с льдины на льдину над ямой. При одном из таких скачков чувствуется удар слева. Я выглядываю — колесо одометра, которое все время весело бежало рядом с лыжей и отсчитало уже 80 км, как-то странно поникло.

Останавливаемся, вылезаем, ругаем одометр. Но он не виноват: при проходе над глубокой ямой колесо спустилось ниже лыжи, и затем его подмяло под нее. Помня о прошлой его поломке, Денисов укрепил его пружинами, которые не позволили колесу высоко скакать вверх, но оказывается, надо теперь поставить еще твердые заграждения, мешающие ему также и опускаться. А пока что одометр выведен из строя.

Виден уже южный берег — вернее, гора Нейтлин, высокий гранитный массив к западу от Чауна. Но торосы сгущаются все больше. Теперь это непрерывное поле изломанного льда. Мы едем все медленнее и медленнее. Вот взбираемся на плоскую льдину, за ней — углубление, а дальше — глубокий ров между льдинами. Денисов еще уменьшает ход. Мы спускаемся в рыхлый снег углубления — и дальше не можем двинуться: мотор не в силах поднять тонну груза на льдину при таком ходе. Наступает обычная мучительная страда наших аэросанных поездок: надо лопатой разгрести снег, подложить деревяшки под лыжи, расчистить путь вперед, потом водитель садится в сани, а остальные раскачивают их. После нескольких минут такой работы забываешь, что сегодня 30° мороза, скидываешь кухлянку и шарф, отгибаешь края шапки. Но ничто не помогает: груз слишком велик и уклон крут. Нам приходится перетащить груз на руках через ров на соседнюю чистую площадку. Разгруженные сани легко берут препятствие.

Уже становится темно, сегодня мы не попадем в Чаун. Приходится ночевать здесь. С нами только большая брезентовая палатка (утепленную маленькую увез астрономический отряд), и мы проводим довольно унылый вечер в холодной палатке, обогреваемой большим техническим примусом с тремя головками.

На следующий день мы с новыми силами атаковали торосы и вскоре прошли их широкую полосу, прижатую к берегу. Побережье можно отличить от моря только по отсутствию торосов, оно низкое и плоское.

К югу расстилается равнина, в которой надо найти селение Чаун. Единственные ориентиры — два морских знака, деревянные пирамиды, стоящие у берега. Мы знаем, что вглубь от правого знака, километрах в десяти, на берегу р. Чаун, лежит селение. Но где здесь найти реку? Все затянуто снегом, крутые яры занесены сугробами. Во все стороны видно только снежное поле с крепкими застругами, о которые стучат подошвы лыж.

Сани идут очень быстро, и через десять минут в этой белой равнине показывается черный бугорок. Потом он распадается на два, они вытягиваются, и вот мы уже въезжаем в селение — если это можно назвать селением.

Два круглых дома, рубленый дом, баня и две землянки. И все это так погребено в сугробах, что издали видно только крыши.

Среди селения стоят наши вторые сани. У нас сразу отлегло от сердца — значит, все в порядке и не надо посылать спасательной экспедиции. Малые сани пришли только недавно; нашим товарищам пришлось прожить несколько дней у скалы в ожидании хорошей звездной ночи, необходимой для наблюдений.

Нам навстречу высыпает все население Чауна — несколько взрослых, русских и чукчей, и десятка два ребятишек. Чаунское поселение — это отделение культбазы. Пока здесь только интернат, но позже сюда должна переехать и вся культбаза из Певека. Кроме того, тут помещается кооператив. Школьники живут в одном из круглых домов, а в другом помещается пекарня и тут же за перегородкой живут служащие интерната. Учителю Ломову с женой отведен маленький домик — избушка в одну комнату.

Мы поселяемся в бане; она только что отстроена, но не оборудована и не может выполнять своего прямого назначения. Но это не значит, что в культбазе не моются: хотя в обычном быту чукчей вода для умывания тогда еще совершенно не употреблялась, но, по словам учителя Ломова, чукотские дети, попав в интернат, через несколько дней приучаются к мытью и охотно, по своему собственному побуждению, моются и чистятся. Ребятишки выглядят чистыми и упитанными, и надо отдать должное Ломову и его жене, что им удалось очень много сделать для перевоспитания чукчат. Особенно благотворно влияние интерната видно на одной девочке-сироте. Раньше она жила приемышем в семье оленевода и должна была работать как взрослая. За всякую провинность ее били, плохо кормили, и, когда ее взяли в интернат,

она была неимоверно грязная, вся покрытая бородавками, и, что всего ужаснее, у нее была повреждена зверским ударом челюсть. Теперь девочка поправилась, приобрела снова детские черты и, весело напевая, бегает по поселку.

Чаунское поселение — чрезвычайно унылое и уединенное место. Кругом безбрежная равнина, однообразие которой только на западе нарушается горой Нейтлин с ее черными гранитными террасами. Из районного центра Певека редко-редко приедет кто-нибудь на собаках. Чаще бывают чукчи-оленеводы, приезжающие через равнину с окраины гор, где они кочуют со своими стадами. Они приезжают на оленях, потому что в равнине почти везде есть корм, хотя и плохой. Но рабочий скот поселка, как и везде на побережье,— собаки. В сугробах возле берега реки вырыта для них пещера, там они укрываются от пурги, и в темноте поблескивают белые зубы и разноцветные глаза.

В нашей бане по сравнению с нашим уютным певекским домом тесно, но мы сразу вносим жилой дух. По обе стороны устраиваются широкие нары, которые покрываются спальными мешками, кухлянками, шкурами оленей, под потолком повисает на веревках множество рукавиц, меховых чулок, торбасов, шапок и прочего добра, которое надо просушить. Курицын делает из жестяной банки умывальник, поставленные друг на друга ящики из-под бензина заменяют шкафы — и баня выглядит уютной экспедиционной берлогой.

Особенно хорошо вечером, когда все забираются в спальные мешки и при свечках читают книжки из здешней библиотеки. Колеблющееся пламя свечей тонет в темных бревенчатых стенах, за окном метет поземка и подвывают собаки.

АВАРИЯ У ХОЛМОВ НГАУНАКО

На Крестовом на угоре
Развязалися оборы,
Не доехал на привал,
Все собаки потерял...
Ой ты, Сидор Сидорок,
Что с тобою, мой
дружок?

Колымская песня

Нам не приходится долго задерживаться в этой уютной берлоге. Надо только произвести очередной ремонт — у малых саней от ударов по торосам повреждено шасси, у больших — одометр.

Через день ремонт закончен, но начинается пурга. Здесь она не такая жестокая, как в Певеке, ветер всего 14 м в секунду, но все же мешает нам выехать. На быстром ходу легко свалиться в одно из русл Чауна и его притоков, которые в большом числе пересекают равнину; вся поверхность земли при поземке покрыта струящимся покровом снега, сквозь который ничего не видно. Кроме того, на такой однообразной равнине в пургу мы не сможем вести маршрутную съемку, не сможем брать засечки на горы и не найдем нужных нам речных долин.

Равнина почти безлюдна, и нам придется взять с собой проводника из Чауна. Здесь очень мало чукчей, знающих хорошо всю равнину и окружающие горы и умеющих кое-как объясняться по-русски. С нами согласился ехать председатель здешнего нацсовета Буквукай («Камешек» по-чукотски), или Укукай, как его зовут русские. Хотя он был довольно неприятным человеком и принадлежал к тому, теперь уже вымирающему типу приморских чукчей, которые до революции были развращены

русскими и американскими торговцами, но он здесь наиболее расторопный и знающий. Во время поездки с нами он будет проводить в стойбищах свою работу по нацсовету.

После трех суток пурги 27 января выдался тихий день, почти нет ветра, но зато 37° мороза. Для поездки на оленях и собаках я счел бы это нормальной температурой, а где-нибудь в верховьях Индигирки даже оттепелью, но при маршруте на аэросанях начинаешь находить, что такая температура чересчур сурова. Ведь все время приходится смотреть вперед, чтобы вести съемку, следить за рельефом, за выходами горных пород.

Мы закрываем глаза темными очками, а лицо шарфом, но шарф, как показал опыт первых поездок, плохо защищает лицо; ветер, который дует навстречу со скоростью хода саней плюс сила встречного ветра, т. е. до 90 км в час, проникает всюду. Я предложил сделать маски из мягких шкурок пыжика, прорезав в них дырки для глаз и рта и пришив завязки. Так как шкурки с изнанки белые, то мы походим на детей, играющих в привидения. Вероятно поэтому только Денисов и я решаемся надеть в жилом месте такую маску. Тем более что здесь нас выходят провожать две или три чукотские девицы из обслуживающего интернат персонала.

С берегового обрыва у селения мы спускаемся на лед левой протоки Чауна и быстро взлетаем по сугробам на другой берег реки. Отсюда — через равнину на восток: нашей целью сегодня является долина р. Палываам, самого большого правого притока Чауна. Система Чауна очень необычна: вместо одной осевой реки здесь со всех сторон с гор, окружающих Чаунскую впадину, спускаются реки, которые затем и собираются вместе вблизи моря, образуя целый веер водных артерий. Мы пересекаем центр этого пучка, дельту соединенных рек. Спу-

скаемся в какое-то русло, пересекаем его, потом идем по другому и опять взбираемся по отлогому сугробу.

Яры занесены почти везде снегом, но все же, подъезжая к обрыву, водитель замедляет ход и, если не видно, занесен ли яр до самого верха или нет, круто поворачивает и идет вдоль обрыва, пока не найдется спуск. Ведь если «загреметь» с яра на полном ходу, от аэросаней останутся одни обломки.

Вторая река — это правое устье Чауна, и в него тут же впадает с востока другая большая река. Укукай объясняет, что это и есть Паляваам.

Слово «объясняет» не передает способа разговора. Хотя мы сидим с ним тесно прижавшись один к другому на малых санях, но мотор так шумит, что только наклонившись и крича на ухо, можно разобрать что-нибудь. Поэтому легче объясняться жестами.

Налево черные бугорки — это фактория и землянки оседлых чукчей, в одной из которых живет Укукай. Мы мчимся по равнине вдоль Паляваам. Снег на равнине Чауна так крепко убит ветрами, что можно ходить по нему даже без лыж. Плоские зигзагообразные и округлые заструги, похожие на маленькие барханы, покрывают поверхность, и лыжи мерно стучат о них. Каждый удар отдается в сердце водителя: ведь это лишний шанс оторвать заклепки и подошву лыж — и водитель старается обходить заструги. Но часто заструг так много, что избежать их невозможно.

Кроме заструг равнину украшают странные холмы — куполообразные, как плоский стог или опрокинутая чашка. Они рассеяны на равнине везде — то в километре, то в десяти километрах один от другого. После некоторого колебания, я решаюсь остановиться у одного из них для осмотра. После колебания — потому что знаю, как опасно останавливать аэросани в такой мороз.

Яцыно подводит сани к подножию холма и ставит носом вниз по склону, чтобы легче было сдвинуть. Холм не очень велик, высотой до двадцати метров. Сверху он покрыт снегом, сквозь который кое-где виднеется трава и куски торфа. После зимних работ я пришел к выводу, что эти холмы — мерзлотные бугры, вздувшиеся вследствие замерзания линз льда в глубине под ними. Но только последующая летняя работа дает этой гипотезе достаточные доказательства. Такие холмы известны во многих местах на Севере Сибири и Америки, и советские исследователи предложили гипотезу, объясняющую их возникновение.

Пока я осматриваю холм, винт саней не перестает вертеться — если остановить мотор, его потом не заведешь без подогрева. Чтобы снова двинуться в путь, надо сначала прогреть мотор на полных оборотах, и потом начинается самая мучительная часть — раскачивание. При этом надо следить: как только двинутся сани, вскакивать на ходу. В длинной кухлянке, в неуклюжих мехах очень легко поскользнуться; сзади рычит мотор, и, если винт захватит край кухлянки, конец и винту и кухлянке, а может быть, и их владельцу. Поэтому сани в момент старта напоминают повозку с обезьянами, которые поспешно карабкаются вверх по корпусу.

Весь процесс упаковывания головы в шапку, очки, маску, шарф надо закончить до старта: на ходу в открытой машине пронизывающий холодный ветер не позволяет обнажать руки и лицо.

Километрах в 80 от культбазы мы подходим к гряде низких холмов, вытянувшихся вдоль р. Паляваам. Далее мы идем между этой грядой и рекой, которая обозначается полосой черных кустов, тянущихся справа. Еще 30 км — и холмы отходят в сторону.

Я делаю остановку: надо посмотреть осыпи на хол-

мах, закрытые снегом, и подождать большие сани, они что-то отстали.

Но, даже забравшись вверх по склону, я нигде не вижу их. Начинает темнеть, а нам следовало бы пройти сегодня еще 40 км до края гор.

Если с санями что-нибудь случилось, надо прийти к ним на помощь. Приходится послать малые сани назад, а самому остаться у обрыва. Осыпь закрыта снегом, но если полазать по ней, может быть, удастся найти какой-нибудь интересный образец.

Оказав Яцыно последнюю любезность — раскачав сани перед стартом,— я лезу наверх и слежу, как облако снежной пыли вздымается за уходящими санями.

Шум мотора становится глуше и глуше, и наконец я остаюсь один в глубоком снегу на склоне. Следовало бы сказать, как принято в некоторых популярных описаниях полярных стран: «Один в ледяной пустыне, перед лицом грозной природы», но мне сидеть в одиночестве здесь нравится гораздо больше, чем замерзать в аэросанях, внимательно разглядывая сквозь обмерзшие очки, нет ли впереди оврага, в который мы свалимся.

Я долго ползаю по склону. Никаких интересных камней не видно, осыпь состоит из кусков однообразных песчаников. Саней все нет. Небо из серого начинает превращаться в черное, мороз щиплет все больше. Наконец на западе показывается облако, из него выползает, как черная головка чудовищной белой гусеницы, машина. Белая гусеница быстро ползет вперед, изгибаясь вправо и влево, и черная головка ее жужжит все громче и громче.

Я сбегаю с холма к саням: надо постараться сесть на ходу. Пока я карабкаюсь, Яцыно что-то кричит мне. Сквозь шум мотора я с трудом разбираю, что с большими санями авария, надо ехать назад.

Мы делаем обратно десяток километров. На озерке в долине реки стоят большие сани, возле них Денисов и Ковтун, оба утомленные бесплодными попытками.

Мотор «не тянет». Придется его вскрывать. Для длительной остановки мотор выбрал не совсем удобное место: кусты не ближе километра, астропункта здесь определить нельзя, для геолога тоже плохо — нет ни одного утеса ближе нескольких десятков километров. Но если прикинуть, что мы отъехали за несколько часов 70 км от базы, надо считать, что для чукотских способов передвижения мы сделали очень много.

Так возник наш неожиданный лагерь у холмов Нгаунако, где нам предстояло просидеть очень долго. Чтобы обеспечить лагерь наибольшим комфортом, пришлось двоим тотчас отправиться за дровами. У нас при каждых санях была пара лыж, обшитых мехом. Сейчас они послужили санями для дров — люди могут идти пешком, настолько крепок здесь снег.

Пока мы устраиваем лагерь, ставим палатку, печку, в темноте показывается воз дров. В долине реки растут кусты в два-три метра высотой. Для полярного побережья Чукотки это почти дерево — редко где найдешь такую пышную растительность.

Но, когда начинаешь ими топить, тотчас со вздохом вспомнишь сухостойную якутскую лиственницу, которой я топил в палатке печку на Индигирке и Колыме. Кусты все зеленые (сухие под снегом найти очень трудно), и, чтобы они горели хорошо, надо, чтобы один человек сидел у печки и непрерывно подкладывал прутики. Время от времени истопнику приходится брать паяльную лампу и направлять сноп пламени в печку, чтобы разжечь потухающие ветки.

Ревет паяльная лампа, ревет трехголовый примус, на котором варится суп в котле, свисающем на веревке

с гребня палатки, и стоит такой шум, что трудно разговаривать. Но зато в палатке тепло, по крайней мере у печки. Задняя стена и кровля постепенно покрываются льдом и копотью от примусов; палатка после нескольких дней стоянки будет походить на пещеру троглодитов. Температура все же не так высока, и мы снимаем только кухлянки и остаемся в меховых костюмах.

А Укукай — тот даже не снимает верхней кухлянки и весь вечер сидит неподвижно у печки.

Укукай для нас — источник непрерывного удивления. Мы первый раз ехали с чукчей и полагали, что он должен чувствовать себя в тундре, как рыба в воде. Но Укукай — береговой чукча: он живет в землянке и когда выезжает в тундру к оленеводам, то останавливается в ярангах, где все для него делается женщинами. Поэтому в палатке он совершенно беспомощен. Он не принимает участия ни в каких работах: «Укукай, потопи, пожалуйста, печку».— «Я не умею сырые дрова разжигать».— «Укукай, наруби, пожалуйста, дров».— «Не могу, голова болит». И только когда спросишь: «Укукай, ты будешь обедать?», он с готовностью отвечает: «Конечно, буду».

Главная причина его поведения вовсе не неумение, а лень и хитрость и отчасти нежелание уронить свое достоинство: мы предлагаем ему принять участие в работах, которые считаются в чукотском быту женскими и для мужчины унизительными. Но все же действительно он чувствует себя в палатке неуютно, в то время как нам она представляется надежным приютом. Как-то раз мы оставили его одного — и у него погасла печка.

Вечером мы все с удовольствием раздеваемся и залезаем в меховые спальные мешки, а Укукай смотрит на мешок, который ему дали, с сомнением и предпочитает залезть в него одетым. Поэтому к утру он промерзает и

встает рано, еще более недовольный, чем накануне[1].

Просмотр саней на следующий день не принес ничего утешительного — надо снять крышку мотора, а для этого необходим подъемник, которого у нас с собой нет. Придется съездить в Чаунскую культбазу на малых санях. Чтобы не терять времени, сначала отвезут меня и Ковтуна к окраине гор, где можно будет определить астропункт и заняться геологическими исследованиями.

29 января с утра — обычная лихорадка сборов. Встаем очень рано, задолго до света, потому что подготовка мотора требует сейчас много времени. Надо разогреть его, для этого Курицын сделал громадные трехголовые примусы, которые ставятся под мотор. Когда на дворе градусов 20 мороза, то мотор нагревается в полчаса, но при 30° и при ветре нагревание продолжается часполтора. В это время мы укладываем груз внутрь саней. Малые сани вмещают так мало груза (половина корпуса занята баками с горючим), что мы решили привязать часть груза снаружи, на шасси. Обтекаемость саней значительно ухудшается, и скорость замедляется, но иначе мы не можем захватить с собой всего необходимого. Сегодня надо везти с собой кроме всего прочего астрономические инструменты: четыре ящика и треногу, а нам с Ковтуном придется сидеть поверх воза и мерзнуть.

Последний момент перед отправлением: заливается нагретое масло, затем каждый становится на место — механик у винта, Ковтун подливает бензин для первых вспышек, я — у пускового магнето. «Контакт».— «Есть контакт».— «Раз, два, три» — и механик дергает винт,

[1] Через два года после нашего отъезда Укукай проявил себя как настоящий преступник и, взяв от чаунских организаций авансы на покупку оленей, скрылся в тундру. Следует отметить, что такой человек, как Укукай, являлся редким исключением среди чукчей.

я верчу ручку магнето. Ничего. Еще раз. Наконец, слышен шипящий звук, винт делает оборот или два и снова застывает.

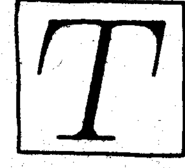
Мотор все еще очень охлажден, и пока мы так мучаемся с ним, он охлаждается еще сильнее. Но наконец наша настойчивость побеждает, и винт начинает с треском разрезать воздух. Теперь механик садится за штурвал, дает полный газ, прогревает мотор, а мы должны раскачивать сани. Они срываются и делают круг, чтобы накатать дорожку на снегу. Потом нам разрешается сесть в сани, которые при скользком снеге и хорошо укатанном пути легко срываются вместе с нами. Если нет — надо опять вылезать и вскакивать на ходу.

Наконец все кончено, сани пошли на восток. Но сегодня с востока дует пурга. Мы не обращаем на нее внимания, скорость ветра невелика, не более 10 м в секунду. Но, оказывается, сани идут очень тихо. И если мы пойдем с такой скоростью, то нам не хватит горючего на весь рейс. Опять неудача!

НА АЭРОСАНЯХ В ТРЕСКУЧИЕ МОРОЗЫ

Скрежещут пропеллеры.
Небо. Крепчает мороз.

П. Антокольский



Так как ветер дует на северо-запад, то приходится подчиниться и послать малые сани сначала в Чаунскую культбазу за инструментами, чтобы по их возвращении уже сделать рейс к горам. Мы отсылаем с санями и Укукая — его бесполезность для экспедиции выяснилась достаточно хорошо. Пусть Яцыно лучше привезет нам Курицына, который поможет при ремонте. Если мы встретим чукчей, мы сами как-нибудь объяснимся с ними и узнаем названия гор и рек. А дорогу теперь найдем к горам и назад сами.

Сани уходят 30-го и увозят с собой довольного Укукая, возвращающегося к привычной жизни в свою землянку. Мы остаемся втроем.

Холмы Нгаунако изучены мною уже в первый день, до гор очень далеко, и нам остаются только хозяйственные заботы. Основная — это обеспечение лагеря топливом. Дни стоят морозные, при ясном небе до 42°, а когда теплеет — только 23°, но с пургой. Поэтому печка требует очень много дров.

После завтрака мы отправляемся за дровами к реке. Для этого четверо широких меховых лыж скрепляются в виде саней поперечинами, к ним привязываются лямки — и сани готовы. До реки километр по очень твердому снегу. Поземка с юго-востока гонит по нему свои молочные светлые струи. Но в кустах тепло. Здесь мягкий, глубокий снег, в который проваливаешься по пояс.

В снегу следы куропаток и их спальные места: это глубокие ямки, в которых птица уютно прячется с головой. На дне ямки — свидетельство пребывания птицы, кучка помета. Сами полярные куропатки, похожие на комки снега, ходят невдалеке по снегу, и Денисов клянет себя, что не взял ружья.

Кусты наполовину погружены в снег, надо сначала обтоптать их, потом рубить. Сухих совсем нет — они лежат где-то под снегом; приходится брать зеленые ветки; мы уже знаем, что лучше горит ольха, а ива гораздо хуже.

Мы нагружаем громадный воз, наверно, полтора центнера — наша печка очень прожорлива. И поэтому

даже втроем мы с трудом вытягиваем его на береговой обрыв. В местах, где наст слабее, сани тотчас застревают, особенно если из воза торчит ветка, которая бороздит снег.

Домой возвращаемся уже в сумерки. Это тоже дом, и притом он скоро станет теплым: теперь только остается разрубить кусты на мелкие куски, разжечь паяльную лампу, и через полчаса палатка нагреется.

Еще надо достать воды, но за ней недалеко ходить: мы стоим на озере, и стоит расчистить снег и несколько раз ударить топором — и получишь целый котел чистого льда.

За это время совсем стемнело. Тихо, густой дым из трубы подымается столбом прямо вверх. Сквозь мглу тускло поблескивают звезды. Северное сияние сводит и заводит свои бледные цветные занавески. Снег хрустит под ногами. Мы собираемся в палатке, сидим у печки и ждем, пока сварится обед. Вот и день прошел.

Проходит второй — саней нет.

На третий мы начинаем волноваться — не засел ли где-нибудь Яцыно, сломав сани. Четвертый день, несмотря на сложившуюся в экспедициях привычку ждать, мы проводим в беспокойстве. Сидя здесь, мы ничего не можем сделать — Чаунская культбаза далеко. Но придется, по-видимому, на днях идти на лыжах по следу и искать место аварии.

Только 2 февраля к вечеру слышим знакомый звук — и на равнине показывается узкий силуэт саней. Вот они близко, кажется, все в порядке. Но сидящий за водителем человек не похож на Курицына. И в самом деле, из саней вылезает бесстрастный Укукай.

Оказывается, что двое суток подряд сани не могли выйти из-за пурги. А вчера Яцыно дважды выезжал из Чауна с Курицыным и оба раза, сбившись с дороги в пурге, должен был возвращаться обратно: в Чаунской равнине в пургу не видишь ни гор, ни мерзлотных холмов, а компас на санях из-за ударов о заструги прыгает, как бешеный, и полагаться на него опасней, чем на встречного зайца.

Пришлось опять попросить Укукая, чтобы он указал дорогу, а Курицына оставить дома, так как вместе с запасом горючего сани не могли поднять троих.

3 февраля, оставив Денисова с Укукаем разбирать аварийный мотор, мы уезжаем на малых санях на юго-восток. Снова погода мало благоприятна для поездки: низкая облачность и туман, который сидит на горах. Я хочу пройти между двумя гранитными горами — Керпунг и Гитойхын, выдвигающимися в равнину, и проникнуть в дальние горы, расположенные уже по краю Анадырского плато.

Этот район особенно интересен для геолога: здесь проходит граница между двумя областями различного геологического строения, между лавовыми покровами Анадырского плато и более древними породами Чукотского хребта.

Но и обе горы, между которыми нам надо пройти, и вся равнина закрыты туманом. Только слабая разница в интенсивности света, светлое пятно на юго-востоке позволяют догадаться, что там должен быть перевал. И мы мчимся к этому перевалу. Мчимся, несмотря на туман, потому что наш мотор на малых оборотах начинает замерзать и надо идти с большой скоростью. У малых саней входящий в мотор воздух нагревается отработанным воздухом из двух цилиндров, а в больших санях позднейшей модели — из четырех. Поэтому большие сани при 40° мороза оказались более пригодными.

Но мчаться так — не очень безопасно. Хорошо, что пока из тумана навстречу выбегают только заструги,

о которые непрерывно ударяют лыжи. А если покажется овраг, русло речки, обрыв, успеем ли повернуть?

Справа идет черная полоска — это кусты вдоль речки, которая течет с перевала, как было видно издали. Судя по расстоянию, мы должны быть уже на этом перевале — это широкая и плоская седловина, равнина, перегибающаяся затем на юг, к притоку р. Алькаквунь. Но внезапно из тумана выдвигается группа черных гор, между ними темнеет узкая долинка, которая как будто идет вниз в нужном нам направлении. Нам не остается ничего другого, как углубиться в нее. Долинка все более суживается, справа тянется овраг, слева — крутой склон: если упремся в тупик, мы не сможем даже повернуть назад. А между тем по ходу саней видно, что это не спуск, как казалось в тумане, а подъем. В какую щель мы залезли? И как из нее вылезти?

Но судьба сжалилась над нами. Щель открылась в соседнюю долину, более широкую, начался пологий спуск, туман немного рассеялся, и мы увидели впереди окраину тех гор, куда мы стремились. А сзади оказался гранитный массив, в который мы забрели, уклонившись слишком вправо. В ясный день мы бы никогда не решились заехать на аэросанях в эти горы.

У подножия гор остановились возле жалких кустиков, поставили маленькую палатку — специальную палатку для пурги с вшитым дном и круглым, затягивающимся входом, изготовленную по моему рисунку в Певеке. Но погреться в ней нам не удалось: кустов оказалось очень мало, так что результат выкапывания не оправдывал труда, а бензин и керосин надо было экономить. Мы горько пожалели, что из-за тяжести груза пришлось оставить в Чауне внутренний чехол этой палатки, сделанный из толстого сукна.

Сидим тесным кружком, прижавшись друг к другу, у пустой железной печки, в которую бьет пламя паяльной лампы (наиболее экономный способ использовать ее тепло), и я с завистью слушаю рассказ Ковтуна и Яцыно, как они у горы Наглойнын в январе отсиживались в этой суконной палатке во время пурги, и под половым брезентом даже таял снег — так было тепло. Сейчас у нас не только не тает снег, но стенки палатки быстро покрываются толстым слоем инея. Паяльная лампа — слабая грелка в тонкой палатке при 40° мороза. Когда готов суп и его разливают по тарелкам, то сквозь густой пар, наполнивший палатку, нельзя различить людей.

Но как ни жаль, а экономия в весе всегда будет сурово управлять нами, и если придется выбирать между теплой палаткой и банкой бензина, то всегда возьмешь последнюю.

У этих гор мы стояли две ночи. Погода опять гнусная: низкая облачность, пурга при 30° мороза. Я с трудом делаю экскурсию по горам: когда идешь навстречу пурге, приходится закрывать все лицо шарфом, чтобы не остаться без носа. Но бедный Ковтун страдает еще больше — ему нужна ясная погода для съемки: он обычно забирается на высокую вершину и рисует окрестные горы. А сегодня не видно ни гор, ни даже подножия их. Зато следующий день — чудесный, ясный, морозный. Все кругом сияет, мы можем пройти на санях назад прямо через плоскую седловину и только удивляемся, куда мы залезли третьего дня в тумане. С горы, где мы были тогда, сейчас спускаются черные точки — это чукчи кочуют вдоль гор на восток.

На стане у холмов Нгаунако Денисов с гордостью показывает нам результаты разборки мотора: поршень с прорванным дном, расшатанную зубчатую передачу. Один из поршней был отлит плохо, и от напора газа

вырвало дно. Но у нас с собой всегда есть запасный поршень, мы не задержимся здесь долго.

7 февраля, через десять дней после случайной остановки, мы покидаем грустные холмы Нгаунако. За это время мороз значительно усилился, сегодня ночью уже 49°. С каждым днем падает температура, и исчезают надежды на использование аэросаней для геологической работы. Наши исследования требуют остановки у встречных утесов и осыпей, а в такие морозы сани задерживать нельзя, потому что на малых оборотах мотор может замерзнуть. Во время морозов снег становится сыпучим, как песок, и не скользким; к этому добавляется еще много неудобств: исключительная трудность работать с металлическими предметами при низких температурах, опасность перехода через долины речек с плохо засыпанными снегом руслами и оврагами и т. п. Все это приводит меня к заключению, что геологическую работу во время февральских морозов в глубине страны, в горах, лучше провести на оленях, а сани вернуть пока в Чаунскую культбазу.

Укукай говорит, что чукчи с оленями стоят километрах в 60—80 к юго-западу, в равнине на притоке Чауна, р. Мильгувеем. Там мы достанем оленей, чтобы доехать до других чукчей, которые кочуют на склоне Анадырского плато. Для меня и Ковтуна нетрудно найти несколько легковых нарт, на которых мы быстро можем сделать маршрут в глубь плато.

Мешает одно обстоятельство: у нас осталось очень мало продовольствия, керосина и бензина; для поездки в горы нельзя выделить достаточного запаса продуктов для нас с Ковтуном и горючего для примуса. Нет также и утепленной палатки, а провести двадцать дней в легкой палатке без топлива (кустов там нет) очень тяжело.

Но если вернуться сначала в Чаунскую культбазу,

потом ехать к чукчам, пройдет опять два-три дня. А если будет пурга? Нет, лучше отправиться с тем запасом, который есть у нас. У чукчей мы всегда достанем оленье мясо, а к холоду нам не привыкать. Промедление на несколько дней для нас было невозможно: уже 1 марта мы должны вернуться в Чаунскую культбазу, чтобы ехать на оленях на Большой Анюй.

С удовольствием покидаем мы стан у холмов Нгаунако. Но выехать не так просто — хотя с ночи немного потеплело, но все же сегодня 46° мороза и нагревание моторов продолжается полтора часа. А палатка за десять дней стоянки покрылась изнутри толстым слоем льда, и если мы ее снимем сразу, то она сломается по всем сгибам. Сначала надо ее осторожно обскоблить и обить, потом греть примусами и паяльными лампами. Несмотря на продолжительное нагревание, мы никак не можем довести ее до сухого состояния; давно пора выезжать — светло и моторы нагрелись, и механики ругаются; скрепя сердце приходится сложить палатку, слыша с ужасом, как она при этом хрустит. Для настоящего путешественника палатка — любимое дитя, и он бережет ее как зеницу ока, особенно ее кровлю: если в кровле появятся дырки, то потом летом во время дождя будут литься целые потоки в постель, на карты, на коллекции, а зимой в пургу занесет снегом, проникающим даже в мельчайшие отверстия.

Наконец все уложено, водители сели, мы раскачали сани, вынуты из-под лыж деревяшки, можно вскакивать, сделаны пробные круги. Первый этап пути сегодня труден: надо пробраться сквозь заросли кустов р. Паляваам — большого притока Чауна, возле которой мы стояли, и найти переходы через ее русла. Это не так просто, потому что, высматривая спуски с крутых яров, надо идти медленно, а снег в кустах рыхлый, и сани на малом ходу

могут застрять. Винт может задеть за высокие кусты и сломаться. Но за дни стоянки мы присмотрели хорошие переходы, и километровая полоса кустов и русл пройдена благополучно.

До следующей речки, маленькой Этлькун, мы мчимся с большой быстротой — и не проходит и получаса, как перед нами новая черная полоса кустов, на этот раз очень узкая. Но в ней виден опасный глубокий ров — русло, не вполне заполненное снегом, с крутыми бортами. Наша передовая машина замедляет ход и идет вдоль русла. Напряженно ищем, где обрывы лучше занесены. Медленно вращается винт — и вдруг останавливается. Как я уже говорил, малые сани недостаточно предохранены от сильных морозов. Вторые сани также принуждены остановиться, все выскакивают, и начинается долгая процедура — запуск мотора. После нескольких неудач винт начинает медленно вращаться; теперь надо его прогреть, потом вызволить сани из глубокого рыхлого снега — протоптать им дорожку, подложить деревяшки. Сани медленно двигаются, застревают, и мотор опять замерзает. Так мы бьемся больше часа, а красный шар солнца неуклонно спускается и наконец исчезает во мгле на западе.

Темнеет, и ехать дальше нельзя. Новая непредвиденная ночевка!

Мы благословляем судьбу, что завязли у самых кустов: ночью 54° мороза, слышен шорох замерзающего дыхания, и без дров было бы жутко. Какая разница здесь по сравнению с морским побережьем: в Певеке в эти дни температура не спускалась ниже 40°. Отъехав на 100 км в глубь страны, мы уже попали в область гораздо более резкого континентального климата.

Следующий день — еще суровее. Днем 51° мороза. Чтобы не заморозить моторы, мы решаем идти полным

ходом, какие бы препятствия нам ни встретились. И вот мы мчимся со скоростью 50—60 км в час по равнине к далеким холмам Чаанай. Приближается широкая полоса кустов р. Алькаквунь — следующего притока Чауна; виден широкий чистый прогал в зарослях и засыпанные снегом обрывы русла. За рекой — плоский перевал через холмы Чаанай, и затем аэросани мчатся вниз в долину р. Мильгувеем. Могу вас уверить, что при 50° мороза даже в меховой маске чувствуешь себя скверно — ведь нужно непрерывно смотреть вперед, чтобы вовремя заметить предательский овраг, грозящий катастрофой. Маска быстро превращается в ледяной ком, примерзающий к носу и рту, нельзя ни снять ее, ни спрятать голову от ветра; и ждешь с нетерпением, когда же конец пути или хотя бы авария.

Мы пересекаем следы кочевки, Укукай машет рукой на юг, и мы поворачиваем вдоль следов. При такой скорости трудно разобрать, в какую сторону шла кочевка, и, только проехав километров пять, мы различаем, что следы копыт идут на север. Поворот по кругу — и назад. За нами в морозной мгле мчится вторая машина, и за ней клубится облако мелкой снежной пыли. Кричать бесполезно — только размахивая руками, мы объясняем причину поворота.

Пройдя вдоль Мильгувеем несколько километров на север, мы замечаем в стороне белый конус яранги. Издали белые оленьи шкуры, ее покрывающие, почти неотличимы от снега. Возле яранги никого нет — может быть, жители испугались аэросаней и спрятались внутри? Но нет, вход закрыт и не видно никаких признаков жизни. Укукай советует ехать дальше на север.

Вскоре мы различаем вдали еще несколько яранг. В хорошую погоду на равнине ярангу можно увидеть за пять-восемь километров, а если она стоит на склоне горы,

то и дальше. Издали яранги похожи на маленькие кочки.

На этот раз возле яранги видны люди, олени, собаки. Мы останавливаемся в некотором расстоянии, чтобы не пугать чукчей, и встреча с ними происходит на нейтральной почве.

К нам выходит глава стойбища, председатель артели, Котыргын («Встающий»). У него редкое для чукчи лицо совершенно русского типа, светлокожее, румяное, с светлыми усами. Вероятно, примесь русской крови в прошлом. Одет он хотя и не богато, но очень изящно и встречает нас весело и просто, как будто каждый день видит аэросани. С ним ребятишки и женщины. Механики подводят сани к ярангам и устанавливают в ряд с ними.

Это стойбище оленеводов-бедняков, которые все вместе имеют сотню оленей и принуждены для пропитания обращаться к подсобным промыслам. Они стоят здесь, в равнине Чауна, вблизи устья Мильгувеем, почти всю зиму и ловят рыбу — гольцов, которые из моря поднимаются вверх по реке.

У ЧУКЧЕЙ-РЫБОЛОВОВ

На этом олене пойди,— говорит,—
дойдешь до озера, там кругом трава.

Из чукотских сказок

Нас приглашают в полог к Котыргыну. Полог — это внутреннее помещение яранги, которое у оленеводов делается из оленьих шкур мехом внутрь. У Котыргына полог очень мал, и когда мы все влезаем в него, то сидящим сзади приходится опираться спиной о стену полога. Высота полога невелика — можно лишь стоять на коленях. Кроме Котыргына в пологе еще несколько гостей и хозяйка, которая будет разливать чай.

На маленькую доску ставят фарфоровые блюдечки, и хозяйка наливает в каждое немного чаю. Чукчи в Чаунском районе в то время почти никогда не употребляли кружек и стаканов; и в самом деле, привыкнув пить из блюдечек, находишь, что это очень удобно; чай не обжигает рот, как в эмалированной кружке, и не успевает остыть, он всегда имеет приятную среднюю температуру. Хозяйка сама не предлагает чаю, но, если ставишь блюдечко на дощечку, она тотчас наливает новую порцию.

Пол в пологе устлан шкурами оленей, а у дальней стенки светит эек — первобытная лампа, чаша, которую раньше делали из камня; теперь для этой цели пользуются железными тазиками. В нее налит нерпичий жир или жир из толченых оленьих костей, а на переднем краю лежит вместо фитиля узкая грядка мха, который и горит тусклым и ровным светом. Время от времени хозяйка подправляет мох палочкой.

Чай дают без всякой закуски, но мы принесли с собой угощение — мешочек сухарей. Это пока еще большая редкость в тундре, поэтому в глубине полога раздается почтительный шепот: «кау-кау» (хлеб). Перед уходом я оставляю остатки сухарей хозяину, хотя и с некоторой болью в сердце, ибо килограмм, который истрачен сегодня на угощение, составляет четвертую часть нашего запаса.

До чая никаких деловых разговоров вести нельзя. Только после чая Укукай начинает медленный разговор на волнующую нас тему — возможность найма легковых оленей для поездки в глубь Анадырского плато. Я хочу достичь таинственного озера Эльгытхын, расположенного в верховьях одного из притоков Анадыря, р. Белой.

Об этом озере давно уже рассказывали русским путешественникам чукчи; геолог П. И. Полевой, исследовавший в 1912 г. Анадырский край, пытался проникнуть к озеру, но его проводники не могли найти дороги. Только в 1933 г. при изучении Чукотского края с самолета мне удалось найти это озеро и увидеть его темно-синие воды в глубокой впадине в середине сложенного лавами плато. Его круглая форма и окружающее кольцо гор привели меня к убеждению, что озеро это образовалось в результате вулканического взрыва и заполняет кратер или трубку взрыва. Теперь надо было проверить это предположение, изучив окружающие озеро горы.

Здешние чукчи слыхали про это озеро, которое они называют по-коряцки Эльгики (в XVIII в. вблизи озера жили коряки).

Котыргын не бывал на этом озере, но поблизости есть чукча Тнелькут, который там кочевал летом. Завтра он должен быть здесь, и, может быть, его удастся уговорить свезти нас на озеро.

Укукай остается в пологе (он собирается провести завтра собрание по делам нацсовета), а мы отправляемся побродить по поселку. Ребятишки играют между ярангами, несмотря на такой мороз. Они хорошо укутаны в меховые комбинезоны; у самых маленьких рукава совсем зашиты, чтобы не попал снег, и они похожи на маленьких медвежат. Грудные дети завязаны в меховые мешки, в которых сзади сделан клапан — «макы», куда кладется мох пополам с оленьей шерстью; эту подстилку меняют несколько раз в день.

Дети залезают на пустые нарты, копаются в снегу и подражают движениям взрослых.

Женщины уже ставят пологи и начинают приготовление пищи. Надо и нам заняться своим домом. Сегодня в нем будет холодно — 53° мороза, а дров нет. Ближайшие кусты находятся в семи километрах, и дрова чукчи привозят себе на нартах понемногу, чтобы поддерживать скудный огонек под котлом. Хозяйки так умело используют топливо, что той порции дров, которую нашей печке надо на сутки, им хватило бы на десять. Нагревать палатку примусами сегодня также нельзя: осталось мало горючего, мы простоим здесь еще сутки, надо сохранить запас для возвращения саней в Чаун и для нашей поездки. Трехголовый примус пожирает в час 400 г бензина, и Денисов категорически требует, чтобы лезли скорее в мешки,— нечего зря жечь бензин. Укукай сегодня спит в теплом пологе, но нам неловко проситься туда: у нас ведь есть свой дом, технически более совершенный, и, кроме того, по описанию всех путешественников, чукотский полог представляется нам очень неопрятным жильем.

Поэтому после супа и чая, которые наполняют густым паром палатку, мы лезем в холодные спальные мешки. Хорошо в мешке! Если одежда и меховые чулки сухие, то мешок быстро нагревается — особенно, если закрыться с головой,— и забываешь, какой мороз снаружи.

9 февраля встречает нас таким же морозом, красным шаром солнца в дымке, струйками дыма, поднимающимися вертикально над ярангами. В ожидании прибытия Тнелькута мы занялись своей научной работой. Не так далеко до холмов Чаанай, всего 7 км, и можно подняться на их вершину. Если не одевать лишних мехов, то прогулка по твердому снегу может доставить только удовольствие.

К вечеру приезжает Тнелькут; имя его обозначает «первая заря», или «начало рассвета». Тнелькут — стройный молодой чукча в белых камусных штанах. Это признак состоятельности и даже франтовства: бедняки носят

темные меха; пеструю, черную с белым, кухлянку одевают старики.

Тнелькут — быстрый и энергичный, приятный на вид человек. Он не выстригает себе макушку, как это делают многие чукчи, и спутанные волосы покрывают его круглую голову. Лицо его не носит резко выраженных чукотских черт: нижняя часть и нос не так тяжелы, как обычно у чукчей. Он бывал на оз. Эльгытхын, но не очень хочет туда ехать — там мало корма, нет топлива и дует постоянно такой ветер, что у людей отмерзают носы и ноги. Тнелькут показывает жестами весьма наглядно, как это происходит.

После долгих разговоров Тнелькут соглашается все же свезти нас в это страшное место. Но с собой у него нет оленей, и нам придется ехать на здешних оленях до ближайшего стойбища у подножия плато, там переменить оленей и на них добраться до стойбища Тнелькута, находящегося еще дальше, вблизи Малого Чауна. Завтра можно назначить отъезд.

Последняя ночь в стойбище Котыргына была самая холодная — 55° мороза, но на следующий день с утра барометр стал быстро падать и температура подыматься. Я предложил нашим механикам скорее уезжать в Чаунскую культбазу: неминуемо должен скоро начаться сильный фёновый ветер с Анадырского плато с поземкой, которая хотя и будет попутной для саней, но чересчур сильной.

После завтрака мы раскачали в последний раз аэросани, и они скрылись в облаке снежной пыли. Укукай также уехал в Чаунскую культбазу, и мы остались с Ковтуном одни в ожидании нашего каравана.

Пригнали оленей, начинается ловля нужных для запряжки «быков»; делается это очень медленно — пастух прогоняет стадо мимо и особыми криками старается от-

делить ездовых оленей, которые обычно держатся вместе. В это время остальные мужчины с арканами (по-чукотски «чаат») стараются поймать оленя, намеченного для упряжки.

Чаат бросается очень ловко и попадает в оленя, но далеко не всегда захватывает его голову. У многих ездовых оленей отрублены рога, чтобы они не цеплялись при езде за соседа, и поэтому надо обязательно, чтобы петля чаата захватила голову или ногу. Хотя чукчи упражняются в бросании чаата с детства, я видел уморительных малышей 3—5 лет, которые бросали чаат на какую-нибудь палочку, но все же из трех бросков два, а то и все три неудачны.

После ловли чукчи возвращаются совершенно запыхавшиеся и мокрые, садятся во внешней части яранги и закусывают перед дорогой. Они сначала едят из деревянного блюда мелко раздробленное мороженое оленье мясо и потом медленно пьют чай из блюдечек. Гости и хозяин сидят скрестив ноги на оленьих шкурах, а женщины — прямо на земле.

Мы с Ковтуном держимся пока в стороне — мы чувствуем себя еще чуждыми всей этой жизни.

Наконец чаепитие кончено, олени запряжены. Можно ехать. К нашему удивлению, мы видим, что нам с Ковтуном дали не парные легковые упряжки, как договорено с Укукаем, а грузовые с одним оленем. Это грозит затянуть нашу поездку к озеру вдвое, до начала марта. Объясниться с чукчами очень трудно. Я знаю слишком мало чукотских слов, и остается надеяться, что от Тнелькута мы поедем уже как следует. Мне необходимы легкие отдельные нарты для осмотра утесов, а приходится ехать пока в общем караване.

Сейчас везет нас не Тнелькут, а другой чукча, Ятыргын («пришедший»). Это пожилой человек с толстыми

отвислыми губами и с испорченными трахомой глазами. Он ходит все время перегнувшись вперед — как будто не может выпрямиться.

Чукотская кочевая (грузовая) упряжка резко отличается от якутской или эвенкийской. Чукчи запрягают только одного оленя, и лямка одевается всегда с правой стороны. Каждый олень привязывается к левой стороне идущих впереди саней, и поэтому вся связка из десятка нарт двигается не гуськом, а диагональным ступенчатым рядом, и каждый олень идет по новому, не протоптанному другими пути. Поэтому за чукотским караваном остается широчайшая, раскатанная полозьями и истоптанная дорога. Такой способ хорош для езды по широким равнинам и твердому насту. Но если чукчи попадают в глубокие снега горных долин и в леса, их олени выбиваются из сил через два-три дня. Ведь каждый олень должен тащить по нетронутому снегу нарту, хотя и с грузом, в два-три раза меньшим, чем в Якутии, но чрезмерным для такой дороги. В Якутии, когда мы прокладывали дорогу, у нас обычно впереди шли пустые нарты с четырьмя оленями, затем полузагруженные парные нарты, а за ними уже караван с нормальным грузом, килограммов по полтораста на каждой нарте.

Пока еще эти путевые мучения впереди. Мы идем по равнине, по твердому, прибитому ветром снегу. Ятыргын уныло сидит на своей нарте и время от времени тыкает оленя «кенчиком» — длинной палкой с костяным наконечником.

Возле пустой яранги нас нагоняет Тнелькут на своем легковом выезде. Легковая чукотская нарта сильно отличается от грузовой: она гораздо изящнее и легче. Грузовая сделана из плавника — тяжелых бревен, собранных на побережье, плохо вытесанных, громоздка, нередко небрежно скреплена и представляет в сущности

орудие пытки для несчастного оленя, который ее тащит. Нередко полозья нарты даже кривые. А легковые делаются в основном из березы или ивы, из тонко выструганных и аккуратно пригнанных частей. Иногда копылья (дуги основания) делаются из оленьих рогов. Вся она — тонкая, беленькая, чистая. Два оленя легко везут одного человека, который сидит верхом, свесив ноги на полозья и направляя нарту ногами.

Тнелькут ловко останавливает нарту, перебрасывается несколькими словами с Ятыргыном и, к нашему огорчению, уезжает вперед. Мы опять тянемся шагом, и унылая равнина, кажется, никогда не кончится.

Над горами на юге скапливаются сигарообразные облака, и надо ждать фёна и пурги. Но пока совершенно тихо, только визг полозьев нашего каравана нарушает безмолвие снежной равнины. Впереди холмистые предгорья Анадырского плато, белые ровные скаты. Там мы должны ночевать сегодня у Ятыргына.

Медленно двигаемся мы, пока в сумерках вдруг Ятыргын останавливается, прислушивается и говорит: «Пенайоо» (пурга). Действительно, с юга на нас надвигается резко ограниченная белая стена. Через мгновение мы чувствуем легкое дуновение, затем резкий свист — и все кругом заволакивается мчащимся снегом. Но все равно приходится идти дальше, навстречу ветру: здесь в равнине укрыться негде. Быстро темнеет. Сначала еще хорошо видна дорога — вернее, след нарт: постоянных дорог на равнине нет, всякий едет, где хочет. Но очень скоро пурга заносит следы, стирает их вовсе, нагромождает заструги поперек дороги. Ятыргын идет впереди, согнувшись, и ищет следы. Вдруг он подзывает меня и Ковтуна и объясняет, что ему трудно идти, болит спина и теперь мы должны вести караван по следу. Мы сначала опешили: как нам, никогда не бывавшим здесь прежде,

найти дорогу, когда след сметен и остался только кое-где помет от бродивших здесь оленьих стад! Но потом мы догадываемся, что надо идти как раз навстречу ветру, придерживаясь направления борозд, вырезанных ветром в твердом снегу — заструг выпахивания.

Надо различать в снежных образованиях полярных стран два типа заструг — заструги навевания, которые имеют вид плоских барханов, вытянутых поперек к направлению ветра, и второй тип — это скульптурные заструги, заструги выпахивания, которые ветер вырезает в старом, убитом снегу. Заструги эти обычно имеют длинные острые языки, вытянутые навстречу ветру.

Вести караван навстречу пурге — работа довольно неприятная и физически очень утомительная. Нужно смотреть вперед, и закрыть глаза шарфом нельзя, не говоря уже о том, что ветер проникает всюду, под шарф и капюшон.

Стало тепло — наверно, градусов тридцать, не больше.

Несмотря на ветер, жарко идти в кухлянке, а сбросить ее нельзя: снег забьется под одежду.

В этот раз Ковтун самоотверженно почти все время вел караван, а я последовал примеру Ятыргына и большей частью сидел на нартах, отвернув лицо от пурги.

Часа четыре тащимся мы навстречу пурге. Олени начинают выбиваться из сил, останавливаются, глядят умоляющими глазами — мы перекладываем груз с одной нарты на другую. Кажется, не будет конца дороге, мы никогда не дойдем. Во всей вселенной нет ничего, кроме этого мчащегося, колющего снега и плотного воздуха, сквозь который надо пробиваться.

Наконец начинается подъем — все круче и круче: это склон Анадырского плато. Из-под снега торчат отдельные камни, и мне приходится, несмотря на пургу

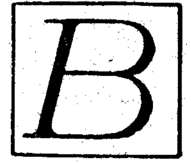
и темноту, осматривать их и отбивать образцы: неизвестно, попадем ли мы сюда опять.

Хотя Ятыргын принимал мало участия в выборе дороги, но направление, указанное им, верно: мы приходим прямо к его стойбищу. В плотной стене пурги появляются белые неясные конусы — яранги. Их пять, целый поселок; но это мы разглядели только на другой день, а сейчас видим только ближайшие две яранги.

В ЧУКОТСКОЙ ЯРАНГЕ ВО ВРЕМЯ ПУРГИ

Из мертвенных пустынь возникла буря вдруг
И в вихре злом смела земли и неба круг.

Низами (XII в.)



ход в ближайшую ярангу прикрыт оленьей шкурой. Когда, откинув ее, пролезешь внутрь, невольно отшатнешься: густой едкий дым наполняет всю внешнюю часть яранги («чоттагын»). Ветер не дает дыму выйти в верхнее отверстие, гонит его внутрь, завевает в щели. Но все же здесь спокойно, снег не сечет лицо, и, когда присмотришься, в середине увидишь маленький огонек под котлом и рядом темное лицо чукчанки.

Чтобы попасть в полог, надо сначала очистить снег с меховых сапог. Нам подают «тиуичгын» — выбивалки, сделанные из оленьего рога. Такая выбивалка — необходимая принадлежность чукчи, как дома, так и в пути, и каждый везет ее с собой на легковой нарте.

Мы снимаем кухлянки, тщательно обиваем меховые штаны, сапоги. Потом надо стать коленями на меховой порог полога, приподнять переднюю его стену — за-

весу из оленьих шкур — и на четвереньках залезть внутрь. В это время следует похлопать ногой о ногу, чтобы сбросить с подошв остатки снега, или же женщина, находящаяся во внешней части яранги, обобьет вам подошвы выбивалкой. Только после этого можно вползти в полог, и затем надо тщательно подвернуть висящий конец шкуры, закрывающей вход («чоургын»), под шкуры, лежащие на полу.

Влезть в полог со снегом на одежде — это совершить бестактность, худшую, чем войти в грязных калошах в культурный дом: снег в пологе — страшное зло, полог и так насыщен влагой от дыхания людей.

Возможно, что в этот первый раз мы и совершили преступление против чукотских правил вежливости — мы очень спешили укрыться в пологе, который еще недавно внушал нам такое отвращение.

Как приятно почувствовать над собой кров, непроницаемый для ветра. Избавиться, наконец, от этого снега, бьющего в лицо, от необходимости тратить все свои силы на преодоление давления ветра. Как приятно быть в тепле (хотя здесь, вероятно, не более 10°) и сидеть при спокойном, уютном свете эека, тонущем в меховых стенах и потолке.

Спустя несколько минут наше восхищение чукотским гостеприимством еще более увеличивается: хозяйка вносит эмалированное блюдо, наполненное мелко нарубленным оленьим мясом,— нечто вроде беф-строганов, но вареное: бульон уварен до густоты и превратился в соус.

Нам кажется, что нет ничего лучшего в мире, как после четырех часов борьбы с пургой сидеть в пологе и есть такое горячее, хорошо проваренное мясо!

После мяса следует чай. В этот раз мы уже не доставали кружек — кому охота выходить снова наружу к нартам — и без всякого отвращения смотрели, как хозяйка достает блюдечки из грязного кожаного мешочка.

Чаепитие совершается истово и долго. Приятно чувствовать, как теплая жидкость проникает внутрь и, кажется, растекается по всему телу. Мы то и дело подставляем хозяйке свои блюдечки. Когда каждый сказал традиционное «тыпаак» (я кончил — я сыт) или «мури паа» (мы сыты), хозяйка приступает к мытью посуды. Во-первых, она собирает и съедает чаинки, которые расточительные гости оставили в блюдечках, потом тщательно вылизывает блюдечки и прячет их в грязный мешочек.

Теперь можно немного оглядеться. Полог Ятыргына среднего размера, метра два в ширину и несколько меньше в длину. У береговых чукчей полог больше, потому что их яранги стоят всегда на одном месте. А оленевод, стесненный условиями кочевки, не может себе позволить устроить большой полог — его тяжело выбивать каждый день, трудно добывать для его освещения жир, трудно расставлять каждый день и тяжело возить. Но и в таком пологе может поместиться много народу — если сидеть по-чукотски, поджав ноги, и тесно один возле другого.

Против нас, в правом углу за эеком сидит сейчас сам Ятыргын. Ему тепло, он снял кухлянку и до пояса голый. Кухлянки у чукчей небольшие, вроде рубашек, и двойные — мехом внутрь и наружу, их не снимают во внешней части яранги, перед тем как влезть в полог, а только очищают от снега. У Ятыргына темный мускулистый торс и, как у большинства чаунских чукчей, несколько вздутый живот. Он взял столовую доску и режет на ней листовой табак. Толстые его губы полуоткрыты, красные вздутые трахоматозные веки опущены, он осторожно берет листики и режет их на мелкие крошки.

Так проходит время до главной вечерней еды. Является и Тнелькут — он ночует в другой яранге, но заходит посмотреть, как мы устроились.

Вечерняя еда начинается с блюда вареных оленьих ребер. Хотя мы основательно поели мяса, но берем по ребру, и так же жадно, как и остальные сотрапезники, отдираем мясо.

Чукчи смотрят на нас с удивлением, даже с презрением: мы оставляем на костях немного мяса. А надо было подрезать пленку, покрывающую кость, захватить ее зубами и отодрать, так чтобы ребро осталось совершенно чистое. Поэтому после нас приходится подчищать кости другим сотрапезникам. Отведав ребер, Тнелькут удалился — он должен совершить ритуал вечерней еды в той яранге, где будет ночевать. Тнелькут очень воздержан, и единственный из всех чукчей, с которыми мы встречались, часто у нас отказывался от второй тарелки еды.

Затем подается котел, из которого хозяйка выкладывает на доску куски вареной оленины. Каждый берет по куску и грызет его или обрезает куски своим ножом. В чукотском обиходе никаких столовых приборов, конечно, нет и все надо есть руками. Хороший нож у каждого должен быть на поясе.

Наконец, опять неизменный чай в блюдечках. После чая тотчас ложатся спать. Хозяйка подбирает с мехов, покрывающих пол, кости, оставленные обедающими, и складывает их возле эека. Котел, в котором варился суп, ставится также возле эека — в нем остается бульон. Суп чукчи не едят, но если кто ночью захочет напиться, он пьет бульон из этого котла, зачерпнув кружкой или просто через край, наклонив котел.

В этом бульоне, не меняя его, варят мясо изо дня в день, поэтому мясо не вываривается так сильно, как у нас. Нигде я не ел такого вкусного вареного мяса, как у чукчей. Правда, нигде я не был так голоден и не нуждался так в пище и тепле.

Мы с Ковтуном в этот вечер могли сразу понять основы быта чукчей и войти в него не как любопытные путешественники, а как товарищи. Прежде быт чукчей описывался обычно как первобытное существование, над которым можно свысока посмеяться и брезгливо отойти.

Проведя в общем двадцать дней с чукчами, деля вместе с ними кров и пищу, мы поняли, что все древние чукотские обычаи и житейские правила, кажущиеся столь неопрятными для культурного человека, были вызваны жестокими законами борьбы за существование среди скудной и суровой природы. Экономия пищи и тепла — вот чем руководился в прошлом всякий чукча. Все, что может быть переварено человеческим желудком, должно быть съедено, поэтому от оленя оставались только рога и шкура, а даже кости раздроблялись и частью съедались, а частью из них вытапливался жир для эека. Съедалось также содержимое оленьего желудка — полупереваренный мох, который смешивали с кровью. Съедались, прежде как лакомство, личинки оленьего овода, которых специально выдавливали из спины оленя весной.

Чтобы сохранить тепло и сухость в пологе, нельзя заносить в него снег на ногах и одежде и нельзя часто вылезать из него. Когда вечером все жители влезут в полог, то они уже больше не выходят из него до утра; вечером в наружной части яранги остается только хозяйка или работница, которая и следит за изготовлением пищи и подает внутрь все необходимое.

Поэтому в пологе на ночь ставится возле эека и котла с бульоном «ачульхен» — железный тазик (раньше они делались деревянными), служащий ночным горшком. По мере надобности вечером и ночью хозяйка опоражнивает его, выливая содержимое на два больших куска плотного снега, стоящие в яранге рядом с входом в полог. Завтра при ловле оленей этот снег послужит приманкой:

олени не получают соли и поэтому очень любят человеческую мочу. Так ничто не терялось в хозяйстве чукчей.

Перед сном все раздеваются. Меховые сапоги были сняты уже раньше, вывернуты и повешены для сушки на ремешках над эеком. В пологе так влажно и так ничтожен источник тепла, что одежда сохнет очень медленно, и за ночь повешенные вещи не просыхают, а лишь становятся из мокрых влажными. Поэтому чукчи сушат обычно только свои коротенькие меховые сапоги и меховые чулки, а остальную одежду лишь тщательно очищают от снега, когда входят в полог. Из-за того, что обувь плохо просушена, у чукчей часто зимой мерзнут ноги.

Мужчины на ночь снимают кухлянки и штаны, а женщины свои меховые комбинезоны — «керкер» и ложатся спать совершенно голые, прикрывшись всей этой одеждой. Постели не надо, потому что пол состоит из двух слоев оленьих шкур, и единственная щель под входной дверью тщательно закрыта. Иногда, впрочем, подстилают специальные шкуры для спанья.

В других семьях оленеводов, как мне рассказывали, мужчины надевают на ночь мехом внутрь свои внешние брюки и кухлянки и таким образом сушат их.

Ночью температура внутри полога у оленеводов не высока, а в эту ночь, когда дул неистовый ветер, вероятно, была близка к нулю. Максимума она достигает вечером, когда вносят чайник и котел, но, вероятно, никогда не бывает выше 20—25°.

Гораздо сильнее колебания температуры в пологах у прибрежных чукчей, где, по измерениям доктора полярной станции мыса Шмидта, температура вечером достигает +40°, а ночью падает до +10°. У прибрежных чукчей гораздо больше жира, и они одновременно зажигают три эека, которые даже служат и для приготовления пищи.

Хорошо спать в пологе, когда буря свистит, снег метет по яранге и ветер непрерывно хлопает шкурами. Хозяйка еще некоторое время не тушила эек, чтобы просушить обувь, он горит ровно, без копоти. При его свете видны полуприкрытые мехами тела, сплошь устилающие пол. Чьи-то голые плечи — в одной стороне, чьи-то ноги уже легли на котел с бульоном возле моей головы. Раздается разнообразный храп, вторящий пурге.

Утром слышно то же шипение пурги. Все поднимаются лениво; сегодня в виде исключения хозяйка не будет снимать полога (потому что его нельзя выбить. Эта операция выполняется чукотской женщиной каждый день; полог снимается, выворачивается и выбивается большими выбивалками, вырезанными из оленьего рога или дерева. Выбивание продолжается несколько часов и имеет целью удалить иней, осевший от дыхания на внутренней стороне шкур.

Утренняя еда скучная — немного холодного мяса и чай, конечно, без всякой приправы. После чая я пробую выйти. В яранге все засыпано снегом, и, когда я ищу кухлянку, оставленную здесь вечером, я вижу несколько меховых кучек, трогаю одну из них — она шевелится, соседняя тоже: это собаки, которые прячутся от пурги в ярангу. Собаки маленькие, жалкие, худые. При таком суровом хозяйстве им не остается никаких отбросов, никаких костей. В быту оленеводов они совершенно не нужны — это не ездовые и не пастушеские собаки, они не умеют охранять стада. Но они выполняют более важные обязанности: охраняют от злых духов, а если злые духи слишком могущественны, то собак убивают, как искупительную жертву.

Но эти магические защитники, которые казалось бы должны были пользоваться большим почетом, влачат самое жалкое существование.

Выглянуть на улицу нетрудно — надо только приподнять шкуру, которая закрывает вход. Стоит высунуть голову, как понимаешь, что прогулка не доставит никакого удовольствия. Мы стоим почти на вершине увала, высотой метров до двухсот над Чаунской равниной, и воздух, который мощной волной перекатывается с юга через Анадырское плато, низвергается по нашему склону с буйной силой. У меня нет анемометра, но скорость ветра, вероятно, не менее 30 метров в секунду — не только идти, но даже стоять трудно. Воздух наполнен мчащимся колючим снегом, но поток этой поземки, вероятно, не очень толстый — сквозь него видно солнце.

После короткой прогулки между ярангами я забираюсь обратно в полог. Можно заняться записями в дневнике, а потом проверить свой чукотский словарь.

Чукотский, или, как еще его называют, луораветланский, язык очень труден для изучения. Он относится к так называемым включающим (инкорпорирующим) языкам. В нем, как писал лучший знаток этого языка покойный профессор В. Тан-Богораз, «сливаются вместе несколько корней. Одна слитная форма включается в другую слитную форму, составляя как бы морфологический сгусток, и все обрастает префиксами и суффиксами, образуя в свою очередь новые грамматические формы от целого сгустка». А так как при этом от сливающихся корней часто остается только одна буква, то слитное слово надо заучивать заново.

Очень мешает изучению языка закон гармонии гласных. Если в слове стоят буквы сильного ряда — *а, е, о*,— то все сливающиеся с этим словом другие слова меняют гласные слабого ряда на сильные; *и* переходит в *е, у* — в *о, э* — в *а*. Поэтому каждое слово нужно знать в двух видах — например, в одних названиях «река» произносится «веем», а в других — «ваам».

Наконец, есть особое женское произношение: женщины вместо букв «ч» и «р» произносят «ц», и женская речь звучит совсем иначе, чем мужская. Не буду уже говорить о сложностях грамматики действительно трудной.

Очень мало русских, даже проживших несколько лет на Чукотке, могут в самом деле правильно говорить по-чукотски. Моя задача была скромнее: мне хотелось только кое-как объясняться с чукчами, чтобы не возить с собой переводчика. В Ленинграде несколько уроков чукотского языка дал нашим экспедициям, уезжающим на Чукотку, филолог Н. Шнакенбург. Зимой в Чауне по его лекциям и по грамматике Богораза я составил себе небольшой словарь. Теперь я пользовался случаем проверить произношение и научиться самым необходимым словам. Моим хозяевам доставляло большое удовольствие, когда я читал чукотские слова; их забавляло исправлять мое произношение и догадываться о значении слов вовсе исковерканных.

Но надо познакомить вас с хозяйкой. Ее зовут Эйчин, или Эчин, в женском произношении Эйцын. Это, вероятно, сокращение от Эчинеут, что значит «жирная женщина». Но она не жирная — я вообще не видал особенно жирных чукчей,— а очень подвижная, разбитная женщина и, с чукотской точки зрения, вероятно, интересная и кокетливая. Она очень самостоятельна и предприимчива. Увидав у меня коробку с нитками и иголками, Эйчин тотчас стала в ней копаться и отобрала себе, что ей понравилось,— несколько иголок и две блестящие металлические пуговицы. Иголки попали в кожаный рабочий женский мешок — каждая чукчанка возит его с собой,— а пуговицы были тотчас вдеты с двух сторон в косы.

Эйчин все время что-нибудь делает, а если нет дела, то говорит без конца. Мне трудно следить за ее речью, я знаю только несколько слов, да и то в самых простых

формах, вроде неопределенного наклонения или именительного падежа. Но иногда она явно имеет в виду нас — я слышу слова «кау-кау» (хлеб) и другие намеки на то, что следовало бы угостить хозяев из наших запасов. По-видимому, настаивать так на угощении противно правилам гостеприимства, и хозяин недоволен. Но Эйчин не унимается. Я делаю вид, что не понимаю: у нас осталось ничтожное количество продуктов — всего только 2 кг сухарей, 1 кг крупы, 500 г сахару, 700 г масла и 9 банок консервов, а нам, может быть, придется десять или двадцать дней путешествовать вне чукотских яранг. Поэтому, чтобы успокоить Эйчин, я отдаю хозяину плитку табака — подарок очень ценный для чукчи. Плитку передают из рук в руки, рассматривают и сейчас же начинают крошить и смешивать с более легким листовым табаком.

Сегодня мы не умывались, и вряд ли скоро удастся помыться. В то время в чукотском быту зимой совсем не употреблялась вода для мытья чего бы то ни было.

Первая причина та, что здесь слишком мало топлива, чтобы тратить его на таяние снега. Обычно яранги ставятся в таком месте, где много корма для оленей и притом на склоне горы или на холме, чтобы видеть издали стадо. А кусты большей частью ютятся на дне долины, закрытом от ветра, в нескольких километрах в стороне от стойбища.

Мужчины ездят за топливом на нартах и стараются выкопать в руслах рек сухие ветви, принесенные водой, потому что сырые кусты горят в костре очень плохо — ведь у чукчей нет железной печки, в которой можно разжечь и сырые дрова. Поэтому сегодня очень экономят дрова — неизвестно, когда кончится пурга и можно будет съездить за ними.

Чукчанки с большим искусством умеют поддерживать маленькое пламя, чтобы оно охватывало только котел или чайник и не слишком дымило.

Если даже вымоешься, то где сушить полотенце? В пологе оно не высохнет, а на морозе будет сохнуть слишком долго. В такой обстановке, конечно, нельзя и думать о стирке белья, и в то время как уже многие береговые чукчи носят белье, у оленных я совершенно не видал его. Как сообщали старые исследователи, когда-то чукчи умывались мочой; ей же мылась и посуда. Но, вероятно, этот способ уже совершенно исчез, по крайней мере мне не удалось его видеть.

Когда хозяйке, хлопочущей у костра, надо вытереть грязные руки или котел, она обрезает полоску от шкур, покрывающих пол полога, и по миновании надобности бросает этот клок шерсти. После обеда жирные руки вытирают о мохнатую подошву мехового сапога — чукчи подошвы зимних сапог (плекты) сшивают из «щеток», кожи с крепкой шерстью, взятой с подошвы оленьей ноги между копытами. Такие плекты теплы и не скользят. Для осени и весны подошва делается из кожи лахтака (морского зайца).

Тнелькут приехал в плектах с подошвой из лахтачьей кожи. Поэтому сегодня после еды он был в большом недоумении — обо что обтереть руки. Эйчин заметила его затруднение и тотчас с милой кокетливостью заботливой хозяйки положила ему на колени свою ногу, он тщательно обтер руки о мохнатую подошву ее сапога. У Эйчин вообще очень много кокетливых жестов и нежных интонаций. Надо только послушать, каким нежным голосом она зовет мужа «мэй» (обычное обращение, нечто вроде нашего эй, но только к мужчине) или будит его: «кывакоэ» (садись).

На следующее утро, как только мы напились чаю, Эйчин, несмотря на пургу, выгоняет нас наружу: сегодня

необходимо выбить полог. Пурга ослабела, и можно сделать это хотя бы внутри яранги.

Вынеся эек и свои мешочки — один с блюдечками, другой рабочий, она спускает полог с козел, вывертывает его и начинает бить выбивалкой. Делать это нужно с большой силой, и женщина настолько согревается, что вскоре спускает с плеч керкер и работает полуголая. Ее волосы покрываются инеем от дыхания, и голова кажется седой, а лицо, и так уже румяное, краснеет еще больше. Яркий цвет лица — один из основных элементов красоты чукотской женщины.

Керкер чукчанки представляет меховой двойной комбинезон, состоящий из широких штанов и еще более широкого, низко вырезанного корсажа. Корсаж имеет глубокое декольте спереди и сзади, так что керкер легко сбросить, и во время работы его большей частью спускают с одного плеча или с обоих, а в пологе женщины сидят обычно обнаженные по пояс, так же как и мужчины.

Пока Эйчин выбивает полог (это продолжается не меньше двух-трех часов), мы с Ковтуном уходим вдоль холмов Маркоинг для геологических исследований и съемки. Поземка еще свирепствует, но гораздо слабее, и, закрыв лицо капюшоном, можно двигаться поперек ветра. В ярангу нам нечего возвращаться раньше темноты — до этого времени полог не будет поставлен.

Несмотря на пургу, приятно бродить по холмам при ярком солнце. Поземка струится по склону, но уже покров ее не такой плотный, как вчера; кажется, что по склону стекают ручьи снега. Внизу, в равнине Чауна, эти ручьи сливаются, и равнина до горизонта залита густым покровом мути. У подножия холмов, возле края этой пелены, бродят олени и копытят из-под снега мох.

Хорошо вернуться в ярангу в сумерки, сесть у костра и получить от хозяйки блюдечко горячего, мелко нарубленного мяса. Полог поставлен, и, по-видимому, уже не будет неприлично залезть в него.

Сегодня кормят гораздо скуднее, чем вчера, — вероятно, убитый перед пургой олень приходит к концу. Атыргын не главный в стойбище — я видел днем двух более важных жителей, одного толстого чукчу в коричневой с красной полосой камлейке (ситцевый чехол сверх кухлянки) и другого высокого эвенка в желтой ровдужной[1] камлейке. Они ходили по стойбищу, от нечего делать разглядывали одометр на нашей нарте, пробовали катить нарту взад и вперед. По-видимому, в их яранге живет Тнелькут, и оттуда мы получаем мясо. Этот эвенк, как я узнал, уже давно поселился вместе с чукчами.

Тнелькут пришел сегодня вечером с обмороженными щеками и рукой. Он ночевал у стада; очевидно, какие-то обязательства связывают его с этим стойбищем, потому что гость обычно не пасет стада. (Кажется, у него здесь есть свои олени).

Он рассказывал с большим воодушевлением, какая ночью была пурга и холод и как за эти дни сдохло от холода десять оленей. С Тнелькутом мне легко разговаривать: в то время как Ятыргын, чтобы объяснить что-нибудь, употребляет множество слов, в самых сложных формах и сочетаниях, Тнелькут немногословен, говорит отчетливо несколько слов и дополняет их выразительными жестами. Вот и сейчас он картинно показывает, как дохнут олени («камака» — термин русско-чукотского жаргона) и как при этом они сворачивают голову набок, высовывают язык и закатывают глаза.

Кроме Тнелькута за вечерней трапезой присутствует сын Ятыргына. Он, как полагается младшему, сидит сза-

[1] Ровдуга — выделанная оленья кожа, нечто вроде грубой замши.

ди, в углу, и мать иногда передает ему через плечо кусок мяса. Чай он получает очень редко. Трудно сказать, сколько ему лет — 11 или 14; он внимательными серьезными глазами смотрит на нас, как будто изучая и костюм и манеры.

На ночь Ятыргын уходит к стаду, но в четыре часа утра возвращается и посылает вместо себя сына.

У ТНЕЛЬКУТА

А кто знает, что за границей много есть самородных красавиц!
Они милы от природы и не нуждаются в украшениях,
Хотя тело их покрыто пылью, но бело, как баранье сало.

Фань Шао-Куй,
Путешествие в Монголию, 1721.

13 февраля пасмурно, ветер стих, мы можем ехать дальше. Сегодня наш караван ведет Эйчин, во время кочевки это лежало на обязанности женщин, а мужчины очень не любили вести грузовых оленей и считали это унизительным. Тнелькут опять уехал вперед на своей легковой нарте.

Эйчин для поездки в гости приоделась: на ней хороший керкер из темного одноцветного меха, а на спине повязан русский платок. Костюм заканчивается парой меховых сапог, затянутых у колена поверх керкера; самая красота, по-видимому, в том, что икры делаются очень толстыми — как бочонки. При этом чукотская кра-

савица идет переваливаясь. Постоянное сидение в пологе искривляет ноги чукчанки, широкие штаны керкера мешают ходьбе, и походка становится похожей на утиную.

Эйчин большей частью сидит на нарте. Оленей вести не надо, мы едем по следу Тнелькута.

Скоро начинает падать густой снег; спустившись с холмов, мы попадаем в широкую долину р. Мильгувеем. Ничего не видно, снег внизу, снег в воздухе. Мы начинаем восхищаться опытностью Тнелькута, который без компаса так уверенно идет на юг.

Но восхищаться, кажется, еще рано: подойдя к подножию каких-то холмов, след вдруг круто поворачивает влево, вдоль них. Очевидно, Тнелькут взял слишком вправо, и теперь приходится идти на восток.

Яранги Тнелькута стят на склоне холмов. Сквозь снег и мглу сначала видны только черные концы жердей, высовывающиеся из дымового отверстия, а потом уже вырисовываются очертания трех яранг. Между ними стоят, как обычно, пустые и груженые нарты — с запасными пологами, с продуктами, два крытых возка указывают, что здесь есть две семьи с маленькими детьми: при кочевках детей возят всегда в этих закрытых возках, потому что мать слишком занята надзором за гружеными нартами.

Нас встречают очень радушно. Тнелькут — середняк, у него 400 или 500 оленей, но такое стадо только дает ему возможность постоянно быть сытым. По исследованиям Чаунской культбазы, минимальное количество оленей, которые необходимо для семьи в 6 человек при тогдашнем хозяйстве с исключительно мясным питанием,— это 300 голов. Когда у чукчи оленей меньше, то стадо быстро уменьшается, попросту съедается. Для каждого члена семьи в среднем нужно было убивать по оленю в месяц. Чукотские олени очень мелкие, и чистый вес мяса

(без кишок) иногда не превышает 20 кг, лишь у хорошо упитанных взрослых оленей достигает 30—35 кг и редко больше.

Кроме оленьего мяса, чукчам в тундре было нечем питаться: охота давала очень мало, да и постоянная пастьба стада не оставляла времени для охоты. Оленные чукчи вели напряженную трудовую жизнь. Мужчины и молодые женщины были всегда заняты у стада и, чередуясь, стерегли его по ночам. Пожилые хозяйки, а часто и молодые, вернувшись из стада, должны были весь день варить пищу, чинить одежду и чуть ли не полдня тратить на выбивание, установку и сборку полога.

Поэтому оленеводы с презрением смотрели на береговых чукчей и считали их лодырями: пища сама идет к ним, стоит только выехать на байдаре в море. Но на самом деле жизнь береговых чукчей была в то время также тяжела, и некоторые исследователи считали, что им живется труднее, чем оленным. Переход к новым формам жизни и полное изменение быта чукчей прежде всего захватили береговых чукчей. Здесь легче всего было создать звероловные артели, снабдить их моторными шлюпками, приучить к жизни в домах, обслужить все население школами. В этом направлении к 1935 г. были сделаны уже большие успехи, особенно в восточной части Чукотского округа.

Гораздо труднее было изменить быт оленеводов. Чтобы сделать оленное хозяйство рентабельным, надо было слить несколько стад вместе, так как стадо в 2000 голов обслуживают столько же человек, как и стадо в 300 голов. Освободившихся при этом пастухов можно поселить оседло в тех местах, где они могут заняться звероловством, рыбной ловлей или какими-либо промыслами. Надо было избавить чукотскую женщину от ее

рабского подчинения яранге, которой она отдает всю жизнь.

Но провести такую реформу было сначала очень трудно: ведь это коренное изменение всего быта оленеводов.

Из северных районов Чукотки ко времени нашего пребывания больше всего сделано в этом направлении в западной части, Островновском районе (теперь район Восточной Тундры). Здесь был построен по морскому побережью ряд изб, в которых оленеводы оставались для охоты на морского зверя, в то время как пастухи со стадами уходили в глубь гор. Но эти мероприятия тогда еще не охватили всех оленеводов района, это были только первые зачатки сложной реформы.

Сегодня Тнелькут, по-видимому, убил оленя, и нас кормят особенно обильно. Начинаем мы с обычного блюда вареного, мелко нарубленного мяса, потом следует мороженое мясо, разбитое на маленькие кусочки, также очень вкусное. Мясо разбивают каменным пестиком в кожаном ведерке, поставленном на плоский камень. Это самый быстрый и простой способ приготовления мяса.

С пяти часов вечера до десяти мы три раза едим вареное мясо, два раза сырое и три раза пьем чай. Обычно, как я говорил, у оленеводов основная еда вечером одна — и сегодня такой пир ради приезда гостей.

В этой яранге общество еще многочисленнее. В правом от входа углу сидят Эйчин и две старухи. В пологе тепло, и они спустили керкеры до пояса. Керкеры лежат вокруг обнаженных торсов пышными складками.

Эйчин стрекочет без конца — рассказывает о нашем приезде, наших смешных манерах, преступлениях против этикета яранги. И без конца льется ее цокотанье — ведь буква *ц* преобладает в женском говоре.

Дверная завеса поднимается, и снаружи влезает девочка лет пяти. Она деловито снимает обувь, выворачивает ее, очищает от снега над ачульхен, сбрасывает керкер и садится совсем голенькая между старшими. Молодая девушка, по-видимому сестра Тнелькута, сидит во внешней части яранги у костра и все время подает внутрь пищу. В промежутках между едой девочка забавляется, скатывает шарики из жира, рассматривает нас, раскрыв рот.

Последнее чаепитие кончено, внесен котел с бульоном, обитатели полога начинают раздеваться. Нам придется потесниться: в пологе ночует сегодня много народу. Счастье еще, что мы лежим вдоль стенки и можно вытянуться. Некоторые чукчи лежат скорчившись, прижавшись друг к дружке. Перед сном девочка подползает на четвереньках к котлу и, опустив внутрь свою головку, пьет бульон. Когда все улеглись, влезла в полог и девушка — хозяйка. Она в отличие от других, сняв керкер, надела на ночь узкие кожаные брюки — на тот случай, если ей придется выходить по хозяйству.

Уже с вечера Тнелькут сказал, что завтра мы не сможем выехать — будут колоть оленей на дорогу. Я просил продать нам мяса, у нас слишком мало продуктов для поездки. И для себя он тоже должен заготовить мясо.

Но в этот вечер появилась и другая причина отсрочки — Тнелькут серьезно заболел, он почувствовал сильные боли в желудке, от которых корчился и стонал. Вскоре Тнелькут ушел в другую, более свободную ярангу, и, когда я навестил его там, он не мог найти себе места от боли. Он показывал, как у него расширяется сердце, как что-то колет ножом в грудь и ломит глаза. Я долго сидел в недоумении: во время экспедиционных работ мне нередко приходилось лечить и своих сотрудников и местных жителей; но, не будучи врачом, я всегда очень беспокоился, каков будет результат лечения. Особенно трудно пришлось мне с диагнозом болезни Тнелькута. Что это за болезнь? Острое отравление, или аппендицит, или язва желудка, или еще что-нибудь? Дать ли опий или слабительное? Можно ухудшить его состояние и, не говоря уже о том, что он не в силах будет ехать, чукчи могут счесть меня опасным человеком, связанным с злыми духами, болезнь — предупреждением свыше, и в результате они откажутся везти нас дальше. Поэтому я в конце концов налил немного капель Иноземцева, в таком небольшом количестве совершенно безвредных и успокаивающих боли. Но, кажется, когда я ушел, женщины поспешили вылить мои капли и применили собственные средства.

Наутро я нахожу Тнелькута томным и слабым. Он лежит полуобнаженный и потный. Кажется, боли прошли, и он хочет завтра выехать.

Сегодняшнюю дневку мы используем для осмотра окружающих гор. Ковтун для зарисовки гор поднимается на соседнюю вершину, а я иду через долину Мильгувеем к утесам северного склона. До них километров восемь. Хотя снег шел после пурги целые сутки, но под ним твердый наст, и можно идти без лыж; нога погружается не больше чем на 15—20 см. Но когда я подхожу к другой стороне равнины, то начинаю раскаиваться, что я не взял с собой лыж: здесь вдоль реки растут кусты, возле которых нет наста, и иногда проваливаешься по пояс. Но делать нечего, приходится ползти по снегу вперед к утесам.

В кустах перепархивает куропатка, видны следы зайцев и леммингов, и даже в одном месте след горного барана, спустившегося в долину за кормом.

Правый берег реки вознаграждает меня за тяжелый путь. Впервые после долгого перерыва я вижу настоящие

утесы, а не осыпи. Утесы — большая редкость в этой части Чукотки. Морозное выветривание здесь так интенсивно, что скалы быстро распадаются на отдельные обломки, и за всю эту поездку на оленях я мог осмотреть не более десятка утесов.

Обратное возвращение скучнее. Яранги с расстояния в восемь километров кажутся маленькими точками на склоне горы, и так утомительно идти к ним, вытаскивая ноги из снега. Сильно дает себя чувствовать голод. Исключительно мясная пища для нас, привыкших к хлебу, каше, овощам, кажется недостаточной, живот как будто пустой, и к вечеру бываешь прожорлив, как волк. Поэтому дымок над ярангами заставляет меня мечтать о вкусном мясе, которое я получу после возвращения.

Сегодня нас ждет еще новое блюдо: вместе с сырым мясом подают сырой мозг из костей оленьих ног.

Это лучшее лакомство, и девушка (ее зовут Кергируль, сокращенное от Кергирультына, «щербинка») распределяет его между гостями — между нами и Эйчин.

Нам приходится здесь расстаться с частью нашего сахара, чтобы угостить девочку и старух. Теперь мы рассчитываем на мясо, которое даст Тнелькут, и продовольственный вопрос стоит не так остро. А затем надо поддерживать хорошие отношения с хозяйками. Один молодой колымчанин, много ездивший по чукотским стойбищам, кратко формулировал мне в 1930 г. основное правило своей дорожной практики: «Прежде всего угождай старухе. Она всегда поможет, починит платье, накормит. А молодой бабе нет расчета угождать».

Мы должны в особенности помнить это правило, потому что с нами отправится часть семьи Тнелькута. Он категорически отказался поехать так, как обычно я ездил в Якутии — с палаткой, налегке, только одному или

двум мужчинам. Это было совершенно неслыханно, невозможно для чукчи. Чукча может ехать только кочевьем, с семьей и ярангой или же на легковых нартах, без всякого груза, от одного стойбища до другого, в крайнем случае ночуя раз или два на снегу. А ехать одному за сотню километров с грузовыми нартами было невозможно: кто же согреет чай, сварит пищу, починит обувь, поставит ярангу? Все это женские обязанности. И вести караван также должны женщины. Ни у кого из народов Северо-Востока я не встречал таких пережитков в резком разграничении женских и мужских обязанностей и проистекающих отсюда множества осложнений в организации экспедиций.

Иногда мешали нашей работе и различные древние верования, касающиеся оленей, и тайное влияние шаманов, с чем нам пришлось еще столкнуться позже.

Утренние сборы на следующий день приводят меня в ужас. Снимаются сразу не одна яранга, а две, с маленькими детьми, со старухами. Неужели все они поедут с нами? Но Тнелькут успокаивает меня — его товарищ по стойбищу, бедный чукча, откочует со всем стадом в новое место, а с нами поедет только одна яранга. Мы поедем «акальпе̂» (быстро), как я требую, и через пять дней будем на озере. Это, конечно, большой успех — значит, мы будем проходить до 20 км в день. А обычная чукотская кочевка делает всего 7—10 км.

Чукчанки быстро снимают шкуры с яранги, разбирают ее остов, выбивают и складывают полог, грузят нарты. Мужчины в это время заняты ловлей оленей — опять тем же способом, при помощи чаата.

Тнелькут еще болен, во время ловли он часто ложится на нарту, но все же ловит чаатом оленей и тащит их к нартам.

В ГЛУБЬ ГОР С ЧУКОТСКОЙ КОЧЕВКОЙ

Кто знает, что за ужасный холод свирепствует
за границей?
Высокие горы, тянущиеся на громадное
Пространство, пески, покрытые вечным снегом;
Тресканье кожи и ломанье пальцев от холода
вещь обыкновенная.
Там даже летом носят собольи воротники.

Фань Шао-Куй,
Путешествие в Монголию, 1721.

Наш новый караван имеет вид настоящего чукотского кочевья. Впереди идет толстый мальчик лет шестнадцати; он показывает дорогу оленям, чтобы они шли прямо вперед. Мальчик веселый и краснощекий, одет хотя и скромно — в темные меха, но крепкие, не сношенные. Первой идет связка старухи Тегрине; с нами все же едет одна из старух. Ее олени, пара «ученых», как говорят чукчи, очень смирных, чуть ли не таких же старых, как и она сама, бредут с утомительной медленностью, не более трех километров в час.

Вторую связку нарт ведет девушка Кергируль. У нее только один упряжной олень, и она часто идет пешком. К этой связке привязаны и наши две нарты. За нартой Ковтуна крутится колесо одометра. Это колесо да внешний вид нашего груза только и отличают наш караван от настоящей чукотской кочевки.

Тнелькут, конечно, с караваном не поехал. Сначала он задержался, как всегда, сзади — попить чаю перед выездом, а потом обогнал нас в середине пути на своем легковом выезде. Он поедет вперед, чтобы выбрать место с хорошим кормом для ночевки, и там будет ждать нас. Такова обязанность мужчины при кочевке. Как я ни

просил Тнелькута дать мне отдельную легковую нарту, чтобы останавливаться у утесов и осматривать их, Тнелькут не согласился. Нет ученых оленей, а на упряжных — «моокор» — нельзя отъезжать от каравана. Они должны идти привязанными к передней нарте. Как при этих условиях я буду вести геологические исследования, не знаю!

Таким образом, Укукай обманул нас, и транспорт до самого озера будет грузовой, медленный, а на легковых нартах будут ехать только чукчи. Это обычная политика Укукая: он обещает русским все, что им хочется, и предоставляет делать чукчам то, что им хочется. Райисполком давно уже знает об этих уловках Укукая и его нежелании проводить активно нужные мероприятия, но пока нет никого в нацсовете, кто мог бы заменить его.

Сегодня нет ни утесов, ни осыпей, и можно мирно ехать в хвосте каравана. Идет снег, небо закрыто низкими облаками, горы плохо видны. Олени бредут, разбрасывая копытами пушистый свежий снег. Пока еще они не проваливаются, так как близко под верхним легким покровом лежит твердый наст.

Мы проходим в первый день только 15 км; Тнелькут выбрал место для ночлега на бугорке, на склоне горы. Его олени копытят снег; на своей нарте он привез несколько сухих кустиков, выкопанных по дороге в долине Малого Чауна.

Здесь они уже редки, а скоро и совсем кончатся. Тнелькут показывает женщинам места, где надо поставить связки нарт. На этом его обязанности кончаются — женщины поставят ярангу, повесят полог, разведут огонь, тогда он зайдет в полог и будет ждать, когда согреется чай.

Нам не придется больше пользоваться привилегией мужчин: Тнелькут, как только мы приезжаем, сообщает,

что он взял с собой маленький дорожный полог, в который с трудом поместятся они вчетвером, и поэтому нам нужно поставить палатку (по-чукотски «маневран»).

Это изгнание из чукотского рая, которому мы пять дней назад обрадовались бы, сегодня нас огорчило. Мы уже отвыкли от холодной палатки, от необходимости самим варить пищу, от залезания в холодный спальный мешок. Придется привыкать опять, и при этом в худших условиях — у нас тонкая палатка и только один маленький примус, который не в состоянии ее нагреть. Мы утешаем себя, что в палатке жить гораздо культурнее, чем в яранге. Мы сейчас согреем себе воды и вымоемся, впервые за пять дней. Затем сварим настоящий русский суп — с крупой. И, наконец, напьемся настоящего кофе. И никто не помешает нам заниматься.

Первая часть программы была выполнена с успехом, но заниматься нам не пришлось: когда в палатке 30° мороза и сидишь неподвижно, то руки мерзнут и писать невозможно. Гораздо легче писать на ходу, во время работы, когда кровообращение живее и все тело согрето.

Спали мы ничуть не хуже, чем в пологе,— спальные мешки были сухие и еще не пропитались влагой от дыхания.

На следующий день мы принимаем уже полное участие в жизни кочевки. После того как мы сложили свою палатку, мы укладываем груз на нарты и увязываем их. Еще вчера Тнелькут подвел меня за руку к нарте и показал, что это входит в наши обязанности. Он увязывает нарты с ярангой и пологом, осматривает сбрую.

Затем начинается ловля оленей. Чукотские олени гораздо более дикие, чем эвенские, и, чтобы их поймать, делают загородку из нарт. Для этого нарты ставятся в две дуги, образующие полукруг, открытый в одну сторону,

с узким проходом в другую. У каждой нарты поднят передний конец и прислонен к стоящей впереди нарте. Получается забор с торчащими вверх полозьями, через который не решается перепрыгнуть даже самый дикий олень. В середину загона кладутся для приманки куски снега с мочой, заготовленные ночью.

Затем мужчины — у нас один только Тнелькут — ловят чаатом наиболее диких оленей, которые могут увлечь за собой все стадо. Олень, почувствовав на рогах петлю, бешено бьется, Тнелькут его тащит, и видно, что силы хрипящего зверя и человека почти равны. Зная, что Тнелькут еще болен и слаб, я побежал к нему на помощь. Но он махнул рукой: по-видимому, я совершил большую бестактность — никто из его семьи не двинулся с места.

Наконец олень побежден, приведен в загон и привязан к нарте. Очередь следующего — он падает, не хочет идти, но его поднимают, ведут за рога. Олень страшно мотает головой, упирается, и остается удивляться, как больной Тнелькут справляется с ним. Поймав штук пять оленей, Тнелькут совершенно выбился из сил; его волосы покрыты инеем (он бегает, конечно, без шапки), лицо мокрое.

Теперь мы все окружаем оленей постепенно суживающимся полукругом и загоняем их в кольцо нарт. Тнелькут с мальчиком Тынельгетом заходят внутрь и, пробиваясь между коричневыми и белыми мохнатыми спинами, хватают нужных им оленей. А мы с женщинами стоим, растопырив руки, и мешаем оленям убежать. Так как вход в загон слишком широк, то с двух сторон протянуты жерди от яранги с навешанными на них яркими камлейками.

Оленей привязывают недоуздками к нартам и надевают на них шлеи. Как только операция эта кончена,

можно двигаться. Стоит потянуть за узду переднего оленя, и один за другим олени будут вытаскивать свою нарту из-под следующей. При этом олени надрываются, выдирая свою нарту, портится груз, но чукчи очень равнодушно тянут связку дальше. Обычно нам самим, заботясь о целости груза, приходилось становиться у нарт и приподнимать полозья каждой нарты, чтобы освободить стоящую под ней.

Обоз тронулся, мы вскакиваем на свои нарты. Тнелькут, как обычно, задерживается и возится с чем-то у своей упряжки.

Сегодня опять идет снег. Мы двигаемся по плоской долине Малого Чауна вдоль склона гор. Все затянуто низкими серыми тучами. В этой белесой мути кое-где на склонах чернеют полоски осыпей. Утесов нет: очевидно, придется осматривать осыпи. Я пробую остановить свою связку у одной из осыпей, но старуха Тегрине (ее имя значит «метательный дротик») тотчас начинает ворчать. Да я и сам понимаю, что, задерживая караван в пути, я тем самым уменьшаю дневной переход: мы пойдем все равно только до сумерек.

Остается единственный способ для геологической работы — отставать от каравана и потом догонять его пешком или даже бегом, как придется. Ковтун также принужден вести съемку на ходу, и вся наша научная работа во время поездки на озеро протекает в подобных утомительных условиях.

Нам приходится бежать за караваном без лыж: с ними неудобно сидеть на нартах, а часто снимать их отнимает много времени: они ведь крепко прикрепляются ремнями к ногам. Свежий снег еще неглубок, не более 15—20 см над настом, можно еще бежать по нему. По крайней мере, мы гарантированы, что у нас не замерзнут ноги. Караван идет очень медленно, но стоит отстать от

него, как он уходит далеко, и приходится очень и очень приналечь, чтобы догнать. К своей нарте прибегаешь запыхавшийся и мокрый.

Мальчик Тынельгет медленно и бесстрашно идет впереди, загребая ногами снег. За поясом на спине у него висит кожаный сосуд, имеющий форму митры. Время от времени он останавливается и угощает из этого «корачульхен» своей мочой оленей передней старухиной нарты. Это делается для того, чтобы они лучше слушались и хорошо шли за человеком. Олени, чуть только завидят, что он остановился, тотчас мчатся к нему.

Богораз так описывает процесс обучения ездовых оленей: «Намеченных для упряжки более красивых и статных телят начинают с раннего возраста приучать к моче, таская мимо них на длинном шнурке обледенелый корачульхен, для того чтобы теленок, заинтересовавшись новым предметом, начал играть с ним и привыкать к запаху и виду этого сосуда».

В этот день мы проходим 13 км, на третий день только 8: снег все падает и падает, олени начинают выбиваться из сил. Тнелькут все еще болен и настроен довольно мрачно. Он говорит, что до озера еще четыре дня и олени подохнут,— и опять он показывает, как олени вытягивают ноги, высовывают язык и закатывают глаза. Он решает уйти из долины притока, по которому мы шли последние два дня, в долину самого Малого Чауна — там должно быть меньше снега.

Мы лезем на перевал, оленям тяжело тащить нарты в гору; по чукотским правилам при подъеме на гору нельзя сидеть на нарте, и поэтому даже старуха слезает и бредет впереди своей нарты, держа оленей за поводок. Ей очень трудно идти; сделав несколько шагов, она останавливается и опирается руками о колени. Тем не менее она выдерживает до конца и храбро поднимается

даже на самые крутые перевалы, хотя пара ученых оленей, вероятно, свободно завезла бы ее наверх. Я благословляю эти подъемы: караван двигается за старухой так медленно, что я успеваю хорошо осмотреть соседние осыпи.

Старуха Тегрине очень трогательна своим точным соблюдением чукотских правил и желанием быть полезной в караване. По утрам перед выездом она сама обметает нарты от выпавшего за ночь снега, чтобы облегчить груз. Впоследствии я не видел, чтобы кто-нибудь из чукчей обметал снег с нарт, и они очень равнодушно смотрели на то, как я это делал, памятуя пример Тегрине. Костюм Тегрине также показывает, насколько она экономна: он не подобран из хороших темных шкур, как у молодых чукчанок, и не пестрый, как носят богатые старики, но сшит из старых кусков. На нем есть даже заплаты из шкуры взрослого оленя, так называемой «постели» — «айколь»,— в то время как вся одежда у чукчей шьется обычно из шкур молодого, полугодовалого оленя осеннего убоя — неблюя.

Благополучно переваливаем в долину Малого Чауна и ночуем в ущелье, сплошь почти занятом наледью.

Здесь есть еще жалкие кустики, и чукчи имеют дрова для костра. Но завтра кустов уже не будет.

Тнелькут немного повеселел: он выздоровел, здесь дорога легче, озеро «кит-кит чумче» (немного ближе). Но меня беспокоит новое обстоятельство — по-видимому, олень, которого закололи на дорогу, был больной, и большая часть людей мучается от страшного расстройства желудка. Возможно, что и первоначальная болезнь Тнелькута была вызвана именно неумеренным потреблением плохого мяса. Но чукчи относятся к этому равнодушно и продолжают уписывать оленину в сыром и вареном виде.

Мы чувствуем себя в нашей палатке не очень уютно. Первый восторг от возвращения к палаточной цивилизации прошел, да к тому же мыться оказалось и здесь очень трудно. Утром я просыпаюсь в шесть часов, зажигаю примус и начинаю сушить стельки. О том, чтобы просушить целиком короткие чукотские меховые сапоги, плекты, нельзя и думать: на сушку стелек над примусом уходит 40 минут. Поэтому мы ходим уже в мокрых, мерзлых плектах.

Затем ставится чайник со снегом; чтобы растопить снег и вскипятить воду, уходит полтора часа. После этого я бужу Ковтуна, мы пьем кофе, и наступает его очередь сушить стельки. Кофеем умываться нельзя, а согреть еще воду для мытья мы не успеваем; пора собираться и ехать, слышно, как чукчанки выбивают полог. Если бы мы имели мужество отказаться от кофе и пить чай, то мы могли бы им и умыться, но кофе слишком соблазнительно.

Затем мы складываем и выбиваем палатку, покрытую изнутри инеем, завязываем груз и двигаемся в путь. Целый день мы бредем по снегу и время от времени нагоняем караван бегом. В сумерки опять надо ставить палатку, разжигать примус и варить обед. Приходится ждать около двух часов, пока сварится суп. Это самое тяжелое время дня. Пока мы двигались, было тепло. Теперь, сидя в палатке, медленно покрывающейся инеем, мы постепенно замерзаем в своих кухлянках. Опять холодно рукам, и когда достаешь что-нибудь из ящика с посудой и продуктами, то концы пальцев тотчас обмораживаются. Температура совсем не так низка, всего лишь около 30° мороза, но наша одежда постепенно сыреет от дыхания и интенсивных испарений при беганье по снегу и перестает греть. Очень плохо с меховыми рубашками: они были сделаны в Москве из превосходной теплой тон-

кой экспортной овчины, но, очевидно, при выработке применялась соль.

Так же неприятны становятся и спальные мешки. Они пропитаны влагой от дыхания, просушить их негде, и вечером, когда их разворачиваешь, видишь смерзшийся ком меха.

Мы покидаем узкую мрачную долину с красно-черными осыпями липаритовых лав[1] и поднимаемся в область плоских, округленных гор. Тнелькут ведет нас на крутой перевал. Тегрине с большим трудом взбирается на гору, останавливаясь и тяжело дыша. Сверху открывается вид на юг и на запад, мы уже на поверхности Анадырского плато, всюду видны округлые вершины, конусы и плоские столовые горы, сложенные горизонтальными потоками лав. Где же озеро? Тнелькут показывает на юг — оно здесь, где-то «чумче». Дойдем ли сегодня? Неизвестно.

Спуск в другую долину. Это еще одна вершина Малого Чауна. Снова по глубокому снегу, опять в гору, опять перевал. Опять задыхается на подъеме Тегрине. Возле перевала — черные утесы горизонтально лежащих покровов лав. С перевала внезапно открывается озеро. Оно в круглой, замкнутой котловине, заполненной туманом. Зубчатые горы стеной окружают озеро со всех сторон. На перевале и на спуске к озеру крепкий снег с глубокими застругами, похожими на стаю дельфинов с головами, обращенными на север. Тнелькут был прав, здесь должны дуть сильные ветры с севера: воздух, поднявшись через перевал, бурно спускается в котловину озера и затем с огромной силой мчится на юг, через понижение в кольце гор.

---

[1] Липарит — излившаяся на поверхность лава, аналогичная по составу граниту.

ОЗЕРО В КРАТЕРЕ

То вдруг являлось передо мной озеро, мрачное, бесформенное, сливавшееся вдали с грядами облаков.

Эдгар По

Вот оно лежит перед нами, это озеро, цель мечтаний многих путешественников. Стоять на перевале над озером — это совсем не то, что летать над ним на самолете, как полтора года назад. Теперь я могу убедиться в его реальном существовании, взобраться на это кольцо гор, которое его окружает, пройти по льду. Его сходство с лунным кратером кажется мне еще разительнее, чем с самолета. Громадные размеры этого кратера — поперечник впадины достигает 17 км, а ширина озера 12 км — ставят его наравне с маленькими лунными кратерами. А происхождение их одинаковое — и там и тут вулканические извержения. Здесь взрыв вулканических газов прорвал горизонтальные покровы излившихся ранее лав и образовал в них круглый канал. Эта трубка взрыва, вероятно, заполнена продуктами раздробления лежащих глубже пород. Теперь дно ее занято озером.

С перевала мы не могли сначала отличить, где кончается низкий пьедестал гор, полого спускающихся к озеру с севера и запада, и где начинается лед озера. Как только мы спустились с перевала, Тнелькут решил стать у подножия горы, где он нашел под твердым снегом сносный корм. Но нам для астрономического пункта нужно было приметное место, и Ковтун выбрал плоский холм, поднимавшийся на низком пьедестале гор, полого спускавшемся к озеру. Мы спустились туда с частью каравана. Навстречу поднимались дельфиньи морды крепких

заструг; некоторые из них достигали более метра высоты. Толстый мальчик, который вел караван, двигался все медленнее и медленнее, ему не хотелось еще утомлять оленей для такой бессмысленной стоянки на холме, на камнях. Мне пришлось взять от него поводок, чтобы вести оленей туда, куда нам нужно было. Несколько минут он шел с надутым лицом, потом резко вырвал у меня из рук поводок: очевидно, я недостоин исполнять такое ответственное дело.

Сегодня, как говорят геодезисты, может быть, будет «ночь», т. е. ясное небо, и Ковтуну удастся произвести астрономические наблюдения. Поэтому, едва поставив палатку, мы начинаем подготовку к ночи. Надо поставить мачту, натянуть антенну, наладить радио для приема сигналов точного времени, установить и выверить инструмент. И, наконец, надо сварить обед. Мы едва справляемся со всем этим к наступлению темноты.

Ночь довольно скверная: звезды все время заволакиваются облаками. Ковтун успевает отнаблюдать очень мало звезд, погода портится, и он разрешает мне заснуть (я веду записи под его диктовку). Сам он остается еще дежурить, но скоро небо совершенно закрывается, и он тоже залезает в мешок.

Хотя для хорошего астропункта нужна целая ясная ночь, но мы не можем долго стоять здесь; утром приходит Тнелькут и говорит, что они изрубили на дрова одну нарту и собираются сегодня использовать несколько жердей от яранги. Здесь совершенно нет кустов. Летом еще удается кое-где найти мелкие кустики толщиной в карандаш, но сейчас их не отыщешь под снегом.

21 февраля на озере с утра лежит легкий туман. Я предпринимаю экскурсию через озеро на восточный берег. Пологий пьедестал гор (вернее, равнина), на краю которого мы стоим и который мы сначала принимали за

поверхность озера, очень широк. Только пройдя пять километров, я достигаю берега озера. Два плоских береговых вала, состоящих из неокатанных кусков липарита и туфа, окаймляют озеро. Лед гладкий, без торосов, только редкие тонкие трещины кое-где пересекают его ровную поверхность.

Интересно было бы дойти до середины озера, пробить лед и смерить глубину. Когда в 1933 г. я глядел на озеро сверху, с самолета, оно было темное, кобальтово-синее: значит, глубина его велика (как и должно быть у кратерного озера). Что таится под этим толстым льдом? Чукчи говорят, что здесь водятся большие рыбы.

Но у меня нет ни времени, ни нужных для исследования озера приборов. Этим займется когда-нибудь специальная экспедиция, которая сможет пробыть здесь десяток-другой дней.

Сегодня был зловещий восход — пять полос красных облаков, мрачная впадина, полная тумана, безмолвие этого страшного безлюдного места, настороженные морды мертвых дельфинов — заструг. Странное, жуткое место! Когда я буду писать роман о жизни на луне, я помещу своих героев в такой кратер. Особенно мрачно озеро ночью, когда черные зубцы гор чернеют на лунном небе, половина впадины в тени и белесая пелена тумана закрывает все ее дно.

Погода не сулит ничего хорошего. Барометр со вчерашнего вечера поднимается — значит, скоро будет ветер с севера. Так как мы перевалили через ветрораздельный гребень Чукотки, то ветер будет здесь дуть при повышении барометра, в то время как на северном склоне он дует при уменьшении давления. Наверно, уже вечером пурга будет рвать нашу палатку.

После прогулки по льду озера я взбираюсь на склон восточных гор. Так же, как и северная часть кольца, они

были сложены горизонтальными потоками разноцветных лав.

Я отдыхаю на одной из вершин и еще раз рассматриваю озеро. На юге виден единственный разрыв в этом непрерывном кольце гор: здесь вытекает небольшая р. Энмуваам. Дальше к югу местность мне хорошо знакома по полетам 1933 г. Я помню, что эта река извивается тонкой линией по нагорной равнине, покрытой лавами, и затем в желтом каньоне течет на восток, в р. Белую. Выход реки из озера стерегут две пирамидальные горы. Нигде не видно ни следа жизни, все холодно и мертво; только черные камни и белый снег и лед.

«Ночи» для Ковтуна сегодня нет. Как только я вернулся, начался северный ветер, сначала слабый, затем все сильнее и сильнее. Палатка начинает прогибаться все больше, мы подпираем ее изнутри лыжами и шестами, но северная стенка по-прежнему выгибается внутрь. Всю ночь трепещет палатка, и мы ждем, что вот-вот она обрушится на нас. Никаких астрономических наблюдений при таком ветре, достигающем 20 м в секунду, вести, конечно, нельзя. Да и небо закрыто низкими черными облаками. Только на короткое время в щель между этим черным покровом и черными зубцами гор выглянула луна.

Утром 22-го ветер продолжается. Оставаться здесь больше нельзя. Придется удовлетвориться наблюдениями первой ночи, дающими точность, достаточную для нашей карты.

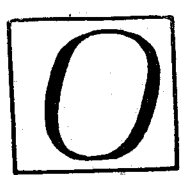
Складывать палатку в пургу не очень-то легко. Она рвется из рук, и никак нельзя ее свернуть по всем правилам. Но все повеселели — мы едем назад, уходим от этого страшного озера, где отмерзают носы и руки, где нет дров. Отдохнувшие олени бодро идут против ветра на перевал. И как только мы переваливаем и спускаемся в верховья Малого Чауна, тотчас стихает ветер, прекращается свист и вой поземки, легкий пушистый нетронутый снег лежит на насте.

Здесь, вероятно, на днях подует другой ветер, с юга, который будет с силой скатываться по этому северному склону. Но сейчас воздух тихонько взбирается отсюда на перевал, не тревожа даже легкую пелену свежего снега.

НАЗАД В ЧАУНСКУЮ КУЛЬТБАЗУ

Кто знает, что за границей встречаются двойные лишения?
При суровом холоде спят под открытым небом на земле и песке;
Не спрашивайте, что служит для них утренней и вечерней пищей —
Кусок сушеной баранины, да полчашки квашеного молока.

Фань Шао-Куй,
Путешествие в Монголию, 1721



братный путь совершается в быстром темпе. Мы идем прямой дорогой по правой вершине Чауна. Снег глубже и глубже. Ночью доходим до перевала на правый приток.

Глубокие снега на подъеме, и олени выбиваются из сил, падают, караван часто останавливается; мы поднимаем оленей, перегружаем груз с одной нарты на другую. Тегрине взволнована, ей кажется, что олени совсем погибнут. Тнелькут, как всегда, уехал вперед.

Только очень поздно, уже в полной темноте, мы взбираемся на перевал и находим Тнелькута на седловине —

здесь ночевка. Спуск на север очень крут. Когда мы шли на озеро, Тнелькут опасался, что олени не взберутся по глубокому снегу, и провел нас кругом, минуя этот перевал.

На другой день Тнелькут сводит нарты поодиночке, а мы с Ковтуном, навалившись на нарту грудью, тормозим ногами, бороздя снег.

Несмотря на снег и усталость оленей, обратный путь пройден в три дня. Последний день идем до поздней ночи. Все торопятся домой. И мы чувствуем, что тоже едем домой. Да и пора: наши спальные мешки совсем замерзли, вечером их трудно даже раскрыть. А когда залезешь в мешок, конечно, уже не раздеваясь, в меховых штанах и куртке, то чувствуешь, как постепенно покрываешься тонким слоем льда. Вся одежда отсырела от быстрой ходьбы, а в мешке, когда закроешься с головой, за ночь еще прибавляется сырости от дыхания.

Поэтому возвращение в ярангу Тнелькута, в теплый полог — для нас большая радость. Уже несколько дней как мы с Ковтуном предвкушаем это удовольствие, мечтаем, как мы разденемся, будем сидеть в тепле, руки не будут замерзать, нам подадут готовое вареное мясо, мы не будем складывать и выбивать палатку.

Первое, что мы делаем, попав в полог,— снимаем меховые сапоги, вывертываем их и выскребываем лед, который за эти дни накопился внутри. Чукчи глядят с сочувствием, они хорошо понимают, как опасно проводить целые дни на морозе со льдом в плектах.

У Тнелькута опять большое общество. Приехал Ятыргын, здесь опять обе старухи, молодая жена Тнелькута с ребенком, которая раньше была в другой яранге. Так как мы приехали ночью, то наши женщины ставят свой полог в той же яранге, рядом с другим пологом, и все общество собирается к ужину вместе.

Сладок отдых в родном доме, даже когда дом так прост и грязен. И чем он примитивнее, тем яснее чувствуешь, как важно иметь кров для защиты от суровой природы.

Следующий день мы проводим у Тнелькута, опять надо зарезать оленя и собраться к поездке в Чаунскую культбазу. После тяжелого путешествия к озеру женщины решают отдохнуть, и полог не снимается, несмотря на хорошую погоду. Обе старухи с утра стрекочут, и Тегрине продолжает длинный рассказ о поездке, который она начала вчера. Это очень подробный и красочный отчет, и я разбираю, что речь идет и о нас.

Днем, когда я возвращаюсь из экскурсии на соседнюю гору, старухи все еще сидят и разговаривают. Они достали себе угощение — на тарелке лежат какие-то темно-зеленые кубики. Я хочу попробовать, но старухи отговаривают: «Это наша еда» («мургин роолькаль»). Но я вижу, что это знаменитое «рилькэриль», которое описывают все путешественники XIX в.,— содержимое оленьего желудка, полупереваренный мох, и мне обязательно хочется его отведать. И я съедаю кусочек, но только один: когда он растаял во рту, у него был натуральный запах навоза. Рилькэриль (или «моняло» по-колымски) отцеживают через волосяное сито, густой остаток выбрасывают, а жидкую кашицу хранят. Обычно ее смешивают с кровью и жиром и все вместе варят. В горячем виде эту «опангу» едят, погружая в котел пальцы и потом облизывая их.

На Чукотке раньше было очень мало растительной пищи, и поэтому чукчи использовали скопившийся в желудке оленя запас хорошо перетертой зелени, которая так нужна для организма человека. Чукчи собирают в тундре и употребляют в пищу до 18 видов съедобных растений.

После двух ночей, проведенных в яранге Тнелькута, мы уехали к устью Чауна. На этот раз Тнелькут взял с собой только мальчика и Кергируль — он рассчитывал большей частью ночевать в попутных ярангах.

Мы направились по Чаунской равнине вдоль р. Мильгувеем. Места уже знакомые, мы надеемся, что скоро дойдем до рыбаков, но Тнелькут получил неприятную для нас «пыныль» (новость).

Обязанность каждого, приезжающего в гости, рассказать пыныль: кто где стоит, куда откочевал, одним словом, все события в тех ярангах, откуда он едет. Это очень важно, ибо иначе чукча, не любящий ночевать в тундре, не может рассчитать своих переездов. А имея пыныль, он знает, где глубокий снег, где выбит корм, где больны люди или олени.

Пыныль Тнелькута о рыбаках сообщает, что они откочевали ниже по реке. Сегодня мы не успеем дойти до них, и придется опять ночевать в тундре, в палатке. Мы было рассчитывали на полог Тнелькута (старухи ведь нет), но как раз подъехали два путника, один из них — товарищ Тнелькута по стойбищу, и полог опять набит до отказа.

Здесь много кустов по руслу Мильгувеем, но в палатке у нас все равно нет печки, и мы еще раз залезаем в мерзлые мешки.

26-го мы доходим до впадения р. Мильгувеем в Чаун, где стоят чукчи-рыболовы. Нас встречают в ярангах везде приветливо, и мы сами, и аэросани стали привычными для жителей Чаунской равнины. Вечер проводим в пологе Котыргына. Он при свете эека искусно мастерит крючки с мушками для ловли гольцов. Против яранг прорублены проруби, и весь день мужчины сидят возле них с удочками. Улов иногда бывает значителен — до 10—15 рыб на человека в день, а каждая рыба весит до

2 кг. Более крупные гольцы сюда, по-видимому, не поднимаются.

Поэтому мы едим сегодня деликатес — строганину из гольца. Строганина, мерзлая рыба, настроганная на тонкие стружки, вообще вкусна, а из гольца особенно. Затем нас угощают вареной рыбой, и верх роскоши — мороженым хлебом. В этом стойбище сейчас находится разъездной агент Чаунской фактории, и в обмен на пушнину он продает сахар, хлеб, табак. Наши запасы давно кончились, и хлеб после мясной диеты кажется очень вкусным.

Ночью Котыргын вдруг вскакивает и начинает петь. За ним вскакивает его жена и вторит ему. Через две-три минуты оба падают на шкуры и опять засыпают. Потом я узнал, что они оба — шаманы.

Среди чукчей в то время еще были профессиональные шаманы, и, кроме того, каждый хозяин умел шаманить частным образом, в маловажных случаях. В 1935 г. внешне шаманы уже не имели власти в тундре, но подпольное влияние их, о котором русским трудно догадаться, было еще сильно.

Непонятные для нас поступки чукчей объяснялись иногда этим влиянием шаманов.

Мы путешествуем по-прежнему — Тнелькут с утра остается пить чай и есть мороженое мясо, Кергируль ведет нас вперед, затем в середине дороги Тнелькут догоняет караван, осматривает, все ли в порядке, и уезжает к месту ночевки.

Сегодня мы проходим только 13 км, до стоянки другой половины членов той же рыболовной артели, пасущих здесь оленей. Три яранги среди равнины, рядом белые купола мерзлотных бугров, а вдали — знакомый силуэт большой горы Нейтлин, стоящей к западу от селения Чаун. Нам остается до него только 50 или 60 км.

Снег кругом истоптан оленями и людьми. Много детей, много проезжих — это последнее стойбище перед Чаунским селением. Тнелькут, как квартирмейстер, отводит нас в ярангу, где мы должны ночевать. Чтобы разместить всех, поставят еще запасной полог. Это делается быстро, и так же быстро полог нагревается, стоит в нем посидеть 15—20 минут. Мы уже не находим странным, что чужие люди встречают нас так ласково, уступают часть своей скудной еды и еще более скудной кубатуры своего жилища и принимают как почетных гостей. Понятно, что, приехав в русское поселение, чукча будет глубоко оскорблен, если в таких больших, теплых и сытых домах ему не найдется ни пристанища, ни пищи. И мы после этой поездки гордились, когда о нас чукчи говорили: «В Певеке только в доме экспедиции хорошо принимают — они совсем как чукчи».

В характере большинства чукчей есть тяжелые черты, но как хозяин дома чукча-оленевод большей частью очень приятен. Другое дело — быть работником и особенно работницей богатого кулака-оленевода. Мы видели иногда, как дифференцировались куски при раздаче — лучшее гостям первого сорта и хозяину, затем идут гости второго сорта, работники и последние — жена и работницы. Старая чукотская пословица говорит: «Раз ты женщина, ешь остатки».

Сегодня мы сидим в обществе двух очаровательных ребятишек, мальчиков двух-трех и пяти лет. Изумительно красив младший — странно видеть здесь такое точеное лицо, похожее на амуров итальянских художников, с тонко очерченными губами и правильным носиком. Они оба смотрят на нас с любопытством, черные глаза блестят в полутьме.

Перед сном мать кормит грудью старшего, он сосет ее, сидя рядом с ней, а младшему, чтобы он не соскучился в ожидании очереди, мать дала папироску. Он держит ее в растопыренных пальчиках с изящным жестом курящей дамы и время от времени неумело затягивается. Это зрелище совсем не исключительное: чукотские ребята начинают курить трубку очень рано, а мать кормит грудью очень долго — иногда лет до шести.

Этой ночью было жарко, в пологе набилось много народа, и когда я зажег ночью спичку, то увидел раскиданные меха и тесно прижатые одно к другому темные, блестящие тела. Ребенок поднял головку и удивленно посмотрел на меня.

Тнелькут решил оставить здесь свою ярангу и спутников, взять только хороших оленей, занять свежих в стойбище (у чукчей очень обычны эти формы взаимной помощи) и доехать в один день до Чаунского селения. Ведь по дороге негде ночевать — нет яранг. С нами поедет и хозяин той яранги, где мы ночевали, и поможет в пути.

Утро начинается поэтому вылавливанием десятка нужных оленей из всего здешнего стада. Оленей прогоняют взад и вперед, трое мужчин приседают на корточки, взвивается чаат — и большей частью летит мимо. Снова загоняются олени, снова свиваются кольца чаата, пока все десять быков не привязаны к нартам; Тнелькут и его друзья, мокрые и гордые, идут пить чай на дорогу.

Кергируль выглядывает из яранги и приветливо смеется на прощание. Она простоволосая, и темный красивый керкер широко раскрыт, несмотря на мороз. Ей, наверно, очень хочется попасть в столичный город Чаун, но что делать. «Раз ты женщина, то молчи»,— говорит чукотская мудрость. Но, кажется, время пробило уже значительную брешь в этой мудрости, если судить, например, по Эйчин.

Свежие олени идут хорошо, и несмотря на тяжелые

грузовые нарты, они иногда бегут рысцой. Я не раз уже уговаривал Тнелькута попробовать парную упряжку, принятую на западе у якутов и эвенков, и вести нарты одна за другой — особенно в глубоком снегу в горах. Но он, несмотря на свою практичность и действительно острый и быстрый ум, отказывается. «Наши олени дикие, их нельзя запрягать парой. И они не привыкли, чтобы шлея шла с левой стороны». И даже в легковых нартах, при парной запряжке, оба оленя несут шлею через правое плечо и мешают друг другу, переступая через постромки.

Я долго не мог понять причину такой упорной приверженности чукчей к старинной, явно неудобной запряжке, пока не нашел у путешественника Крашенинникова, изучавшего в XVIII в. Камчатку, указание на то, что коряки, народ родственный чукчам, при похоронах везут покойника на нарте и при этом «лямки таким оленям кладут на левые плечи, а не на правые, как сами ездят». Вероятно, и у чукчей, если не сохранился самый обычай, то крепко еще предубеждение против применения ритуальной похоронной запряжки для кочевки[1].

Равнина тянется до горизонта. Вдали белеет гора Нейтлин, и Тнелькут держит путь несколько вправо от нее, чтобы выйти к культбазе. Никто не попадается нам сегодня, кроме редких куропаток с красными бровями. Километр за километром уходят назад. Хорошо ехать с самим хозяином, который хочет поспеть к ночи в теплую избу!

Дни стали длиннее, но все же дня не хватает на этот длинный перегон. Вечерняя дымка закрывает горизонт, и Нейтлин становится все призрачнее. Серо-белые облака, кажется, ложатся на равнину. Мы уже давно вышли

---

[1] В собранных В. Богоразом материалах есть указания, что чукчи при похоронах раньше также запрягали оленей через левое плечо.

к полосе кустов русла самого Чауна и идем вдоль нее, чтобы не сбиться с дороги в этой равнине. Но скоро надо будет взять влево: Чаун здесь отклоняется на восток, и нам придется пересечь сеть проток вблизи его дельты.

Совсем темно. Мы спускаемся в большое русло, под снегом чувствуется лед. Наверно, это Пучевеем, большой левый приток Чауна. По нашим расчетам, культбаза должна быть на северо-северо-востоке. Мы прикидываем даже по компасу, куда нужно ехать.

В поведении Тнелькута с наступлением темноты замечается какая-то неуверенность: некоторое время он ведет караван с колебаниями то вправо, то влево, советуется с другим чукчей, потом останавливается и спрашивает, куда, по-нашему, надо ехать. Мы поражены, как громом: с таким вопросом обращаются к нам, русским, которых чукчи называют снисходительно «танечхын» в отличие от «настоящих людей» — «луораветлан», чукчей; спрашивают русских, которые, по мнению чукчей, совершенно непригодны для жизни в тундре. Но вопрос задается серьезно и исполнен доверия к компасу. Едем некоторое время по компасу. Но опять Тнелькут останавливается и говорит, что дальше ехать нельзя. Почему? — Не видно направления. Надо ночевать здесь, иначе будем плутать, не попадем в культбазу и заморозим оленей.

Этот вечер был завершением долгого спора, который начался у нас давно, еще в палатке у холмов Нгаунако, о том, обладают ли чукчи особым инстинктом, позволяющим им ориентироваться в тундре, или они находят дорогу по признакам вполне реальным, которыми можем пользоваться и мы. Ковтун был ярым защитником последнего положения, и он сегодня торжествует. Вспомните: сначала Ятыргын, который поручил нам вести караван в пургу, указав признаки, весьма простые и ясные, потом Тнелькут, который во время снегопада нашел до-

рогу в свои яранги, только упершись в склон знакомых холмов. Наконец, сегодня все время Тнелькут вел нас по ясным ориентирам, хорошо известным и нам, по горе Нейтлин и кустам Чауна, а потеряв их ночью, должен был сдаться. И несмотря на наши протесты — мы были всего в 10 км от культбазы и надеялись найти ее,— Тнелькут не захотел ехать дальше.

Когда мы распрягли и отпустили оленей (это «приличное» для мужчины занятие, и мы к нему приобщились с самого начала), Тнелькут энергично начал нам помогать ставить палатку. Оказалось, что, хотя он ни разу не принимал участия в постановке палатки, он очень хорошо все заметил и теперь помогал быстро и умело.

В этот вечер мы постарались отплатить чукчам за их гостеприимство, но из жалких остатков русских продуктов мы могли предложить им только коробку консервов и немножко сухарных крошек, пахнущих к тому же бензином после долгого пребывания в аэросанях. Местные блюда были представлены богаче — строганина и мороженое мясо. Наши спальные мешки, сделанные из двух отдельных легких мешков, вложенные один в другой, мы поровну разделили между всеми четырьмя, но один из гостей отнесся к ним скептически — он повертел мешок и, подложив его под голову, заснул на брезентовом полу палатки не раздеваясь. Тнелькут, как человек с пытливым умом, залез для опыта в мешок. Ночь теплая, градусов 20; и даже в наших мерзлых мешках тепло.

Несмотря на медленный темп нашей поездки к озеру, в назначенный срок, точно 1 марта утром, мы будем в Чаунском селении. До культбазы осталось два часа езды, не больше. Начинают попадаться признаки жилья: вехи, поставленные для указания направления, след чьих-то нарт. А вот сквозь утренний туман видно какое-то черное животное, быстро пробегающее вдалеке в тундре. Кажется, бык, отбившийся от стада. Но чукчи качают головой — что-то очень не похож этот зверь на оленя.

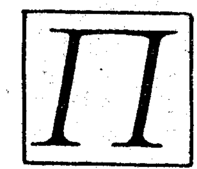
Немного спустя сзади слышится шум мотора, и по нашим следам показываются аэросани: это и есть таинственный бык из тумана. Наши механики, считая, что сегодня прошел срок, назначенный нами для поездки на оленях, отправились искать нас в тундру. Обнаружив место нашей стоянки, следы палатки и банку от консервов, они бросились вдогонку по следам и до того напугали оленей нашего каравана, что те сбились в кучу и опрокинули нарты с астрономическими инструментами. Нарты, которые мы так берегли всю дорогу от толчков и ударов!

Я отправляю Тнелькута на аэросанях, и сам доезжаю до селения на оленях. Мне хочется доставить Тнелькуту, которого я искренне полюбил за это время, не испытанное еще им удовольствие, прокатиться на «колё-ор-гоор».

НЕУЖЕЛИ НЕ УЕДЕМ!

Путешествие в тысячу верст начинается с одного шага.

Лао-Цзы (VII в.)



По программе работ нашей экспедиции после ознакомления с районом Чаунской губы предполагалось пройти на оленях 600 км на юго-запад, через хребты Анюйские и р. Малый Анюй и выйти на р. Большой Анюй; здесь весной построить лодку и сплыть до Нижне-Колымска. Эта поездка необходима была для

того, чтобы дать предварительные общие сведения о географии и геологическом строении большой области, в 1935 г. совершенно неизученной и очень интересной.

В декабре, во время своей поездки в тундру, председатель Чаунского райисполкома Тыкай и его русские спутники должны были, между прочим, по моей просьбе организовать также и транспорт для перевозки нашей экспедиции на Большой Анюй, приток Колымы. Приехав в западные стойбища Ильвунейского нацсовета, они созвали собрание чукчей и предложили им распределить между собой выполнение этой задачи.

Чукчи решили, что перевозку должен принять на себя кулак Теркенто, так как у него больше всего оленей — до трех тысяч, и он, прикочевав сюда недавно из Анадырского района, не выполнял еще никаких повинностей. Несмотря на щедрую плату, которая была обещана мною за транспорт, чукчи рассматривали эту работу как тяжелую повинность, так как поездка за пределы их обычных кочевок должна была надолго отвлечь оленей.

В Якутии, где я раньше работал, организация перехода оленьего каравана за 600 км представляла самое обычное дело, но, покочевав с чукчами, я понял, насколько для них такая поездка по новым и далеким местам тяжела и неприятна.

Но Теркенто, привезенный к Тыкаю из глубины хребтов, согласился дать оленей и сам назначил, что он хочет получить за транспорт. Плата эта, в том числе такие соблазнительные для чукчей вещи, как место чаю (т. е. 80 кирпичей) [1], два ящика плиточного табака, медные чайники и котлы,— все это было привезено нами в Чаун. К 1 марта олени должны были прийти в Чаун; сам Тыкай

[1] Место чаю — тюк кубической формы, плотно упакованный и обернутый расщепленными стеблями бамбука. Заключает 80 кирпичей черного чая, каждый весом в 1 кг.

перед отъездом из тундры проверил, что нарты уже отправлены.

Но, еще не доехав до культбазы, я получил пыныль, что далеко не все в порядке. Олени поданы очень сухие и не смогут довезти нас до Большого Анюя. В Чауне эти слухи подтвердились — те, кто видел оленей, отзывались о них очень плохо. Я поспешил вызвать работников Теркенто, приведших нарты. К вечеру явился один из них, парень низкого роста, с одутловатым лицом, по имени Лютом. Он заявил, что олени могут довезти нас только до гор (т. е. до окраины Чаунской впадины, не более 100 км), так как они очень слабы. И что еще неприятнее, Тыкай сговорился с Теркенто, что нас доставят до Уттувеем («Лесная река»), т. е. до Малого Анюя, который лежит гораздо ближе, чем Большой Анюй.

Очевидно, Тыкай не знал, что Большой Анюй называется по-чукотски Вильхвильвеем («Березовая река»), и перепутал реки. Мы и сами узнали чукотские названия этих рек, только поездив с чукчами. А в Певеке осенью мы могли сообщить исполкому только русские названия. Все исследования обоих Анюев велись до сих пор с Колымы, и в научной литературе не упоминались их чукотские названия.

Проводник Вео, который должен был приехать в Чаун также к 1 марта, еще не показывался, и пыныль сообщала, что он кочует где-то очень далеко. Необходимо было вмешательство исполкома, чтобы снова наладить дело,— и вмешательство быстрое, так как при медлительности чукотского транспорта переезд на Большой Анюй будет продолжаться не меньше двух месяцев.

Поэтому на следующий день, 2 марта, мы выехали на аэросанях в Певек. Теперь мы решили не ездить прямо через губу, так как на этом пути слишком много торосов, а обогнуть ее вдоль восточного берега.

Первая часть пути по тундре дельты Чауна и потом по морскому льду до мыса Турырыв отвратительна. Сани так сильно бьет о крепкие заструги и мелкие торосы, что кажется, от ударов сейчас развалится голова.

Мы обгоняем нарту с тремя чукчами: сегодня рано утром они выехали в Певек. Мохнатые собаки бегут мелкой рысцой. Путь в Певек на собаках совершается в лучшем случае за сутки — это очень хорошая скорость. В пургу и на плохих собаках едут иной раз и трое суток.

От утесов Турырыва Денисов ведет большие сани по льду к Млелину, а Яцыно на малых санях пробует найти более ровную дорогу кругом по тундре и береговому пляжу.

После оленей поездка на аэросанях захватывает, и хотя лицо все еще мерзнет (теперь теплее, чем в феврале, но днем все же 20° мороза), но начинаешь уже наслаждаться быстрой ездой.

Мы летим по узкой ровной береговой полоске пляжа, вдоль обрывов берега, и сани развивают скорость до семидесяти километров. Жутко и весело.

От мыса Млелин мы проходим опять по торосистому льду прямо к мысу Валькумей. Теперь остается только 15 км, через четверть часа мы и дома. Но как только мы заворачиваем за мыс, нас захватывает пурга: воздух скатывается с Певекской горы со страшной быстротой и метет. Море покрыто пеленой струящегося снега. Сквозь поземку не видно, где мы едем, не видно торосов и трещин.

Через несколько минут раздается зловещий треск. Аэросани соскочили с плоской небольшой льдины, и ее край ударил по тяжу, укрепляющему лыжу; удар так силен, что тяж вырвался, свободным концом ударил по винту и срезал оба конца последнего. Осмотрев повреждение, мы с Яцыно все же пытаемся добраться до дому.

Заводим опять мотор — в пургу это очень трудно — и пробуем двинуться. Но движущая сила винта сильно уменьшилась, и, пройдя несколько метров, сани останавливаются.

Вскоре показываются большие сани. Мы перегружаем в них важнейший груз и добираемся домой. К малым саням для смены винта придется вернуться, когда кончится пурга.

В Певеке обстановка была далеко не благоприятна для нашей экспедиции. На днях должен был начаться районный съезд, второй за время существования Чаунского района, и, конечно, исполком не мог командировать в тундру никого из своих руководящих работников. В конце концов было решено, что поедет Эттувий, бывший председатель Чаунского нацсовета, чукча энергичный и близкий к состоятельным оленеводам.

Когда организовали для нас транспорт на Анюй, то один из ильвунейских чукчей, богатый оленевод Ионле, сказал: «Если Теркенто не повезет, то я сам повезу». Теперь Эттувий и должен был добраться до Ионле, стоявшего в 100 км от Чауна, и предложить ему выполнить обещание.

Для аэросаней после двадцати дней отдыха наступила жаркая пора: они должны были почти ежедневно циркулировать между Чауном и Певеком. Сначала они отвезли в Чаун Эттувия и будущих членов нашей оленной экспедиции — Перетолчина и Курицына — вместе с необходимым грузом.

Обратным рейсом сани выполнили целый ряд работ для исполкома: привезли пять чукчей — делегатов на съезд, рыбу для певекских собак, оленье мясо (целых пять туш) для жителей Певека.

В следующий рейс отправились мы с Ковтуном, захватив остальной груз сначала на двух санях; вблизи

Певека с малыми санями опять случилась авария, и попытка пройти дальше на больших тоже потерпела фиаско — густой туман покрыл море, и даже накатанную за эти поездки аэросанную дорогу не было видно. Пришлось вернуться, и лишь на следующий день, 9 марта, мы все собрались в Чауне. Эттувия еще не было, но я послал за присланными Теркенто оленями, стоящими в нескольких километрах от культбазы, чтобы завтра выехать на них в сторону стойбища Ионле.

На другой день явился Укукай и сообщил, что вместо тридцати нарт, необходимых нам для людей и груза, Теркенто прислал только 14. Остальные заняты ярангой и имуществом пастухов, которые поедут с нами. Кроме того, он еще раз подтвердил, что олени совершенно истощены и даже на эти 14 нарт нельзя особенно полагаться. Проводник Вео также еще не являлся.

Таким образом, мы не можем даже двинуться из Чауна. Ближе чем за 100 км новых оленей не достать. Надо послать опять нарочного к окраине гор. Мне удается уговорить нацсовет, чтобы командировали Укукая на собаках к оленеводам.

Наутро опять неудача: собак в Чауне только две нарты, и сейчас они в разгоне. Приходится для Укукая взять оленей из стада Теркенто с риском, что они совсем выбьются из сил.

А между тем дни идут и идут, и скоро уже нельзя будет вообще ехать на Большой Анюй — остается слишком мало времени до таяния снега.

12-го в 10 часов утра наконец возвращается Эттувий и с ним Ионле. Это плотный, крепко сбитый человек средних лет, с тяжелым лбом, тупым коротким носом, с умными и хитрыми глазами. Он коротко острижен, но с обеих сторон головы висят маленькие черные косички. Ионле входит к нам в баню уверенно и тотчас забирается с ногами на постель. Он чувствует за собой силу своих двух тысяч оленей и свой вес — одного из самых богатых оленеводов тундры.

Все его дальнейшее поведение показало, что главная его цель — это охрана целости своего стада, своего влияния на окружающих бедняков и что все мероприятия Советской власти он оценивает именно с этой точки зрения.

Не вступая в открытый конфликт с райисполкомом, он старается за кулисами провести свою линию и парализовать те нововведения, которые он считает вредными для своего благосостояния.

Разговор с Ионле крайне неутешителен — он совсем не собирается везти нас на Большой Анюй. Подряжался Теркенто, а не он, дорога трудная, далеко, да и вообще поздно. Проводника нет, Вео кочует медленно, и неизвестно, когда прибудет.

Положение как будто безвыходное. Есть только один способ — сделать очную ставку Ионле с Тыкаем, которому он обещал обязательно организовать наш транспорт. И в полдень мы уже мчимся с Ионле и Эттувием на больших аэросанях в Певек. Теперь эта поездка отнимает у нас всего 3 ч. 40 м. и, когда сани в полном порядке и видимость хорошая, выполняется быстро и просто.

День длинный — скоро ведь равноденствие,— и при желании можно вернуться в тот же день обратно.

В Певек мы приезжаем как раз к открытию районного съезда. Это знаменательный день в жизни Чаунского района. Первый съезд был созван в самом начале организации Чаунского района, когда этот район был только что выделен и районные организации еще не успели развернуть свою работу. Сегодня чукчи, собравшиеся из самых отдаленных частей района, смогут подвергнуть оценке и критике работу районных организаций и наметить пути дальнейшей работы.

Круглый дом клуба набит битком. Все скамейки заняты людьми в мехах, с черными волосами и темными лицами. Они внимательно выслушивают речь председателя райисполкома Тыкая. Он хороший оратор — по лицам слушателей видно, что речь интересна и убедительна. Затем говорят русские — члены райкома и райисполкома и несколько чукчей — делегатов.

Только поздно вечером Тыкай мог переговорить с Ионле. Утром беседа была продолжена, я провел Ионле к Тыкаю, когда тот еще спал; в конце концов Ионле дал обещание доставить нас на Большой Анюй на своих оленях.

Я уже хорошо понимал тактику Ионле, его хитрую уклончивость, и мне это обещание показалось простой уверткой, чтобы отсрочить время и не вступать в открытый конфликт с райисполкомом. Поэтому я опять просил райисполком командировать со мной до стойбища Ионле ответственное лицо, которое бы добилось выполнения обещания. Но до окончания съезда нельзя было оторвать никого для поездки, и мне пришлось удовлетвориться категорическими заверениями, что на обещание Ионле можно положиться.

Тотчас, не теряя ни минуты, мы выехали на аэросанях обратно в Чаун. Ионле поездка на аэросанях очень понравилась, и, может быть, только ради нее он согласился ехать в Певек.

Но в Чауне поведение Ионле подтвердило мое подозрение, что он дал обещание Тыкаю, только чтобы отвязаться: когда я предложил ему взять часть продуктов, предназначенных для уплаты за транспорт, он внимательно осмотрел их, но взял только немного сахару и чаю на дорогу. Он, по-видимому, опасался связывать себя получением аванса. В тот же день он уехал к себе в горы.

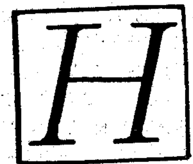
Снова неприятные дни ожидания в Чауне — когда же приедет Укукай с оленями? День, другой, третий, четвертый — и только 17-го приезжает Укукай. Он доволен — с ним 16 нарт хороших, жирных, как говорят на Севере, оленей. Но о Вео неприятные сведения: тот откочевал на север и не хочет ехать с нами. Какая-то злая рука систематически мешает нашей поездке.

И плохие олени Теркенто, и уклончивая тактика Ионле, и бегство Вео — все это звенья одной и той же цепи. Это влияние все еще сильной группы богатых кулаков-оленеводов, которые стараются проводить в тундре свою политику и помешать тем мероприятиям Советской власти, которые они считают для себя вредными. Наверно, и шаманы приложили здесь руку.

ВСЕ МЕДЛЕННЕЕ И МЕДЛЕННЕЕ

Месяц очень плохой — Ленеон, для скотины тяжелый,
Бойся его и жестоких морозов, которые почву
Твердою кроют корой под дыханием ветра Борея.

Гесиод
(VIII в. до н. э.)



Новая наша кочевка с чукчами (иначе как кочевкой нельзя назвать передвижение экспедиции в условиях Чукотки) грандиознее, чем предыдущая. Кроме 30 нарт для нас и груза, в караване еще до пятнадцати груженых нарт с имуществом чукчей — погонщиков оленей и шесть легковых нарт.

На этот раз после моего категорического требования мне также дали легковую нарту, и геологические исследования будут обеспечены лучше.

Наш караван растягивается на полкилометра. Впереди едет на легковой нарте один из работников Теркенто, обычно старший, Теулин («гребец»). Его брат Лютом большей частью ведет одну из связок.

Третий чукча, Лейвутегын, огромный детина большой физической силы, гонит стадо запасных оленей и самок, предназначенных на убой.

Чукчи для себя убивают очень часто самок, потому что их мясо жирнее и нежнее. Постановлением райисполкома запрещено колоть на продажу самок: в правильно ведущемся оленеводческом хозяйстве число самок должно значительно превышать число самцов.

Наше стадо, около пятидесяти голов, идет то параллельно с караваном, то позади, то сбоку, и свободные олени, врываясь в ряды нарт, пугают и путают упряжных. У нас очень разнородный состав каравана — олени Теркенто сильно истощены и везут плохо; олени, приведенные вчера Укукаем и принадлежащие ильвунейскому чукче Рольтыгыргыну, очень хорошие и идут бодро. Среди них есть и довольно дикие, особенно два-три молодых, которые запряжены в конце связок и везут жерди яранг. Эти жерди кладутся одним концом на маленькую короткую нарту, а другой конец в виде веера тащится по снегу. Так как этот груз не боится повреждений, то обычно в такую нарту запрягают необъезженных, молодых оленей. Когда к ним приближаешься, они храпят, поводят круглыми, красивыми коричневыми глазами с налитым кровью белком. К чукотским грузовым оленям вообще не рекомендуется подходить с левой стороны — они шарахаются и даже опрокидывают нарты: они привыкли, чтобы их запрягали подходя с правой стороны.

Зато легковые олени Теркенто совершенно смирные. Они измучены не только дорогой от гор в Чаун, но и постоянными разъездами в Чауне. Пока пастухи Теркенто стояли возле культбазы в ожидании нашего отправления, они все время ездили в гости, и в результате у легковых оленей торчат ребра и выступают углы таза. С таким караваном, где много слабых оленей, несмотря на то что груз на нарте не превышает 70 кг, мы будем двигаться медленно, и 15 км в сутки — предел мечтаний.

В первый день мы останавливаемся в равнине, даже не доходя до горы Нейтлин.

Теперь мы везем с собой печку и предполагаем, когда войдем в горы, топить ее кустами, если только чукчи будут становиться достаточно близко к кустам. Но сегодня мы стали на открытой равнине без всяких признаков кустов, а ночь предстоит холодная. У нас с собой есть немного дров, но я уговариваю своих спутников поберечь их на то время, когда спальные мешки отсыреют и их надо будет сушить. Поэтому, несмотря на ночной мороз в 39°, мы сидим в холодной палатке у маленького примуса; мы с Ковтуном с некоторым злорадством смотрим, как Перетолчин и Курицын, всю зиму прожившие в теплом доме, ежатся от холода.

Но наше положение теперь гораздо лучше, чем во время поездки к озеру. Воспользовавшись отсрочкой выезда, мы заготовили для всех рубашки из пыжика (весенний молодой олень) и настоящие северные «кукули» — спальные мешки из неблюя, молодого оленя осеннего убоя, вместо наших прежних холодных мешков из собаки и европейского, тонкошерстного волка. Поэтому мы с Ковтуном чувствуем себя как в раю и дразним своих спутников неженками и домоседами. Только с четвертой ночевки мы начали останавливаться на ночлег у зарослей кустов и могли хорошо протапливать палатку.

Мы двигаемся вперед с утомительной, устрашающей медленностью, и достижение Большого Анюя независимо от того, даст ли Ионле оленей, становится сомнительным. С каждым днем мы проходим все меньше и меньше. Четыре дня идем до р. Лелювеем, впадающей в Чаунскую губу западнее горы Нейтлин. Здесь стоянка для отдыха грузовых оленей, и усиленная работа для легковых, так как наши чукчи поедут в гости к чукче Лёлё, кочующему южнее в широкой долине реки.

Этот чукча — яркий пример того, как было трудно изменить быт чукчей. Лёлё был работником чукчи Котыргына (не того, у которого мы ночевали, а другого). Этот последний, по количеству оленей принадлежа к середнякам, тем не менее держал в своей власти всех окружающих чукчей и оказывал на них очень вредное влияние, проводя чисто кулацкую политику. По-видимому, он был также и тайным шаманом. В прошлом году между ним и Лёлё возник резкий конфликт — к работнику ушла вторая, молодая жена Котыргына, и Котыргын избил обоих. Дело было передано в Чаунский районный суд, который приговорил Котыргына к принудительным работам, а его стадо решил разделить между двумя его работниками, не получавшими много лет достаточного вознаграждения.

Котыргын был доставлен в Певек, где прожил всю зиму со своей старой женой, и работал по распиловке и доставке дров с берега в культбазу.

В мае 1935 г., соскучившись по тундре, он ушел с женой пешком в Чаун и далее к своему стаду. А его работники между тем отказались принять стадо и продолжали его пасти, считая его принадлежащим хозяину. Ввод во владение должен был произвести Укукай, как председатель нацсовета, и он вертелся между двух огней, боясь испортить свои отношения с чукчами и не решаясь настаивать на выполнении постановления суда.

Положение работников в чукотском стойбище не соответствовало положению их в классово более дифференцированном обществе.

Очень хорошо дореволюционный быт и общественное устройство чукчей описаны в монографии Богораза «Чукчи». По Богоразу, в стойбище, кроме хозяина стойбища — владельца большой части стада («человек из главного шатра», «силач», «переднедомный»), жили обычно еще «товарищи по стойбищу» или «заднедомные». Обычно эти товарищи или помощники — обедневшие чукчи, большей частью родственники, которые со своим маленьким стадом, в десяток-другой голов, присоединялись к стаду хозяина. Они должны были пасти стадо, и за это он выдавал им время от времени по своему усмотрению оленей на еду и иногда выделял некоторое количество европейских товаров, полученных в обмен на проданные шкуры оленей.

Никакого договора с работником не заключалось, и вознаграждение зависело исключительно от усмотрения хозяина и от оценки им работы. Поэтому, когда работники были не середняками (более независимыми, имеющими еще достаточно своих оленей), а бедняками, то хозяйственные соотношения выливались зачастую в настоящую беззастенчивую эксплуатацию. Работник получал мало пищи, вел со своей семьей полуголодное существование, ходил в вытертой одежде, которая почти уже не грела. На его долю доставались иногда и побои.

Еще хуже было положение бедняков, достигших последней стадии разорения и совсем не имевших оленей. Если они не смогли попасть в постоянные работники к какому-нибудь богачу, они скитались от одного стойбища к другому, жили из милости, тяжело работали и систематически голодали.

Лютом и Теулин, ехавшие с нами, были такими «то-

варищами по стойбищу» кулака Теркенто, но сохранили еще остатки независимости — несколько собственных оленей, которые сейчас остались в горах со стадами Теркенто. Хозяином этих оленей считался Лютом.

В нашем караване едут также жена и маленькая дочка старшего брата Теулина. Дочка сидит с матерью на нарте с очень серьезным видом; к этой же нарте привязана маленькая худенькая собачонка, жалкое воплощение могущественной силы, которая должна охранять нас от злых духов.

Каждое утро начинается обычной ловлей оленей. Но теперь нарт много, из них делается громадный полукруг, в него загоняется около сотни оленей. Мы все участвуем в этом важном деле: чем быстрее будет окончена запряжка, тем скорее мы двинемся. Даже маленькая девочка — ей всего года четыре — становится в ряд и замахивается на оленей ремнем. Одна лишь собака уныло сидит у своей нарты и старается спрятаться от многочисленных копыт, снующих мимо.

С каждым днем олени устают все больше и больше. Уже с середины дневного перегона начинают падать упряжные олени, их заменяют свежими из стада. Потом в стаде остаются лишь одни неприрученные мясные олени, и приходится брать оленей из легковых нарт, а сами нарты связывают попарно. Люди понемногу приучаются идти пешком.

Легковой выезд, на котором я рассчитывал разъезжать к отдаленным утесам, мне приходится вскоре бросить: два оленя не в силах везти меня даже по дороге, накатанной караваном, а мне надо отъезжать в стороны по свежему снегу. Раз, когда мы с Перетолчиным отважились на такую поездку, нам пришлось самим вынести оленя из снега. Да, совершенно серьезно, бедный олень увяз в глубоком снегу, и нам пришлось протоптать ему

дорогу, и потом на руках вытащить его на твердый наст. После этого мы тотчас же вернулись на дорогу, я взял лыжи и отправился вдоль утесов пешком. А пустая нарта с трудом дотащилась до стана.

Мы поднимаемся по широкой долине речки Нетпнейвеем к подножию горной цепи, отделяющей Чаунскую губу от бассейна р. Раучуван (или Большой Бараньей), впадающей в море западнее. Плоские холмы с обеих сторон покрыты блестящим белым покровом снега. Только отдельные черные утесы вдоль реки да узкая полоска кустов нарушают монотонную белизну. Даже животные здесь совсем белые: и куропатки, и зайцы, пока они сидят смирно, похожи на комочки снега. И только глаза и черные кончики ушей выдают зайца, когда он сидит между кустами и боязливо смотрит по сторонам.

Знаете, почему у полярного зайца черные кончики ушей? В юкагирской (одулской) сказке, записанной В. Иохельсоном на Колыме, рассказывается, как один коварный старик притворился мертвым. Старуха позвала зайцев на поминки, и когда доверчивые зверьки собрались вокруг покойника и дверь избы была заперта, старик вдруг вскочил и бросился ловить зайцев. Зайцы стали выпрыгивать через трубу камелька и при этом испачкали себе кончики ушей.

Курицын очень пристрастился к охоте, уходит далеко от каравана и постоянно приносит на обед куропаток или зайцев, которые подпускают человека близко, потому что чукчи очень мало охотятся за ними.

25 марта мы все еще двигаемся по долине той же речки Нетпнейвеем, но чукчи говорят, что до стойбища Ионле недалеко. Сегодня они опять уезжают на двух легковых нартах; здесь где-то к востоку близко стойбище Рольтыгыргына, старшего брата (с нами младший, а хозяин нашего стада, хромой чукча, посетив нас возле

Чауна, уехал вперед). И им обязательно надо съездить туда за каким-то делом. Обещая вернуться ночью, радостно уезжают через горы.

Но на следующее утро их еще нет, и в стане не видно никакого движения. Вероятно, это просто была уловка, чтобы дать оленям отдохнуть лишний день. Теулин и его жена спокойно сидят в своей яранге и на расспросы отвечают, что вряд ли сегодня удастся двинуться.

Только к вечеру с южных холмов скатываются нарты, и наши чукчи являются оживленные, довольные поездкой. Они выразительно рассказывают, что стойбище оказалось очень далеко и, подумайте только, пришлось ночевать на снегу. Это самое ужасное, что может сказать чукча о дороге. Но потом мы встретили Рольтыгыргына совсем недалеко, на той же речке, по которой мы шли, и перестали сочувствовать страданиям этой мифической ночевки.

Дневка мало помогла истощенным оленям Теркенто. Я с утра пошел на лыжах вдоль утесов другой стороны долины и мог видеть плачевное зрелище движения нашего каравана. Вскоре после выхода начали падать олени. Их отпрягали, запрягали новых, уставшие проходили несколько сотен метров и затем совсем обессилевшие ложились в снег. Скоро не хватило ни запасных, ни легковых; все люди уже привыкли идти пешком, и легковыми оленями пользовались для замены, но от них было мало толку; моя упряжка, например, сразу почти легла. Стали бросать одну за другой нарты с грузом. И с утесов было видно, как в разных местах стоят брошенные нарты и лежат группами уставшие олени.

Поэтому, когда в 11 км от ночлега нашли корм, тотчас же остановились. И это при крепком насте, лишь слегка прикрытом мягким снегом. Что же будет дальше, в горных долинах и в лесу на Малом и Большом Анюе, где снег рыхлый и глубокий?

На следующее утро пришлось прежде всего отправить за оставленными семью нартами лучших оленей Рольтыгыргына и потом двинуться дальше вверх по реке. Хотя стойбище Ионле, как говорят чукчи, и близко, но очевидно, силы оленей будут быстро падать, и неизвестно, сможем ли мы довезти груз. Некоторые олени из оставленных вчера вечером с трудом дошли до ночевки.

Печально я иду на лыжах вдоль утесов, поглядывая на тянущийся по другому берегу караван, и размышляю о будущей нашей судьбе. Если Ионле не захочет дать оленей, то мы не только не пойдем на Большой Анюй, но даже и назад сможем выбраться, лишь пригнав сюда за грузом аэросани.

Но не успели мы пройти и полутора километров, как вдруг с утеса мне навстречу спускается Укукай с каким-то мальчиком. Оба они идут на чукотских лыжах — так называемых вороньих лапках, похожих на теннисную ракетку, с решеткой из жил. На таких же, несколько бо́льших, индейских лыжах ходят в Канаде. На них нельзя скользить по снегу, но хорошо подниматься в гору или ходить и работать в густом лесу.

Несмотря на антипатию, которую мы все питали к Укукаю, я принял его почти за ангела-избавителя, спускающегося к нам с небес. Ведь он при нашем отъезде из Чауна был послан вперед, чтобы найти проводника Вео и затем проехать в стойбище Ионле и проверить подготовку нашего дальнейшего транспорта.

Я радостно приветствую Укукая и тороплюсь узнать от него новости. Он не особенно многословен. Вео откочевал далеко на север, по слухам, не хочет ехать с нами, и Укукай, проехав 400 км, не мог его догнать. Ездовые олени Ионле стоят всего в семи-восьми километрах, и сам хозяин приехал вчера с юга, издалека из гор, где у него отдельно пасутся остальные олени.

Второе известие меня несколько утешило. Но пройти 8 км с нашими оленями мы за один день не сможем, и я решил остаться здесь; пусть Ионле, раз он везет нас дальше, возьмет груз отсюда. Укукай может отправиться к Ионле и уговориться с ним, а наши олени пока отдохнут.

Часов в двенадцать дня ушел от нас Укукай, но тщетно мы ждали до вечера известий от него. Только на следующий день Лейвутегын, который также ходил к Ионле, вернулся с неприятным сообщением: Ионле категорически отказывается дать оленей и предлагает нам своими средствами добраться до его стойбища. Укукай, конечно, предпочел не возвращаться с такими новостями.

Что же делать; пришлось скрепя сердце собираться. Чтобы возможно облегчить передвижение, мы оставили здесь ярангу чукчей, их груз и даже шесть нарт из числа наших, но и это не помогло: все-таки несколько нарт пришлось бросить дорогой.

Как все эти дни, я шел пешком, вдоль утесов. В восьми километрах от ночевки я увидал вдали от речки, у склона гор левого берега, три яранги и большое стадо оленей. Еще две яранги стояли на холме, на правом берегу.

В кустах у речки возились две чукчанки и чукча — добывали дрова. Я решил подойти к ним и узнать новости — ведь мне также нужна пыныль, как и каждому чукче. Но представьте мое удивление, когда в дровосеке я узнал Ионле. Вместо какого-нибудь работника сам Ионле, богач, владелец двух тысяч оленей, добывает дрова для своей яранги.

Встретились мы по лучшим чукотским правилам — я сказал «я пришел» («тьетьяк»), а Ионле ответил «и». Но дальше, хотя я твердо знал, что никакие серьезные

разговоры сейчас недопустимы, что сейчас можно говорить только о пустяках, я все же не вытерпел и спросил: «Сколько у тебя здесь грузовых нарт?» — «Пятнадцать».— «Как, ведь ты говорил о тридцати?» Но тут я сразу прикусил язык и прекратил расспросы.

Оказалось, что ближайшие яранги на холме принадлежат Рольтыгыргыну и Укукай там. Мы с Ионле поднялись на холм — надо было узнать у Укукая хотя бы час решительного разговора, если он ничего не выяснил до сих пор.

Передняя яранга Рольтыгыргына была исключительна по своей величине — ее диаметр вместо обычных 5—7 метров достигал десяти или двенадцати. В ней одновременно ставились три полога. Сейчас пологи сушились на солнце после выбивания, и огромная яранга была пуста. В середине возле костра на шкурах сидели хозяин и Укукай.

Хромой Рольтыгыргын принял меня очень приветливо, предложил сесть на «постель» (шкуру), но Укукай едва ответил на приветствие и поспешил продолжить разговор, прерванный моим появлением.

Мне оставалось сесть, слушать трудно понятный рассказ о каком-то мелком происшествии или развлекаться чукотским учебником, который валялся рядом на шкуре. Этот учебник — след зимней поездки учительниц Абрамовой и Волокитиной, одна из которых обучала детей в этой яранге.

Улучив минуту, я спросил у Укукая (по-русски, конечно), будет ли наконец сегодня вечером разговор о дальнейшей поездке. Он буркнул нетерпеливо, отвернув лицо в сторону, «вечером поговорим».

Очевидно, дело наше плохо, Укукай знает что-то плохое и не хочет сообщать это от своего имени — пусть вечером Ионле сам сформулирует отказ.

Свежий чайник был повешен на костер, но я не имел силы сидеть дольше. Мне не терпелось дойти скорее до яранг Ионле, посмотреть, как дотащился наш караван, сколько у Ионле нарт и каковы на вид его олени. Поэтому, сказав универсальное «тагам», которое в русско-чукотском жаргоне употребляется для всех форм и способов движения и заменяет чуть ли не все времена глагола, я скатился на лыжах с холма и отправился на ту сторону.

Яранги Ионле стояли на пологом склоне, сплошь утоптанном оленями. Возле них уже разместились мои спутники и ставили палатку. Кроме наших нарт, много пустых нарт, частью связанных попарно и, следовательно, привезенных недавно, стояли между ярангами. Олени паслись высоко на горе, на взгляд их было не меньше четырехсот: как я знал, у Ионле должно быть свыше сотни упряжных оленей.

КОЧУЕМ С ИОНЛЕ

Сто следов бегут по снегу разом.

В. Саянов

Стойбище Ионле сегодня очень оживлено — кроме нас, сюда съехалось до десятка чукчей Ильвунейского нацсовета, и во всех ярангах сидят гости. Легкий ужин, который предлагает Ионле гостям во внешней части своей передней яранги, собирает человек пятнадцать. Чай и толченое мороженое мясо, медленный и полный достоинства обмен реплик и никаких разговоров о поездке. Мы терпеливо выжидаем течение событий

и лишь у себя в палатке отводим душу. Наконец к вечеру приходит Укукай и приглашает на собрание: Ионле решил отказаться не лично, а опереться на общественное мнение.

В собрании будут участвовать главным образом чукчи, так или иначе зависящие от Ионле, связанные с ним хозяйственными отношениями, и они постановят то, что он хочет. Он скроется за другими и не пойдет на открытый конфликт с райисполкомом.

В начале заседания Ионле произнес большую речь, в которой указал множество причин, препятствующих поездке на Большой Анюй.

По его словам, поездка эта совершенно невозможна: на нее надо не меньше четырех месяцев, по дороге нет корма, лежат большие снега, мы будем идти по два-три километра в день и застрянем в горах, когда начнется таяние; и у него нет ни упряжных оленей в достаточном количестве, ни нарт, ни работников-каюров.

Остальные чукчи поддерживают Ионле и даже стараются сгустить мрачные краски. Тщетно я пытаюсь убедить собравшихся в необходимости поездки, указываю на его государственное значение, рассказываю о тех ценных товарах, которые я дам в уплату за транспорт,— ничто не помогает. Да и Укукай не старается перевести как следует мои слова — ясно, что он также заодно с Ионле.

Несмотря на то что большинство фактов, приводившихся Ионле в доказательство невозможности поездки, были ложны (как мы убедились впоследствии), собрание постановило, что оленей для нашего транспорта на Большой Анюй дать нельзя.

Было совершенно ясно, что это решено не теперь, а с самого начала — богатые чукчи не хотели везти нас даже и на Малый Анюй. И Теркенто просто выполнял

общую волю, посылая негодных для перевозки оленей, и Вео согласно с этим решением избегал нас, и вся политика Ионле сводилась к оттяжке решительного ответа,— чтобы окончательно отказаться лишь здесь, в глубине гор, где мы будем уже не в силах прибегнуть к помощи районных властей и где само время, растраченное на поиски оленей, будет против нас.

Укукай, конечно, выполнял то, что решили кулаки. И его погоня за Вео, которую он мне ярко описывал, свелась, наверно, к сидению в ближайших ярангах, потому что он заранее хорошо знал, что на Большой Анюй нас не повезут. Вео потом, после нашего отъезда, явился в Чаун и с хорошо разыгранной наивностью удивлялся, что не застал нас там.

Вероятно, здесь не без влияния шаманов — весьма возможно, что на нашу поездку был наложен запрет, как на опасную для благосостояния стад. Ведь, например, в 1935 г. все еще почти невозможно было купить у чукчей живых оленей для организации транспорта для факторий или для устройства совхоза. Продажа оленей считалась очень опасной для стада и запрещалась шаманами. Единственный случай продажи большой партии живых оленей (более тысячи голов) — на Аляску, который имел место в начале этого столетия, по мнению чукчей, принес большое несчастье владельцам и погубил их стада.

Грустно удалились мы в свою палатку. Хотя уже давно мы ожидали такого конца, но все же у нас таилась небольшая надежда, что Ионле честно выполнит свои обещания.

Но нет худа без добра. Наши исследования Чаунского района показали, что он представляет большой интерес в отношении полезных ископаемых; поэтому следует изучить его гораздо подробнее, чем предполагалось по

плану. Мы можем использовать время, освободившееся от поездки на Большой Анюй, для систематического изучения района Чаунской губы, для его детальной съемки. При этом мы можем широко воспользоваться аэросанями: их работа в марте показала, как много можно на них сделать в более теплые месяцы.

Теперь предстояла задача — вернуться отсюда скорее в Чаун и вызвать аэросани из Певека. Я ожидал, что встречу сильное сопротивление, но, к моему удивлению, Ионле тотчас же согласился доставить нас на своих оленях в Чаун. По-видимому, он считал, что опасно оставлять нас здесь, в центре кочевок. В помощь нам придут аэросани, приедут районные власти, и кто знает, что будет дальше. Воспользовавшись этим, я потребовал легкие нарты с проводником для разъездов здесь — раз мы забрались так далеко в горы, надо было изучить склон западной цепи, отделяющей нас от р. Раучуван. А за это время Ковтун определит здесь астропункт.

Через день мы откочевали в долину реки, к выбранному нами для астропункта месту. И откуда только у Ионле взялось множество крепких нарт — больше даже, чем нам было нужно. А когда пригнали оленей, среди них оказалось не менее ста пятидесяти громадных, упитанных, крепких упряжных быков, которые заполнили загон лесом рогов. Приятно было видеть — после наших измученных животных — этих храпящих, отбивающихся, поводящих налитыми кровью глазами здоровенных животных.

В Ионле виден был хороший хозяин — олени были отборного качества, нарты не сломаны, упряжь из крепких, толстых ремней.

И сам Ионле не сидел сложа руки, а ловил и запрягал оленей, и, наконец, сам поднимал нарты при старте, чтобы олени не портили себе плечи.

Мы откочевали обратно к тому месту, где были оставлены нарты; здесь возвышался приметный утес, к которому можно было «привязать» астрономический пункт, чтобы будущие исследователи могли легко найти его и воспользоваться им для своих топографических съемок.

Здесь стан наш расположился в установленном чукотскими обычаями порядке: впереди стояла яранга Ионле, затем — яранга матери его жены и наконец — яранга работников. Мы случайно поставили свою палатку перед ярангой Ионле — и не знаю, не нарушили ли правил чукотской вежливости. Обычно чукча, присоединявшийся к стойбищу, спрашивал согласие переднедомного, хозяина стойбища, и ставил свою ярангу позади.

Рядом на склоне густые заросли кустов ольхи, и из всех трех яранг подымается дым. У Ионле едят неплохо. Особенно много мяса истребляется, конечно, в передней яранге. Здесь спят дольше и огонь разжигают значительно позже, чем в задних ярангах.

Мы тоже купили себе мяса у Рольтыгыргына. Как полагается, туша была положена в содранную шкуру, туда же налита вытекшая кровь. Ионле любезно предложил услуги своей жены, чтобы разрезать тушу, пока последняя не замерзла (на обязанности мужчины лежит только заколоть оленя, а разделка туши — дело женщин). И чукчанка с удивительным искусством расчленила всего оленя по суставам: у чукчей не дробят костей топором, как у нас, и поэтому в вареном мясе никогда не наткнешься на острые обломки костей. Через полчаса куски мяса были аккуратно разложены на шкуре, а кровь, горло и внутренности пошли в хозяйство Ионле.

Для разъездов мне и Ковтуну дали сильных оленей, которые не боялись идти по цельному снегу, и на них мы смогли проехать и к горной цепи на запад, и к двуглавому гранитному массиву Нейтпней на север, с которого нам открылся замечательный вид на горную страну. С высоты 900 м белые равнины и горы были безжизненны — вблизи, кроме яранг на нашей речке, нет ни людей, ни оленей. Только иногда пробежит пугливый заяц или песец.

Укукай уехал с Курицыным вперед в Чаун на легковых нартах. Курицын должен проехать на собаках в Певек и привести в Чаун к нашему приезду аэросани, чтобы мы могли тотчас начать маршруты.

Укукай перед отъездом оставил нам приятное наследство — молодого чукчу, которого за воровство оленеводы изгоняют из тундры. Его надо доставить в Певек в распоряжение районных властей. И Укукай не нашел ничего лучшего, как присоединить его к нашему каравану. В первый же день я застал его среди бела дня на одной из наших нарт, с рукой, запущенной в мешок с сухарями. Развязанный мешок он искусно прикрыл своим телом и делал вид, будто осматривает сбрую.

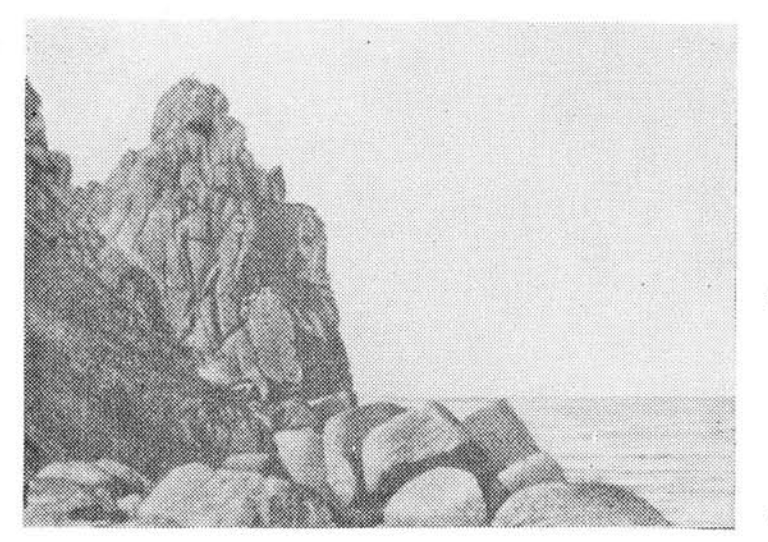
Ионле относится к нему по-хозяйственному, использовал его, как пастуха, и вместе с тем предупредил меня, чтобы я смотрел и днем и ночью за грузом, так как «туркляуль» (молодой человек) очень ловок. Ионле даже показал мне, как нужно подкладывать прутик под завязки мешков с продуктами, чтобы узнать, развязывал ли кто-нибудь мешок. И еще он собственноручно нарисовал мне, как туркляуль днем ворует продукты из нарт на ходу и ночью из стоящих, распряженных нарт. Рисунок этот мог служить, по мнению Ионле, как документ в суде, как свидетельское показание с его стороны.

3 апреля мы выступаем в обратный путь. Темп передвижения уже совсем другой. Вместо двенадцати дней, которые заняла дорога сюда, мы доходим обратно в шесть дней. Караван производит внушительное впечат-

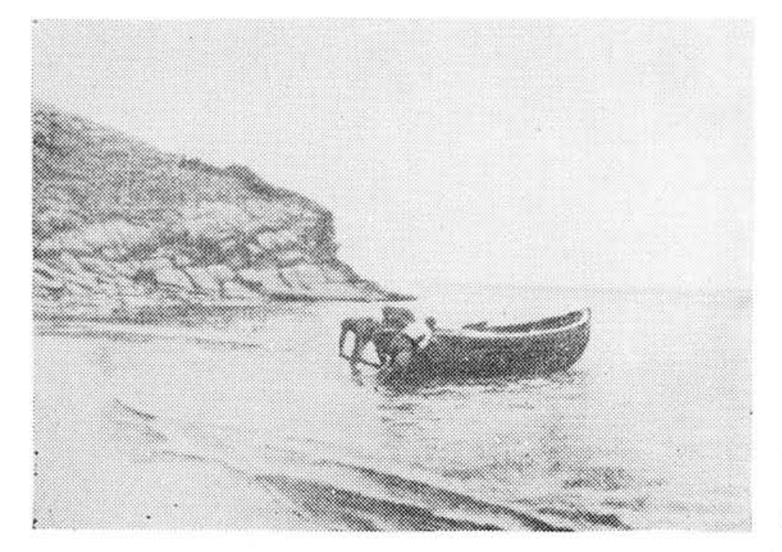
ление: сорок нарт под нашим грузом, двадцать у Ионле, стадо запасных оленей. И это у человека, который клялся, что у него нет ни нарт, ни упряжных оленей больше чем на 15 упряжек!

Олени бодрые, крепкие, ни один из них не падает на перегоне — наоборот, они норовят выкинуть какую-нибудь штуку. Например, на подъеме с р. Лелювеем одной связке из десяти нарт пришла фантазия удрать в тундру, и вот вся связка мчится, сгибается в кольцо, за ней другие; и целый час мы с чукчанками бегаем по снегу, ловим разорванные звенья, подкрадываемся к оленям, чтобы накинуть на них ремень. Сам Ионле, конечно, не едет с караваном. Он где-то впереди на паре своих крупных эвенских (ламутских) оленей. Эвенкийские (тунгусские) и эвенские олени гораздо крупнее и сильнее чукотских, и чукчи охотно покупают их для улучшения своих стад; легковая упряжка таких оленей ценится у них, как пара премированных рысаков в Европе. Это гордость хозяина, и он не устает ими хвастаться. Чукчи большие любители быстрой езды и бегов, и нередко в тундре организуются оленьи бега, для которых хозяин стойбища выставляет несколько призов.

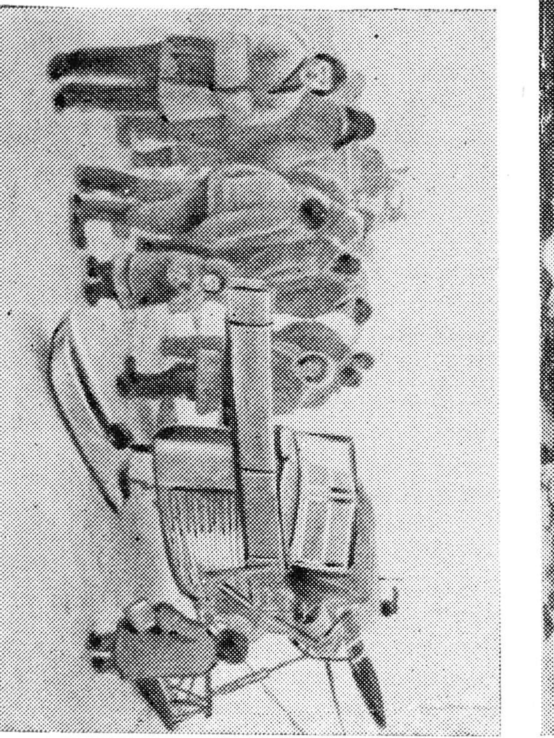
Кроме молодого вора, с нами едет Лейвутегын, вступивший в какие-то неизвестные мне деловые отношения с Ионле, две работницы Ионле, его жена и мать жены. Ионле имеет двух жен — одна живет вместе с основным стадом на юге, а эта, кочующая с упряжными оленями, бывшая жена его старшего брата, которую он взял вместе с детьми после смерти последнего. У многих чукчей сохранялся в то время еще обычай левирата, распространенный у ряда народов: после смерти одного из братьев жена его переходит к следующему по старшинству брату. Имя этой жены — Тненеут («женщина рассвета») соответствует ее наружности — это видная, с яркими



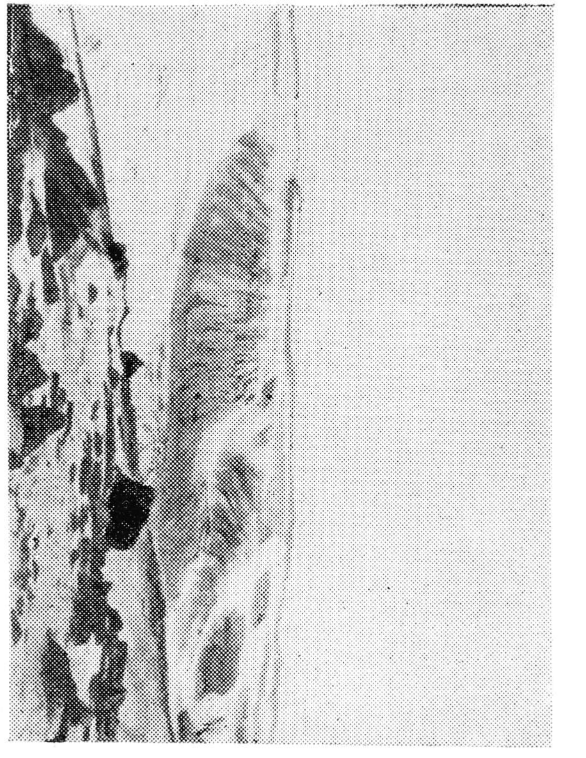
Утесы полуострова Певек.



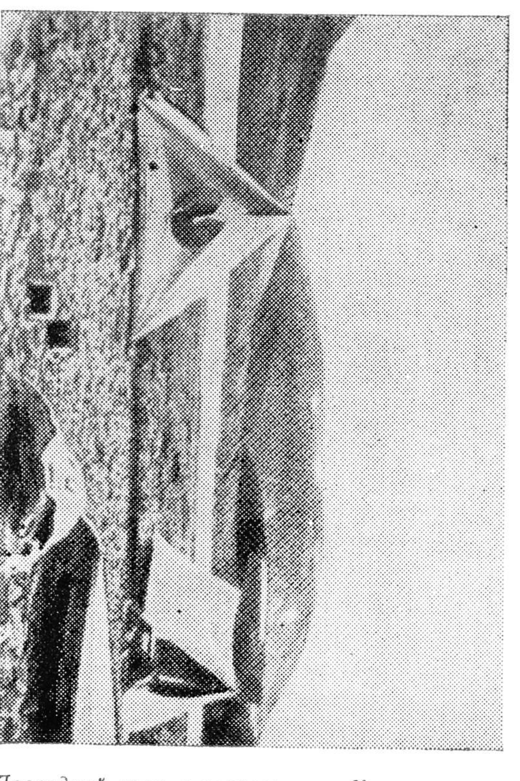
Спокойная гавань у мыса Турырыв.



Доставка досок для лодки в Чаунскую культбазу.

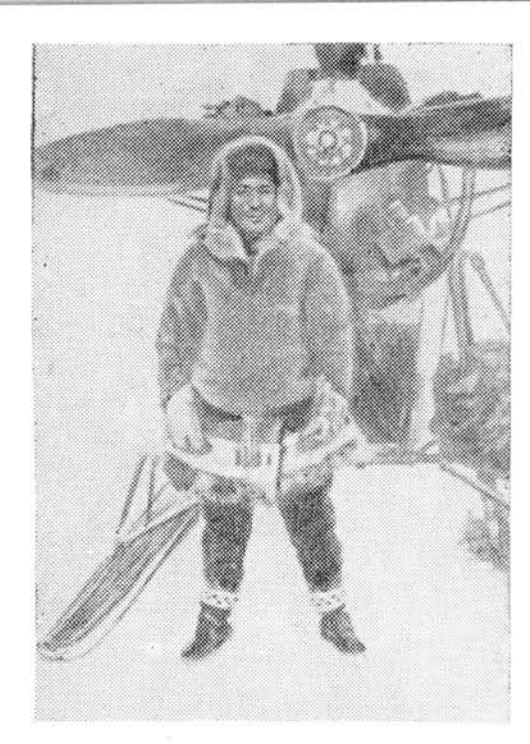


Обрыв базальтового покрова. Анадырское плато.



Последний стан в верховьях р. Уваткын.

Река Уваткын. Утесы порфирита.



Председатель Чаунского райисполкома Тыкай (фото А. Денисова).

Девушка — работница Ионле.

красками женщина. Ее керкер превосходен, и Эйчин, наверно, позавидовала бы блестящим пуговицам в ее косах.

Тненеут держится очень независимо и властно распоряжается в яранге. Единственный, кто позволяет себе ворчать на нее (кроме главы семьи, конечно),— это мать ее, Аатчак. Эта старуха, роскошно — по здешним понятиям — одетая в белый керкер, постоянно ворчит и делает выговоры всем. Особенно достается двум работницам, молодым девушкам с неправильными, грубыми, но забавными личиками. Когда старухи нет близко, они смеются и шалят. Ворот потрепанного керкера широко раскрыт, холодный ветер свободно скользит по худенькому телу, но им весело ехать по весеннему снегу, согретому солнцем.

У них есть еще братья, кажется два, которые остались пасти стадо Ионле.

По ночам еще холодно, 30° мороза, иногда даже 36°, но днем солнце начинает пригревать. Бодрое движение каравана и теплое солнце приводит всех в хорошее настроение. Ионле каждый вечер приходит к нам пообедать — слегка закусить перед своей основательной едой; у нас нередко ведь бывают куропатки или зайцы, которых в меню его яранги нет.

Ионле очень веселый и оживленный собеседник. Он любит рассказать анекдот — насколько я могу понять при моем скудном чукотском словаре,— изобразить, как разговаривает русский или эвенк, благодушно посидеть у печки после обеда. Внешне наши отношения очень хороши, но, несомненно, Ионле ожидает всяких бед, которые должны посыпаться на него за такой мастерски произведенный саботаж. Об этом говорит труп его заколотой собаки, которую я увидел на первом стойбище после перекочевки к астропункту. Она была принесена в жертву злым духам, которых надо было умилостивить.

Кроме Ионле, к нашим обедам или утреннему кофе приходит другой полноправный мужчина — Лейвутегын («ходящий до конца»). Он нам нравится своей положительностью, спокойствием, большой физической силой, легкостью, с которой он работает.

Так движемся мы по белым равнинам, оставляя за собой широкую полосу снега, распаханного нартами и оленями. Быстро проходят знакомые места, опять встречаются знакомые чукчи, они заезжают к Ионле узнать последние новости об интересных событиях, в которых он был главным действующим лицом. И несмотря на то, что целые сутки мы стоим из-за пурги у горы Нейтлин, все же днем 8 апреля мы входим в Чаунское селение. А через полчаса раздается веселый треск мотора — и с севера подъезжают двое аэросаней с нашими механиками.

В ВЕРХОВЬЯХ ПУЧЕВЕЕМ У ТЕРКЕНТО

Это ветер, весна и стремительный март,
Это звезды со мной заодно.

С. О.

С каким удовольствием в начале февраля мы оставили аэросани и поехали с чукчами, и с какой радостью мы теперь вернулись от оленей к аэросаням. За два месяца, вернее за сорок дней, темпы чукотского передвижения совершенно замучили нас. А теперь — подумать только — мы сможем проезжать сто километров за три часа вместо двенадцати дней! Не надо будет загонять оленей в полукруг нарт, бегать за караваном. Можно подъехать к любому утесу, даже если он

расположен за 15 км в стороне. Стоит только сказать: «Толя, подверните направо к горке»,— и через четверть часа я слезаю у скалы.

Мы уже забыли о тех неприятностях, которые нам причиняли аэросани; теперь условия поездки совсем другие: днем совсем тепло, можно останавливаться где угодно, а ночей почти нет — они быстро сокращаются.

Программа наших работ теперь такова: пройти в глубь Северного Анюйского хребта, пересечь его в двух или трех местах и, если возможно, перевалить через него в долину Малого Анюя. При этом мы хорошо выясним строение хребта, заснимем его на карту. Затем надо заняться исследованием Анадырского плато, для чего мы постараемся пройти возможно дальше на юго-восток, в бассейн Анадыря.

На следующий день мы прощаемся с Чауном и выезжаем на юго-запад вверх по р. Пучевеем, большому притоку Чауна, начинающемуся в Северном Анюйском хребте. Нам опять нужно пересечь огромную Чаунскую впадину, чтобы подойти к подножию хребта.

Сначала снег крепкий и сани быстро стучат по застругам. Но когда мы уходим километров за сорок от берега, снег становится рыхлее и глубже, лыжа погружается целиком, и иногда только передний конец ее высовывается над поверхностью. Пухлый снег быстро режется лыжей, проваливается вниз, и за нами остаются три глубоких лыжных следа. На поверхности снега кое-где видны маленькие дырочки — это лемминг, копытная мышь, прокопал свои ходы вниз к земле. Часто возле этих норок — следы песцов. Видно, как хищник прыгал в погоне за маленьким зверьком и раскапывал его ходы. Иногда и сам лемминг мелькает черным тельцем по снегу. А раз даже один лемминг не успел убежать от аэросаней и встал на задние лапки, подняв передние с умоляющим

видом навстречу саням. Но громадная лыжа наехала на него и втоптала в снег. Что с ним было дальше, мы так и не знаем. Остался ли он жив, или погиб, сделавшись первой жертвой механического транспорта на Чукотке?

Песцов мы нередко видали весной и пробовали гнаться за ними на аэросанях, но так как нам с ними было не по пути, они обычно убегали в сторону; приходилось скоро бросать погоню, хотя было ясно, что песец уже сдает.

Наши двое саней идут друг да дружкой — впереди я с Яцыно на малых, более легких санях, сзади большие сани с Денисовым и Ковтуном. Теперь мы едем, наконец, без Укукая, мы хорошо знаем Чаунскую равнину и сами найдем те реки, которые нам нужны.

У подножия гор, там, где черная полоса кустов вдоль долины р. Пучевеем поворачивает из равнины в ущелье, видны две яранги и невдалеке маленькое стадо. Мы направляемся к этим ярангам. Вблизи них никого не видно; истоптан, как всегда, снег, стоят груженые нарты, но ни людей, ни собак. Одна яранга совсем пуста, в другой я нахожу собаку, в страхе прижавшуюся под опрокинутой нартой. Полог не снят, и дверь его опущена. Кричу — никто не отзывается. Поднимаю шкуры — в пологе сидит, скорчившись, чукчанка и держит в руках шаманский бубен. Уже издали, увидав этих странных черных зверей, мчавшихся со страшной быстротой и оглушающим визгом, подобно злым духам чукотских сказок, она спряталась в полог и пыталась камланием спасти себя и стадо.

Злые духи — «келе», населявшие, по прежним верованиям чукчей, в большом количестве весь мир, могущественны и злобны. Они могут быстро перелетать в любое место, превращаться в людей, зверей и насекомых, делать людям всевозможные гадости, всячески мучить их.

Как пишет Богораз, почти всегда «келе» — людоеды и питаются душами людей. Эти души можно откармливать на убой, жарить и есть. «Келе» очень любят внутренности человеческих душ — сердце, кишки и в особенности печень. «Келе» очень разнообразны — есть грубые жестокие великаны, есть невидимые злые духи, есть разные чудовища: огромный червь-ремень, хватающий людей, чудовищные орлы, медведи, белухи.

Шаман имеет в своем распоряжении особых, служебных шаманских духов, «янра-калат», которые являются по его призыву и исполняют его приказания. Принимая во внимание разнообразие «келе» и их злобность, шаману и служебным духам приходится много работать, чтобы защитить своих клиентов.

Впрочем, чукчи лучше защищены от нападения на их души, чем европейцы. Каждый из них имеет не одну душу, а несколько, пять или шесть «увивит», маленьких, не больше комара. Одну или две души можно потерять без ущерба для здоровья, но когда злые духи похитят бóльшую часть этих душ и съедят их, наступает болезнь, а с исчезновением последней «увивит» человек умирает. Шаман может разыскать похищенные «увивит» в надземном и подземном царстве и вернуть их больному или даже мертвому человеку.

Обычно клиенту шаман доставляет обратно только один «увивит».

Советские учреждения ведут энергичную борьбу с шаманами и их влиянием на население. В 1935 г. шаманы уже боялись выступать открыто, они старались действовать тайком, в глубине тундры. Уже тогда многие чукчи начинали относиться иронически к власти шаманов и охотнее шли к доктору, чем к шаману. Особенно это было заметно на молодом поколении, побывавшем в советской школе.

После того как чукчанка убедилась, что мы живые люди, а не «келе», и немного успокоилась, с ней удалось поговорить. Но до самого нашего отъезда она не решилась подойти близко к аэросаням. Наверно, она думала, что это все же какой-нибудь волшебный, крайне опасный чудовищный жук.

Географические ее познания были весьма ограничены, и она могла только сообщить, что эта река, выходящая из гор, и есть нужный нам исток Пучевеем.

По долине Пучевеем мы вошли в горы и выбрали на устье левого притока стрелку приметных холмов, где можно было определить астропункт. Аэросани легко въехали на склон холма и стали рядком. Стоянка идеальная — крепкий снег, удобное место для палатки и для астрономических наблюдений, а рядом в русле реки — большие кусты ольхи. Об этом тоже надо подумать, выбирая место для базы,— ведь и в апрельские ночи мороз доходит до 36°. А здесь нам предстоит простоять несколько дней — надо сделать экскурсии на лыжах по окрестным горам, а потом съездить на больших аэросанях в глубь гор.

Следующий день нарушает наши планы — пурга со скоростью до 12 м в секунду, поземка тянет с гор при ясном небе. Можно сделать лишь маленькую экскурсию за десять километров вдоль береговых утесов. Только 12 апреля удается послать большие сани с обоими водителями в Чаун за новым запасом бензина, а самим отправиться на соседнюю гору.

Гора с тремя крутыми уступами и плоским верхом, похожим на платформу для взлета самолетов. До горы легко дойти на лыжах, но потом надо лезть пешком. Склоны покрыты крепким снегом, убитым ветрами, и, чтобы забраться на второй и третий уступы, приходится ползти, цепляясь за каждый камешек и выбивая молотком ступеньки в снегу. Мы ходим в меховых плектах с кожаной подошвой, которые на крутых склонах скользят, как коньки. Для этих зимних восхождений следовало бы надевать, конечно, альпийские башмаки с гвоздями и брать ледоруб, но внизу это снаряжение только мешало бы. А когда идешь на лыжах и предполагаешь тащить назад в рюкзаке груз камней — неизбежный плод всякой геологической экскурсии, то рассчитываешь каждую сотню граммов и берешь с собой только необходимое.

На вершине горы я встретился с Ковтуном, который поднялся по другому склону. Он уже установил на палке свою буссоль и определял направления на горные вершины. Отсюда видны гора Нейтлин и несколько других пунктов в Чаунской равнине, уже определенных им ранее, и, делая на них засечки, Ковтун определил положение нашей горы. А по ней потом будет определено положение вершин гор в глубине хребта. Таким образом, получается система треугольников, охватывающая всю изученную область. Когда будут обработаны астрономические наблюдения и точно вычислено положение астрономических пунктов, сеть треугольников будет, как говорят, привязана к астропунктам, и положение ее уточнено и исправлено.

С горы мы можем видеть и безбрежную Чаунскую впадину, и Анадырское плато, и панораму Анюйского хребта, в который мы должны на днях проникнуть. Он представляет беспорядочное нагромождение множества вершин, и трудно понять, как мы пройдем в него на аэросанях.

А хотелось бы пройти возможно дальше, добраться до водораздела хребта и выяснить его строение.

Спуск с горы быстрее, чем подъем, но сопряжен с острыми переживаниями. В плектах чувствуешь себя

совершенно беспомощным и невольно хочешь сесть, чтобы прямо катиться по снегу.

В тех местах, где внизу на склоне нет камней, очень приятно мчаться, скользя на своих меховых штанах, взметая вихри снега. Но когда то тут то там выскакивают острые камни, этот спорт становится несколько сложным. Сначала не представляешь себе, как коварны также и заструги, если они в виде борозд окружают гору. Ветер здесь дует вокруг горы по склону, и поэтому он вырезал в снегу горизонтальные глубокие борозды, крепкие, как лед. Вверх поднимаешься по ним, как по ступенькам, но когда катишься вниз, то начинаешь ударяться задом об эти ступеньки все сильнее и сильнее, и к концу спуска кажется, что ты уже рассыпался на куски.

Еще два дня мы с Ковтуном проводим в уединении и делаем ряд экскурсий. 14-го возвращаются аэросани — рейсы теперь совершаются как по расписанию, и 130 км, которые нас отделяют от Чауна, проходятся в несколько часов. Вечером нас навещают гости: из Чаунской равнины пришли чукчи и стали в нескольких километрах ниже по реке. К нам приходят четверо бедно одетых мужчин — это настоящие пролетарии тундры, их соединенное стадо ничтожно. И, когда я прошу их продать нам мясо, они улыбаются: они сами давно не ели оленины. Чем они питаются? Случайной охотой, а также остатками внутренностей, кровью, опангой от когда-то убитого оленя. Они боязливо осматривают аэросани. Эти чудовища теперь молчат, но сегодня утром одно из них пробегало мимо них со страшным шумом. С явным удовольствием они пьют чай с сухарями, который мы им предлагаем.

15 апреля решительный день — мы должны впервые проникнуть на аэросанях в глубь высокого хребта. Первые тридцать километров вверх по Пучевеем мы пролетаем быстро без всяких приключений. Только встречным ветром срывает кожаный шлем с Ковтуна, и мгновенно винт разрезает его на мелкие клочья.

У первого сужения долины мы останавливаемся в недоумении: оно занято от одного берега до другого наледью, по которой течет вода. Наледь, или по-якутски «тарын», очень распространенное явление на Севере, в области вечной мерзлоты. Реки зимой промерзают до дна, вода принуждена идти под ложем реки по галечникам и вследствие давления поднимается вверх по бортам и вытекает из галечников на поверхность льда. Тонкие пленки воды быстро замерзают, толщина льда постоянно увеличивается и достигает к концу зимы нескольких метров.

Летом наледь частью тает, а иногда сохраняется и до осени — в зависимости от ее размеров. Передвижение по наледи зимой большей частью не представляет опасности, так как слой воды на ней тонок. Но весной он может достигнуть большой глубины и появляются опасные промоины.

Нас пугала не сама наледь, а вытекавшая из нее вода, которая ниже наледи образовала реку в снегу. Это признак весеннего таяния, и на глазах у нас эта река двигалась вперед и захватывала новые поля снега. Если в то время, когда мы будем в верховьях, она зальет всю долину от одного склона до другого, то нам назад не вернуться, так как проехать через эту кашу воды и снега на аэросанях невозможно.

Но идти вперед надо. Денисов осторожно направляет сани на лед — осторожно, потому что для удобства передвижения, во избежание лишних аварий, у нас сняты тормоза, и на голом льду металлические лыжи скользят с необыкновенной быстротой. Налево видны потоки воды и водяной бугор, с фонтаном воды, выбиваю-

щимся из трещины на вершине бугра. Сначала мы пускаем вперед Ковтуна, пешком, чтобы он предупредил о трещинах. Но это кончается тем, что мотор на медленных оборотах совсем останавливается. Завести его вновь нетрудно — ведь теперь тепло и мотор совсем горячий.

Аэросани идут опять вперед, все смелее и смелее. Впереди вода захватывает всю ширину ущелья, Денисов дает полный газ, и сани мчатся через воду. Только струи воды летят в обе стороны от лыж, и через минуту мы на твердом снегу выше наледи. Как-то она пропустит нас обратно?

На душе стало легче — наледи, главная опасность горных долин, проходимы для саней. Кусты на берегах и террасах засыпаны снегом, снег уравнял все овраги и яры по берегам речки. Поэтому дно долины везде также вполне проходимо.

Мы мчимся вверх, оставляя километр за километром и останавливаясь только, чтобы осмотреть утесы. Теперь это не то, что зимой — можно даже выключить вовсе мотор, и он не замерзает, и даже спустя полчаса заводится сразу. Горы становятся круче и выше. Их вершины венчают черные пояса утесов — это горизонтальные покровы лав. От этих черных поясов спускаются вниз крутые белые скаты.

Вот и вторая наледь. Но вдоль нее тянется терраса, и мы пробуем обойти наледь стороной. Терраса все повышается, и мы попадаем в область моренных холмов: по этой долине когда-то спускался с гор большой ледник и нагромоздил у своего конца эти груды камней, возвышающиеся на полтораста метров над рекой. Дальше идти нельзя, и на реку также нельзя спуститься — слишком круто. Приходится вернуться обратно и все-таки пересечь и эту наледь. Она дается легче, и, невзирая на воду, сани снова мчатся вперед.

Теперь мы вошли в цирк — расширение в верховьях реки, куда стекались раньше мощные ледники из долин водораздельной гряды. По бокам этот цирк загроможден моренами, но середина его плоская и широкая, выпаханная ледниками.

Здесь, наверно, с перевала дуют сильные ветры: поверхность снега в крепких застругах, о которые бьются лыжи саней. Мы пересекаем цирк и подходим к южному его концу. Направо открывается чукотское стойбище — несколько яранг, громадные стада, пасущиеся на склонах гор. Пора и нам стать на ночлег; наша цель почти достигнута — мы дошли до водораздельной гряды.

Мы ставим рядом с санями маленькую палатку (большая осталась на базе у астропункта вместе с малыми санями, в ней живет Яцыно и ждет нас). Когда мы кончаем обедать, со стороны яранг показываются две нарты: чукчи не дождались нас и сами идут, чтобы услыхать пыныль. Но упряжка странная — издали не разберешь, как будто везут нарты не олени, а какие-то другие животные. Когда нарты приблизились, то стало видно, что в них впряглись молодые чукчи и везут они двух стариков. Это довольно обычный способ, которым передвигаются старики. Летом их иногда носят на спине.

Один из пассажиров — старик очень дряхлый, с длинным красным лицом, с большим подбородком. Оказывается — это сам Теркенто. Мы смотрим на него с любопытством — вот он, первый богач этого края, который так вероломно поступил с нами. Немудрено, что он нам прислал самых плохих оленей — ведь он настолько экономен, что предпочитает сам ездить на работниках, чтобы беречь своих легковых оленей. Если бы он видел, до какого истощения довели его оленей Лютом и Теулин!

Вряд ли совместимо с законами гостеприимства возбуждать сейчас вопрос о живо интересующей нас при-

чине невыполнения подряда. Я ограничиваюсь тем, что рассказываю Теркенто все новости, какие знаю,— о ярмарке в Чауне, о судьбе его оленей, о чукчах, которых мы видели по пути.

Предлагаем суп с макаронами, но чукчи находят его несъедобным и отставляют в сторону. Чай с сахаром и сухарями заслужил полное их одобрение: по-видимому, несмотря на свое богатство, Теркенто редко видит «каукау». У него совсем нет зубов, и сахар ему разгрызает молодой чукча — его конь и нянька одновременно. Этот чукча очень веселый, с зычным голосом, с грубым и темным лицом, охотно смеется шуткам и сам шутит. Мы расстаемся очень довольные друг другом. Чукчи сообщили нам названия соседних речек и обещали завтра в обмен на табак привезти оленя. Будем надеяться, что это будет жирный олень, достойный представитель стада. Сегодня, когда мы бродим по соседним горам, мы видим превосходных оленей — совсем не похожих на тех жалких одров, которые были высланы в Чаун.

Теркенто, по-видимому, живется неплохо, и он вряд ли склонен прибегнуть к самоубийству, которым еще недавно кончали свою жизнь многие чукотские старики и старухи. Когда тяжелые условия жизни становились непереносимыми для старика, он просил себя убить; часто просили о добровольной смерти страдающие какой-либо тяжелой болезнью. Это не результат плохого отношения родственников, а невозможность переносить тяготы кочевой жизни. Смерть тем более была желательна в таких случаях, что, по представлению чукчей, на том свете лучшие места для обитания отдаются людям, умершим добровольно. Они живут в красном пламени северного сияния и проводят время за игрой в мяч — причем мячом служит моржовая голова. По древнему обычаю убивали человека, просящего о смерти, копьем или ножом,

или из ружья, или удушали. «Помощниками» или «провожатыми», выполняющими этот обряд, могли быть только мужчины, и лучше всего, если это делал сын. При удавливании могли помогать и женщины.

Со времени введения советского строя на Чукотке такие узаконенные убийства были запрещены, и мне не приходилось слышать о случаях открытого выполнения этого обряда. Но все же и в те годы иногда в глубине тундры внезапно умирал при странных обстоятельствах какой-нибудь старик, и смерть его, вероятно, была связана с этим обычаем.

Широкая долина Пучевеем позволяет пройти и дальше на аэросанях, но при выезде с базы, чтобы не перегружать сани, мы взяли с собой мало бензина, и поэтому рискованно еще дальше углубляться в горы. Приходится ограничиться экскурсией на лыжах. Обычно мы с Ковтуном совершаем эти экскурсии отдельно, потому что объекты наших работ различны. Денисов, если у него нет работы по ремонту аэросаней, присоединяется иногда к одному из нас, но большей частью идешь на работу в полном одиночестве. Высокие обрывы гор с черными коронами утесов, черные осыпи, белые скаты и белые блестящие долины — и ни души. Здесь уже редко встречаются зайцы и куропатки. Весеннее солнце ярко светит, и, чтобы не заболеть снеговой слепотой, приходится надевать темные очки.

Выше цирка, где мы стоим, долина Пучевеем суживается, потом опять расширяется, и попадаешь в другой цирк, еще более обширный. Здесь по руслу реки видны кое-где маленькие кустики, и сюда работники Теркенто приезжают за дровами. За этим расширением тянется гряда мрачных обрывов, и через разрыв в ней можно попасть на южный склон хребта. Но у нас мало бензина: следовало бы найти проход к Малому Анюю.

Я сижу на моренном холме в глубине цирка и, глядя на юг, мечтаю о том, как мы едем дальше, как раздвигаются горы и вдали открывается широкая долина Малого Анюя.

Рядом со мной круг камней, ограждающих место, где лежал, очевидно, труп: это чукотское кладбище. Труп давно растащен песцами, и остались одни обломки нарты, на которой привезли сюда покойника.

Обратный путь на аэросанях через наледи, к нашему удивлению, не представил больших трудностей. За эти два дня, что мы провели здесь, опасные области снежной каши у нижнего конца наледей увеличились не намного, и мы свободно обошли их. Вместе с поземкой, дувшей нам в спину (ветер переваливал через хребет с юга и не ощутимый еще вверху превращался в пургу на окраине хребта), мы примчались полным ходом к базе. Яцыно, соскучившийся за три дня одиночества, бродил в кустах неподалеку в поисках куропаток.

АНЮЙСКИЙ ХРЕБЕТ ПРОЙДЕН

Ты идешь на юг. В тучах перевал.
Лес лежит внизу, кончилась трава.
Только скаты скал, только снег и лед.

С. О.

Наши соседи, чукча Эттувий со своими товарищами по стойбищу, сегодня откочевали на запад, вдоль предгорий хребта. Мимо нас потянулись связки нарт с детьми, а потом пастух прогнал несколько десятков оленей — весь мясной и транспортный фонд этого бедного стойбища. Мужчины, конечно, проехали вперед на легких нартах и остановились на несколько минут возле наших аэросаней.

Пора и нам двигаться на запад. Вместо того чтобы возвращаться опять в Чаун через громадную Чаунскую равнину, мы проедем вдоль подножия Анюйского хребта и выберем новое место для базы в верховьях Лелювеем, большой реки, истоки которой прорезают хребет до самого водораздела (нижнее течение ее мы пересекали недавно на оленях).

Аэросани все больше радуют нас. Они двигаются так быстро и легко, что кажется, нет уже для них непреодолимых препятствий. Снежные поля мчатся навстречу и уходят назад. Поднимаемся все выше, на пологие склоны холмов, сзади остается ровный след, три колеи, или вернее лыжни, и по ним весело стремится вторая машина. Я впереди, на «флагманской» — на малых санях. Они легче и прокладывают путь. К западу снег становится глубже, ход замедляется, мотор начинает перегреваться. Но вот мы спускаемся в долину Лелювеем. Река глубоко заходит в хребет; громадная треугольная впадина замещает здесь предгорья и подходит вплотную к высоким горам. Множество притоков Лелювеем, выходящих из хребта, пересекает равнину. Надо выбрать базу в вершине этого треугольника, чтобы от нее можно было проникнуть в любую долину.

Здесь трудно найти место, одновременно удовлетворяющее требованиям астрономии и нашей печки, — кусты расположены посреди долины, а приметные холмы — на краю ее, в двух километрах от кустов. Но без печки обойтись невозможно, и приходится стать у кустов. Ковтун определит пункт внизу, а потом путем засечек с базиса привяжет его к вершинам холмов.

Запас бензина позволяет нам сделать еще одну поездку, и назавтра большие сани выходят на юго-запад.

На этот раз у нас честолюбивая надежда — перевалить через Анюйский хребет,— и мы взяли возможно больше бензина. Денисов ворчит: перегруженные сани могут не вылезти из глубокого снега, мотор не вытянет. Вопрос о том, чьи сани нагружены больше, дебатируется всегда с большой страстностью, каждый водитель заботится, чтобы его сани шли легче. И я помню, как однажды одна легкая оленья шкура, которую я хотел переложить на другие сани, вызвала целую трагическую сцену.

По мере того как мы идем вверх по р. Яраквaам, левому притоку Лелювеем, глубина снега увеличивается. Здесь, в этой предгорной впадине, ветер ослабевает и снег лежит толстым и рыхлым слоем. Мы попадаем в заросли кустов, и сани идут с мучительной медленностью. У меня душа уходит в пятки — сейчас остановимся совсем, и мои спутники будут ругать меня за лишний бензин, за двухнедельный запас продовольствия, который по моему требованию всегда идет с нами. Но, вняв проклятиям Денисова, мотор тянет добросовестно, и наконец мы вылезаем из этого рыхлого месива на пологий склон, где снег крепче.

Впереди улепетывает в гору какой-то черный зверь. Это росомаха. Следы ее часто попадаются нам в горах — растопыренные лапы с крепкими страшными когтями. Охотники говорят, что она в ярости иногда набрасывается на человека и может нанести ему тяжелые раны. Эта росомаха, кажется, не имеет никакого желания встречаться с нами, а особенно с аэросанями.

Росомаха высоко ценится жителями Северо-Востока. Ее черный крепкий мех идет на опушку одежды. Когда русские пришли в Якутскую и Чукотскую «землицы» и набросились на соболиные шкурки, местные жители очень удивлялись. Мех соболя слаб и не стоек; чукчи

и эвенки считали, что росомаха гораздо ценнее и выгоднее для одежды.

У гор Иоанай на западной окраине впадины мы стали на ночлег. Со склона этих гор открывается великолепный вид на Анюйский хребет. Он круто обрывается к равнине, белые склоны сразу вздымаются кверху, увенчанные черными поясами скал.

Узкие глубокие долины прорезают эти горы. По какой из них направиться в хребет? Какая из них приведет нас к легко преодолимому перевалу? Ведь аэросани не могут взбираться на крутые склоны.

Мне кажется, что крайняя западная долина — самая удобная. Ее разрез широк, и оттуда выходит большая река. Плоское дно заманчиво — как широкая дорога скрывается долина за изгибом гор. И мы на следующий день направляемся по этой долине.

Направо, вдоль фронта хребта, уходит другая долина, и в ней две яранги. Мы уже стали настоящими чукчами — нам хочется подъехать к ярангам и узнать пыныль, поесть мороженого мяса или костного мозга. Но мы сделаем это потом. А пока в горы. Вход в хребет суров и неприютен. Отсюда, из ущелья, вырываются сильные ветры — вся поверхность долины в крепких застругах. По бокам — громадные морены прежних ледников; стесненное между ними русло покрыто от борта до борта наледью. Наледь без воды, но вся в плоских волнах и буграх. Сани осторожно переходят через окраину хребта.

После легкого завтрака мы отправляемся в разные стороны: Ковтун на соседнюю гору, а мы с Денисовым вдоль хребта на запад; заодно зайдем к чукчам и расспросим о дороге через хребет.

Мы видим, как Ковтун поднимается на склон горы. Его черная фигурка с рюкзаком за спиной и лыжной пал-

кой ползет вверх по снежным буграм. И спустя немного времени я со сжавшимся сердцем вижу, что эта черная точка вползает на белое ребро главной горы. Когда мы обсуждали план его экскурсии, я имел в виду соседнюю широкую гриву с пологим подъемом. Но его привлекла эта более высокая трехгранная вершина, откуда открывается более широкий вид. Он должен будет забраться по ее уклону и крутому ребру в своих скользких меховых сапогах. Но теперь ничего не поделаешь — догнать его нельзя, кричать бесполезно. Остается издали следить, не поскользнется ли он и не полетит ли маленькой лавиной по правому или левому скату.

Мы продолжаем наш путь. На поверхности морен вдалеке появляются черные силуэты — три нарты едут от яранг. Мы поворачиваем им наперерез, и, когда нарты приближаются настолько, что можно видеть лица, крик изумления вырывается из наших уст. Конечно, чукотский крик изумления — «какуме» (или сокращенно — «какукаку»); это восклицание в большом ходу у чукчей.

На задней нарте — Ионле, сам своей персоной. Здесь, на Яраквааме, куда он ни за что не хотел нас везти, потому что здесь, по его словам, лежит непроходимый глубокий снег! И вот всего двенадцать дней спустя он уже пришел сюда из Чауна со своим караваном. А кругом на склонах гор ходят его олени, все его громадное стадо. В это место, где, как он говорил на совещании, нет корма, он пригнал всех своих оленей и собирается здесь стоять все лето.

Но Ионле ничуть не смущен этой встречей. Он весел, как всегда, и рад нас видеть. Он, оказывается, ехал к аэросаням показать — своей первой жене «колё-оргоор». Жена его Чаайкай — единственная действительно хорошенькая, с европейской точки зрения, чукчанка, которую я встретил. Керкер, конечно, темный, из хороших мехов, не портит ее фигурку, а круглое личико кокетливо улыбается из мехов.

Ионле охотно рассказывает мне о дороге через хребет — надо идти вверх по долине и когда река вильнет в боковое узкое ущелье, то следовать все прямо через широкую седловину, и мы попадем в бассейн Малого Анюя, к озеру Илирнейгытхын и увидим настоящий лес. Ионле даже предлагает свои услуги — поехать вместе с нами проводником или свозить на легковой нарте к соседним верховьям р. Раучуван.

Я рассказываю ему новости — о том, где стоит Теркенто, куда кочует Эттувий, и получаю высокое одобрение: «Ты хорошо умеешь передавать пыныль». Чувствую себя польщенным: ведь не так просто овладеть этим искусством.

Здесь мы разделяемся — Денисов садится на переднюю нарту, к работнику Ионле, и уезжает угощать гостей и показывать им аэросани, а я иду дальше на запад. Скоро я встречаю и оленей Ионле. Не обращая на меня никакого внимания, крепкие большие олени бродят по склонам холмов, копытят снег, фыркают, дерутся.

А на высоком холме стоит яранга, здесь живет мать самого Ионле, которой в его частые отсутствия поручается стадо.

В то время как середняки и бедняки к весне выходят на окраину гор и потом кочуют к морю, чтобы охотой на морского зверя и рыбной ловлей немного увеличить свои продовольственные запасы, богачи вроде Теркенто и Ионле уходят к высоким горам.

Здесь летом меньше комаров, корм хороший, и стада проводят все лето почти на одном месте. Чукчи не умеют возить грузов вьюком на оленях, считают это грехом и таскают грузы на плечах. Поэтому их кочевки летом очень ограничены.

Из яранги подымается дым, мне хочется пить, и меня очень тянет зайти туда, снять лыжи, сесть скрестив ноги на «постель» и тянуть густой чай из блюдечка, закусывая мороженым мясом и рассказывая пыныль. И, право, с трудом удается убедить себя, что надо идти к утесам и собирать образцы.

Возвращаюсь к палатке поздно. Уже темнеет. Ковтуна нет. На склоне горы его также не видно. Надо ли идти его искать или ждать утра? Ночи еще недостаточно светлы для поисков.

Только когда в ущелье уже совсем сгустился вечерний сумрак, показался вдалеке Ковтун. Я рад его приходу, но вместе с тем начинаю его журить: зачем так рисковать, когда можно было подняться на эту же гору кругом, через плоскую гриву. Ковтун и сам не хотел бы повторять этого восхождения: снег был так крепко убит ветром и такой скользкий, что ему пришлось ползти и цепляться голыми руками. Все ногти у него ободраны. А отступление было невозможно — спускаться вниз еще хуже. Так, отчаиваясь не раз в успехе, он дополз до вершины. К счастью, южный склон горы уже частью оттаял, обнажились осыпи, и можно было спуститься в долину Ракваам.

Следующий день был также посвящен экскурсиям. К вечеру приехал Ионле и привез заказанного ему оленя (нам нужно мясо для нас и в Чаун для нашей базы). Цена мяса у Ионле гораздо выше, чем у Теркенто. А привезенный олень, как это ни странно, не содержит некоторых существенных частей — например, у него только по три ребра с каждой стороны. Сразу видно, что Ионле человек хозяйственный.

Ущелье Ракваам вверх от первой наледи очень мрачно. Над черными осыпями и белыми скатами тянутся черные обрывы утесов. Ущелье, похожее на узкий коридор, постепенно загибается направо. Дно его покрыто крепкими застругами, а там, где морены стесняют русло, появляются наледи. Аэросани лезут все выше и выше; последняя наша стоянка была на высоте 600 м над уровнем моря, а теперь мы забрались, наверно, еще метров на двести.

Снег истоптан оленями; сюда также заходили стада Ионле, так что сказка о непроходимости Ракваам, рассказанная нам на совещании у Ионле, становится еще смешнее.

Долина поворачивает к югу. Хотя речка уходит в узкое боковое ущелье, но на юг по-прежнему идет широкая ледниковая долина. Мы поднимаемся по ее полого-волнистому дну; подъем не очень крут, и сани легко берут его. Вот перевал — плоская седловина на высоте 900 м над морем.

Мы победили, мы переваливаем на юг, в лесную страну, в обетованную страну Анюев! Даже «местное население» радостно приветствует нас: возле самых саней вылезает из норки суслик и с любопытством глазеет на нас. Он стоит прямо, как столбик, и с забавным писком быстро поворачивает туловище направо и налево и взмахивает лапками. Денисов в изумлении останавливает сани, и мы смотрим некоторое время друг на дружку, пока наконец моя попытка достать фотоаппарат не пугает зверька, и он, пискнув, прячется в снег.

Спуск на юг круче. Долинка быстро выходит в главную, большую долину, которая идет широким раструбом на юг, к окраине хребта. Кусты здесь появляются вскоре после перевала — сразу видно, что мы попали в благодатную южную страну. А вдоль кустов у подножия склона идет тропинка с большими следами, похожими на человечьи. Но это ходили не дикие индейцы, а всего лишь бурые медведи. На северном склоне они еще спят, а здесь

уже проснулись, гуляют и высматривают сонных куропаток.

После ночевки у первых кустов мы передвинулись до окраины хребта — нам нужно было дойти до озера Илирнейгытхын и этим маршрутом связаться со съемкой экспедиции геолога В. А. Вакара, работавшей в соседнем к западу районе.

Мы останавливаемся там, где кончаются высокие горы и начинается тянущееся к югу плато. Взобравшись на гору, я увидал, что южнее вся долина занята странным, длинным озером с изрезанными извилистыми берегами, с несколькими островами. Нижний конец озера перегорожен множеством (не менее десятка) поперечных валов.

Двадцать или тридцать тысяч лет назад по долине спускался громадный ледник, который здесь кончался и таял. Эти валы — его конечные морены, образовавшиеся из каменного материала, который ледник тащил на своей поверхности.

По обоим склонам лежат боковые морены — груды камней, вытаявшие с краев ледника. А острова на озере — также морены, но срединные, образовавшиеся при слиянии двух ледников из их боковых морен. Поэтому озеро такое беспорядочное, как будто кто нес в решете землю и просыпал в разных местах. Но это еще не Илирнейгытхын («озеро с островом»), а озеро Тытыль; с горы видно километрах в двадцати другое большое озеро в лесу. Да, в настоящем темном лесу. Очень бы хотелось добраться до этого леса, вытопить печку настоящей сухостойной лиственницей, но у нас бензин на исходе, и надо поворачивать назад.

Обратный путь мы совершаем в один день. Аэросани бойко взбираются в гору, и только на самом последнем крутом подъеме перед перевалом кажется, что машина

сейчас станет. Но ничего — она тихонько вползает на перевал. Отсюда уже легко — даже дует попутная пурга, обдирающая снег с морен. На стоянке возле яранг Ионле мы забираем мешок с мясом, который оставили уезжая на перевал. Возле него мы устроили чучело с гремящей на ветру коробкой от консервов, чтобы отпугивать росомах.

На пути к базе надо еще осмотреть длинный ряд утесов в долине Лелювеем. Пока я хожу вдоль скал и изучаю слои песчаников и сланцев (а также заодно и следы пиршества какой-то лисицы или песца: хорошо видно, как она подкралась к спящей куропатке и растерзала ее в клочья), Ковтун взбирается на гору, чтобы взять засечки.

Мотор начинает стынуть, мы с Денисовым заводим его и прогреваем; шум вызывает обратно Ковтуна. На гору он поднимался без лыж по крутому крепкому склону, а теперь спустился на подветренный склон, где снег доходит ему до пояса. Все медленнее и медленнее двигается он, судорожно прыгая в глубоком снегу. Мы теряем уже надежду, что он доберется до нас; надо послать спасательную экспедицию. Аэросани делают круг, проходят возле Ковтуна, но он уже выбился из сил и не может вскочить в них на ходу. А мы не можем остановиться в таком рыхлом снегу: потом придется долго раскачивать сани. Денисов делает второй круг и останавливается на накатанной санями лыжне. Ковтун влезает усталый и мокрый.

На базе Яцыно встречает нас с восторгом: уже пять дней, как он сидит один в палатке. Охота на куропаток и зайцев надоела, другое занятие — строить опознавательный знак, пирамиду из камней на холме для привязки астропункта — также приелось.

ЕЩЕ ОДНО ОЗЕРО

Да слушать сквозь ветер холодный и горький
Мотора дозорного скороговорки.

Э. Багрицкий

Между нашими двумя маршрутами в глубь хребта по Пучевеему и Яраквааму остается большой отрезок неисследованной части хребта. Следует пересечь хребет еще по какой-нибудь речке в восточной стороне впадины Лелювеем. С холмов у нашего астропункта видно значительное понижение в этой части хребта и несколько речных долин, поднимающихся к нему. Но трудно разобрать, какая из них глубже врезана и может иметь доступный для аэросаней перевал. Я выбираю восточную долину, наиболее широкую и наиболее далекую от р. Ракваам.

27 апреля после того как большие сани съездили в Чаунскую культбазу и привезли новый запас бензина, мы выезжаем для последнего пересечения Анюйского хребта. Благополучно проходим большую наледь, которая занимает значительное пространство к югу от нашего стана. Два зайца убегают в кусты; отбежав немного, они останавливаются и, подняв передние лапки, с любопытством смотрят на сани.

В десяти километрах к югу Лелювеем подмывает длинный ряд утесов. Мне нужно осмотреть их, и аэросани идут через полосу кустов и затем вдоль подножия. Но дорога становится опасной: из наледи, лежащей южнее, сюда бегут потоки воды, и в снегу расплылись большие влажные синие пятна и полосы. Мы попадаем на узкий мыс между двумя такими полосами. Немного поколебавшись, Денисов решительно направляет сани поперек синей полосы. Скачок, брызги воды и снежной каши, сани оседают задом. Несколько мгновений неприятного ощущения: вытянет ли мотор? Мы почти стоим на месте; медленно мотор выдирает машину на сухой снег. Это, вероятно, был самый опасный момент наших поездок на аэросанях. Если бы сани застряли в этой яме, наполненной снегом и водой, не знаю, как бы мы вытащили их оттуда.

После этого происшествия мы уже остерегаемся пересекать русла под утесами без предварительной разведки.

Возле подножия хребта в долине Лелювеем стоит одинокая яранга. На звук мотора из нее выходят чукчи — и опять все знакомые лица! Кажется, теперь у нас везде в горах полно знакомых. Здесь стоят работники Теркенто — Лютом и Теулин с женой. Они гонят оленей в верховья Пучевеем, в стойбище Теркенто. Кажется, олени не пострадали от путешествия с нами, по крайней мере все они дошли сюда. Дочка Теулина глядит с изумлением, открыв ротик, на аэросани. У меня в кармане находится несколько сухарей для нее; к сожалению, нельзя разгружать сани, чтобы достать мешок с продовольствием и угостить всех.

Отсюда мы оставляем долину Лелювеем и направляемся в горы. Пасмурно, идет мелкий снег, гор не видно, и мы поднимаемся вслепую по какой-то речке, которую Теулин назвал Кыптыатам. Дно ее становится все круче, наконец мы попадаем на моренные холмы. Дальше ехать опасно — долину замыкают крутые склоны.

Экскурсия на лыжах в верховья долины показала, что перевалы из этой долины для нас недоступны, да и ведут не на южный склон хребта, а в соседние долины северного склона. Ковтун с высокой горы открыл, что долина рядом к западу гораздо больше нашей и уходит

далеко в хребет. Очевидно, надо перебраться в нее. Но как это сделать? Перевал прямо к ней недоступен даже для собачьего транспорта. Придется вернуться назад и огибать подножие.

На следующий день мы спускаемся на север и по моренным холмам предгорий переходим западнее. Еще одно испытание для аэросаней — переход по пересеченной местности. Они выдерживают его с честью. Затем второе испытание: спуск с крутого обрыва речной террасы. И третье — переход по большой наледи. Здесь громадная конечная морена прежнего ледника загородила вход в долину, и река прорезала в этой морене узкую извилистую щель. Дно — сплошная наледь, по которой струится тонким слоем вода. Но сани не боятся теперь ни воды, ни наледей. Все же наледь влечет за собой иногда и неприятности: если после наледи мы идем некоторое время по твердому насту, то вода замерзает на лыжах, а передвижение по рыхлому снегу не в силах снять пленку льда, и сани сразу затормаживаются. Достаточно нескольких кусочков льда и прилипшего крепкого снега на подошве лыж — и тотчас резко падает скорость.

После очистки лыж (это надо делать на четвереньках, ножом) мы вступаем в ледниковую долину реки, которая, если судить по рассказам Ионле, называется Тылеутен. Это одна из красивейших долин хребта. С обеих сторон скаты гор с черными ребрами лав. Вверху, как всегда, они венчаются поясом черных утесов. Мрачно и пустынно.

По мере того как мы двигаемся вверх, долина разделяется на боковые отвершки. По которому из них лежит хороший перевал? Мы выбираем самый заманчивый на вид, с мягкими склонами; главное ущелье, идущее прямо на юг, что-то слишком мрачно, и дно его узко. На этот раз выбор удачен, сани легко въезжают на плоскую седловину, ведущую хотя и на запад, но уже к южной системе ущелий.

Здесь, на высоте 900 м над морем, мы ночуем. Теперь тепло, по ночам не более 20—25° мороза, и нам не так нужны дрова. Примуса и паяльной лампы хватает для согревания палатки.

Для прежнего, классического северного путешествия наш стан со стороны представлял бы странное зрелище: вместо низких нарт и лежащих рядом пушистых оленей или собак — высокий черный силуэт аэросаней с пропеллером в чехле и рядом прикрепленная оттяжками к лыжам аэросаней стоит маленькая палатка. Единственный традиционный предмет старого экспедиционного быта — пара меховых лыж, воткнутых в снег рядом с палаткой.

Но эти лыжи не всегда нужны. Сегодня, например, при подъеме на горы над перевалом лыж совсем не надо: снег крепкий, убитый ветром. На поверхности камней цветут ледяные цветы — кристаллы льда, выкристаллизовавшиеся непосредственно из влажного воздуха, приносимого ветрами с юга. Переваливая через хребет и охлаждаясь, ветер оставляет на камнях эти цветы.

Северный Анюйский хребет, так же как и Анадырское плато, служит водоразделом ветров, и воздух переваливает через него то в одну, то в другую сторону. При этом поднимается он тихо и ласково, а падает вниз свирепо, и, поднимаясь на перевал, мы встречаем всегда пургу, дующую с хребта вниз.

С вершины у перевала замечательный вид на хребет. Перед нами огромная полоса гор, расчлененных глубокими долинами. Отсюда мы можем наблюдать поучительную географическую картину: вершины грив и гор местами сохранили мягкие очертания и представляют остатки прежней поверхности, так называемой древней поверхности эрозии. В нее врезаны крутые, скалистые,

глубокие ущелья — это результат работы ледников недавней ледниковой эпохи. Снег скоплялся во впадинах мягкого рельефа, лежал годами, полз вниз и врезал кары — чашеобразные впадины на склонах. Мы видим и сейчас в верховьях долин эти кары, начинающие разъедать мягкий склон. Ниже по долине снег превращался в лед, стекал в виде ледника и пропахивал эти глубокие корытообразные долины, которые прорезают хребет на север и на юг. Так и кажется, что сам живешь, в ледниковую эпоху и видишь, как на глазах изменяется ландшафт.

Хотя мы зря заезжали на р. Кыптыатам, но все же осталось еще немного лишнего бензина, и Денисов разрешает идти вперед еще 40 минут. Он, как механик нашего снежного корабля, имеет право определять пределы маршрутов, гарантируя обратную доставку на базу.

Можно попробовать дойти до южного подножия хребта. Спуск крут, наша долинка через 10 км выводит нас в большую долину, прямо поворачивающую к югу. Это тоже ледниковая долина с крутыми стенками. Дно ее покрыто моренами и все ободрано ветром. Куда ни посмотришь, только крепкие, как наледь, заструги, или голые камни, или трава, почти без снега. Мы едем по речке, но и на ней снег ободран до льда, и сани с грохотом раскатываются по неровным ледяным буграм; слышно, как галька царапает лыжи. После десяти километров такого пути мы, жалея сани, решаем остановиться — до края гор осталось километров десять и лучше пройти их пешком.

Экскурсия вниз по долине дала очень много интересного как для выяснения геологического строения района, так и для карты.

На наледях кое-где ледяные бугры, один очень крутой, метров до пяти высотой, с трещинами. Такие бугры — обычное видоизменение наледи: вода поступает особенно обильно из галечников в одном месте наледи, и под ее напором лед здесь вздувается, бугор лопается, вода частью выливается наружу через трещины, а частью замерзает внутри, и процесс возобновляется снова.

В конце маршрута я нахожу в долине озеро такого же ледникового происхождения, как и в долине Яракваам, и такое же большое. Судя по карте, нарисованной Ионле, это Вайгытхын. С горы видны конечные морены его южного конца, длинные поперечные острова — также конечные морены, более ранней стадии оледенения, дальше тянется плато с редкими холмами, затем — долина Малого Анюя, с черными лесами по склонам, а на горизонте в дымке Южный Анюйский хребет, тот хребет, через который мы должны были перевалить к Большому Анюю.

1 мая встречает нас свежим ветром с севера, с хребта. Поземка настолько сильна, что мы не решаемся выехать; наверно, не удастся завести мотор и не хватит бензина для перехода навстречу ветру.

Но после того как мы проскучали до полудня в палатке, которую придавливает со всех сторон ветер, наше настроение изменяется само собой. Денисов становится совсем оптимистичен: почему не попробовать? Ведь теперь не зима, только 15° мороза, а ветер 14 м в секунду — это не певекские 30 или 35 м. Может быть, удастся завести?

И действительно, удалось. Мотор закрыли шкурами, мешками, и он скоро нагрелся. А как только двинулись сани, стало легче: выше по долине ветер становился все тише и тише, а за перевалом и совсем перестал. Грохочут сани по застругам, мелькают утесы и знакомые наледи, и вот мы выходим из гор. Теперь можно прибавить газу и 70-километровым ходом помчаться по равнине

вниз к астропункту. Пологий спуск, нет ни кустов, ни наледей — исключительно благоприятное поле для любителей быстрой езды по бездорожным равнинам.

Такое же удовольствие предстоит нам и на следующий день, когда, закончив все работы на астропункте, мы выезжаем в Чаун. Белая Чаунская равнина для нас — родная страна. По всем направлениям исчерчена она лыжами наших аэросаней и полозьями наших оленьих караванов. Остается только еще один неизученный сектор — на востоке.

В КОЛЬЦЕ БАЗАЛЬТОВ

...Был дик открывшийся с обрыва
сектор Земного шара...

Б. Пастернак

Прежде чем отправляться в новый маршрут, следует съездить в Певек за моторным маслом, оно уже на исходе. Надо привезти и запасную лыжу, потому что от постоянных ударов о заструги все лыжи обоих саней пришли в плохое состояние и могут сломаться в любой момент.

3 мая большие сани выезжают в Певек. Мы бережем малые сани, потому что на них мотор проработал уже много часов, законные сроки прошли, и он может внезапно отказаться работать. А на больших санях мотор был сменен в марте (у нас был только один запасной мотор). Эти сани новее и надежнее, а малые имеют уже долгий стаж работы и аварий на Новой Земле.

Сани уходят в Певек и пропадают, хотя пурги нет. Только пятого днем они возвращаются. Оказывается, дорога в Певек стала отвратительна, торосы обнажились, и от ударов у обоих лыж лопнула поперек верхняя алюминиевая покрышка; пришлось скреплять их продольными уздечками из железа. Теперь неизвестно, на какие сани ставить запасную лыжу — на малых санях лыжи также лопнули. Решаем пока хранить единственную лыжу про запас и производить ремонт старых лыж до последней возможности.

Аэросани нынче поставили рекорд по перевозке грузов — кроме громадной лыжи, не входившей в корпус саней и привязанной снаружи, Денисов привез несколько семиметровых досок, которые больше чем на метр длиннее корпуса. Доски были привязаны с боков, и концы их торчали далеко вперед. Из этих досок Перетолчин сделает нам лодку для поездки весной вверх по Чауну. Другой рекорд по перевозке грузов аэросани поставили зимой, доставив из фактории на правом устье Чауна сюда, в культбазу, большую железную бочку с керосином весом в 200 кг.

7 мая большие сани ставят еще один рекорд — в один день они доходят до юго-восточной окраины Чаунской равнины и возвращаются обратно в Чаунскую культбазу за новым запасом бензина. Малые сани на этом перегоне опять пострадали — вырван один из тяжей, соединяющих лыжу с шасси.

Новый маршрут продолжен вверх по большому правому притоку Чауна — р. Алькаквунь. Эта река собирает свои воды на склонах Анадырского плато и затем течет через равнину. Куда она впадает, мы никак не можем узнать: усть-чаунские чукчи, по словам Укукая, считают Алькаквунь притоком Паляваам, Ионле же на карте, которую он нарисовал для нас, направил Алькаквунь в Чаун, и даже очень далеко от устья, к самым холмам Чаанай. Ионле нарисовал нам очень хорошие карты — видно, что он много ездил и умеет наблюдать.

До сих пор мы не могли при наших разъездах выяснить направление этой реки. Издали в равнине очень трудно проследить русло: оно не всегда сопровождается кустами, а низкие яры засыпаны снегом; ехать же по самой реке невозможно: она образует в пределах равнины множество меандров (изгибов), и, чтобы следовать им, нужно потратить очень много времени.

Наша новая база выбрана очень удачно для астропункта: это одинокий холм у выхода реки из гор, увенчанный острым утесом-кекуром. Со всех сторон за десятки километров можно увидать этот холм, возвышающийся в виде плоской чаши.

Не буду описывать экскурсий с астропункта — снова восхождение на горы, геологические исследования, съемка.

9 мая мы двинулись вверх по р. Алькаквунь. Опять тяжелая задача — по какому из притоков идти. Какой из них позволит нам пройти глубоко в Анадырское плато?

Анадырское плато состоит из мощной толщи чередующихся покровов лав и вулканических туфов. Чтобы изучить его строение, нам надо пройти возможно дальше на юго-восток и подняться в нескольких местах на высокие горы, измеряя анероидом высоту залегания отдельных лавовых покровов.

В этот раз мне удалось убедить Денисова взять кроме полных баков еще четыре банки с бензином; две из них мы оставим где-нибудь, пройдя 60 км, и таким образом обеспечим себе большой радиус действия.

В пятидесяти километрах от астропункта мы попадаем в интересное место — долина суживается и вся загромождена моренами; между ними — большие наледи. По долине р. Алькаквунь ледник спускался гораздо ниже, чем в Анюйском хребте: там мы находили конечные морены на высоте 500 м над морем, а здесь всего на

250 м. Это и понятно — рядом к востоку лежал мощный центр оледенения, высокий Чукотский хребет, где скоплялось огромное количество льда.

Мы останавливаемся на моренах и сейчас же лезем на гору. Всегда хочется посмотреть, что дальше вверх по реке; этот вопрос важен и с научной и с практической точки зрения. Вид с горы очень интересен: Анадырское плато ниспадает к Чаунской равнине уступами, сложенными горизонтальными покровами молодых лав — базальтов, андезитов, липаритов. Эти уступы разрезаны глубокими ущельями, которые выгрызли ледники, недавно сползавшие с плато, поэтому мы видим дикий хаос вершин, черных и мрачных, припудренных снегом.

С горы мы разглядели, что нам надо будет пройти громадную наледь, потом подняться по узкой глубокой долине, изгибающейся к югу и скрывающейся среди обширных вершин плоскогорья.

На следующий день мы храбро пускаемся по наледи, сплошь покрытой глубоким потоком воды. Что будет через несколько дней, когда мы пойдем назад? Обойти наледь невозможно: она занимает все дно ущелья до крутых обрывистых склонов и может запереть нас на плоскогорье, как в ловушке.

Пройдя несколько километров по наледи, мы входим в узкую долину. Она имеет типичный для районов древнего оледенения корытообразный вид с крутыми стенками. Быстро двигаемся мы вверх по ней, к югу, и через два десятка километров открывается удивительная картина: речка, являющаяся истоком р. Алькаквунь, появляется из боковой маленькой долины с востока, а прямо перед нами — широкая и плоская долина, без всякого русла, тянущаяся на юг и все более расширяющаяся.

Это, очевидно, перевал в какую-то реку системы Анадыря. Высота его ничтожна, всего 370 м над уров-

нем моря, в то время как через Анюйский хребет мы переваливали на высоте 900 м! Через этот перевал когда-то спускался мощный ледник, а теперь здесь может быть проложена удобная трасса аэросанного сообщения между Чауном и селениями долины Анадыря.

С жадным любопытством мы мчимся на юг по этой плоской долине. Куда приведет нас она? На протяжении 30 км мы совсем не спускаемся: анероид, как я его ни стукаю, показывает все время одну и ту же высоту с колебаниями в 5—10 м. Мы пересекаем две плоские впадины среди долины с едва заметными берегами. Это, наверно, озера Йогытхын (озера ветров), которые нам рисовал Ионле. Многочисленные заструги, обращенные мордами на север, подтверждают название озер и доказывают, что ветер здесь дует на юг. Следовательно, мы уже перевалили водораздел. Неудивительно, что через этот низкий перевал воздух должен передвигаться с большой силой.

Наконец мы пересекаем русло какой-то реки с обильными кустами. Вероятно, это р. Пыкырваам, о которой мне говорили в 1933 г. в Анадыре. Куда она течет — на запад или на восток? На западе долина как будто замкнута горами, а на восток открыта. Но кусты в русле слегка наклонены на запад, и, несомненно, вода течет в эту сторону. Впрочем, у нас еще хватит времени и бензина для исследования этой реки. Хорошо бы пройти возможно дальше на восток, чтобы увидеть центральную часть Чукотского хребта, которую до сих пор никому не удалось изучить.

После ночевки у любопытной группы острых гор, выделяющихся по своей форме среди столовых вершин плато, мы двигаемся на восток вверх по неизвестной реке. Мы проходим по пологим увалам, по наледям и достигаем узких долинок верховий реки. Наконец попадаем

в такой узкий лог, что сани занимают все дно его между крутыми склонами. Если дальше будет так же узко, то мы не сможем даже повернуть назад.

Но долинка немного расширяется, и мы оказываемся на перевале. На север открывается система речек, впадающих в знакомую нам р. Паляваам, или Каленьмуваам, как ее называют чукчи-оленеводы, кочующие в ее верховьях. Эта река, главный приток Чауна, превышает его по своей длине.

С соседней высокой вершины, достигающей около 1200 м, мы можем видеть изумительное зрелище — горы, заполняющие пространство во всех направлениях до самого горизонта. Мы стоим на одной из черных вершин, окружающих верховья нашей реки. Я назвал их «Кольцом базальтов». На север от этого кольца лежит широкая впадина р. Каленьмуваам, и за ней тянутся цепи Чукотского хребта, уходящие на северо-запад. А на юге и западе нагромождено до горизонта бесконечное множество столовых вершин Анадырского плато, остатки изрезанных реками лавовых покровов, которые выливались на это громадное пространство в течение тысячелетий. Происходило это в геологической истории недавно, а по человеческому исчислению — сотни тысяч лет назад.

Когда стоишь на такой высоте, то кажется, что от этих снежных пространств исходит какое-то свежее дыхание, поднимающее ввысь. Становишься сам легким, и хочется подняться еще выше и лететь над горами все дальше и дальше.

Наиболее интересная для нас область, восточная, верховья Каленьмуваам, закрыта вершинами Кольца базальтов. Придется завтра взобраться еще на крайнюю восточную вершину.

Закончив изучение лавовых покровов, слагающих эту гору, и зарисовав на карту часть плато, которую мож-

но видеть отсюда, мы с Ковтуном спускаемся к аэросаням.

Переходим в соседнюю долинку, к подножию вершины, намеченной для восхождения. Возле нас возвышаются две конические горы, увенчанные черными цилиндрами, коронами андезито-базальтовых лав. Это результат разрушения столовых гор: по мере того как выветривание разрушает краевые части утесов, они осыпаются, гора уменьшается, пока от нее не останется такой конус с предохраняющей его короной твердой лавы.

Завтра с утра мы поднимемся на вершину, а в полдень поедем обратно на запад. Таково наше расписание. Но ночью начинает падать снег. Падает он с большой настойчивостью, все кругом затягивается тучами. Мы сидим в облаках, ничего не видно. Нельзя бросить работу и уехать, не увидав самого интересного участка Чукотского хребта, еще никем не занесенного на карту. Да и вообще нельзя уехать — в этой пурге ничего не видно перед самым носом.

Итак, мы сидим. Первый день проходит хорошо. Приятно отдохнуть, полежать в спальном мешке сколько хочешь, сварить компот или кашу с урюком, полистать иллюстрированный журнал, который нам достался с разбитой штормом шхуны «Элизиф».

Хотя у нас нет печки и горит только одноголовый примус, но в палатке очень тепло — днем +13,5°; в это время снаружи немного ниже нуля.

Второй день. Та же пурга, барометр не обещает ничего хорошего. Становится скучно: из-за экономии в весе мы не возим с собой книг. Приходится рисовать на бумаге карты и шахматные фигуры и заняться игрой.

Третий день. Все то же. Как поживает Яцыно на базе и наледь в ущелье Алькаквуня? Яцыно, наверно, думает, что у нас тяжелая авария, а наледь при такой теплой погоде могла уже покрыться непроходимым для нас слоем воды.

Хорошо, что мы ездим на аэросанях, но не на собаках. Необходимость кормить во время пурги собак — серьезное препятствие для дальних поездок в Арктике. Нередки бывали случаи, когда, просидев несколько дней, задержанные сильной пургой люди и собаки начинали голодать и потом с трудом добирались до дома.

Кольцо базальтов держит нас в плену трое суток.

16 мая мороз в 20° и ясное небо. Мы с Ковтуном быстро взбираемся на восточную вершину. Когда мы вылезли на узкий гребень, с обрывами снеговых карнизов вдоль него, трудно было удержаться от крика восторга: так красива панорама сияющих гор, открывшаяся на востоке. Ковтун наконец имеет возможность зарисовать ту недостижимую область между верховьями рек Каленьмуваам и Осиновки, рельеф которой до сих пор оставался для нас неясным.

Спуск с горы, как всегда, очень приятен — хорошо катиться вниз по подножию горы на лыжах, не задерживаясь ни на минуту.

Быстро проходят сборы и еще быстрее мчатся сани вниз по долине реки, которая, судя по расспросным данным, собранным мною в 1933 г. на Анадыре, называется Малый Пыкарваам. Пока мы сидели в тихом ущелье, здесь свирепствовала пурга.

Проходим знакомые места и затем решаем, насколько позволит нам запас бензина углубиться в узкую долину на западе. Бензин позволяет дойти до большой базальтовой столовой горы. Здесь кончался когда-то громадный ледник, спускавшийся по р. Пыкарваам.

Ледник этот нес такое громадное количество льда с востока, что одна ветвь его двигалась на север, в Алькаквунь — этим и объясняется образование широкой и

низкой долины перевала с озерами, рассекающей водораздел.

Новая наша стоянка важна для связи со съемкой 1933 г. Мы долетали на самолете почти до этого места, и теперь необходимо установить, какие речные долины были нанесены тогда на карту. В этом однообразном плато, где столовые горы и долины так похожи, очень трудно понять, та ли это река, которую я видел два года назад с самолета?

Спустившись с горы, тотчас же начинаем собираться в обратный путь; уже вечер, но надо торопиться пройти наледь, пока она не растаяла совсем. Темнота уже не мешает поездкам: ночи стали светлые. Через несколько дней солнце совсем не будет заходить за горизонт.

Как только мы переваливаем на северный склон, начинает чувствоваться попутный ветер. У наледи он очень силен, и мы едва рискуем остановиться, чтобы захватить оставленные здесь два бидона бензина; они совершенно засыпаны снегом. Наледь сильно покрыта водой, но еще проходима.

К астропункту подъезжаем в вихрях свирепой пурги, скатывающейся с Анадырского плато.

Яцыно собирался уже завести малые сани и ехать в Чаун за Курицыным, чтобы вместе искать нас — ведь прошло уже восемь дней с тех пор как мы уехали. Он вылез к нам черный от копоти примуса и мрачный от скуки, которая его совсем загрызла. Даже куропатки не могли рассеять его одиночества.

Несмотря на пургу, которая не прекратилась и на следующий день, мы поехали в Чаун. Нельзя терять ни одного часа, потому что снег садится прямо на глазах и становится мокрым. И хотя ветер дул нам в спину и струйки поземки весело бежали вместе с нами, иногда сани едва шли — настолько задерживал их липкий снег.

Стоит только остановиться — и не сдвинешь саней: лыжа покроется комом мокрого снега.

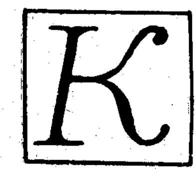
Чтобы выяснить место впадения р. Алькаквунь в Чаун, мы прошли сначала вдоль нее на северо-запад. Дойдя почти до самых холмов Чаанай, русло реки круто поворачивает и идет вдоль русла Чауна, не сливаясь с ним. Можно было проследить черные кусты русла Алькаквуня почти до самой дельты Чауна. По-видимому, прав Ионле — Алькаквунь действительно впадает в Чаун, но только гораздо ниже, чем он нарисовал.

Когда мы подошли к культбазе, то увидали, что в низовьях Чауна на льду появились пятна воды. Нельзя было и думать о последней намеченной нами поездке на северо-запад, в низовья р. Раучуван, а необходимо как можно скорее отправить аэросани в Певек, пока не вскрылись реки Чаун, Ичу и Млелю. В ночь с 20 на 21 мая мы проводили Денисова и Яцыно. Они поехали ночью, потому что в это время снег немного крепче и не так липнет.

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Как хорошо, что весна на свете!
Как это описать?

Н. Асеев



ак быстро наступает весна на Севере. Еще несколько дней назад термометр ночью показывал 20° мороза, а сейчас уже все кругом тает, оседает снег, появляются голые участки тундры, на склонах обнажаются камни. На краю этих проталин снег превращается в тонкие пленки льда, которые так вкусно хру-

стят на зубах. Солнце с 23 мая перестает заходить и, едва коснувшись горизонта, снова поднимается. Нам предстоит провести дней двадцать в Чауне, пока не вскроется река. У меня смелое намерение — подняться по Чауну к горам на двести или триста километров. До сих пор никто не поднимался на лодках так далеко по северным рекам Чукотки. Чаунские кооператоры говорят, что по Чауну можно подниматься на моторной лодке только километров на пятьдесят.

Мы попробуем сначала подниматься на моторе, потом пойдем старинным, исконным способом русских землепроходцев — бечевой, а потом и пешком. Но так или иначе, мы исследуем верховья Чауна.

Для этого путешествия Перетолчин должен сделать небольшую лодку. Он на Ангаре занимался постройкой лодок и хочет здесь, где совершенно не умеют делать хороших речных и морских лодок, блеснуть своим искусством. Верфь закладывается рядом с баней, на участке, очищенном от снега. Ставятся «стапеля» — попросту ящики от бензина, и на них Перетолчин строгает и прилаживает доски. Иногда кто-нибудь из нас допускается к этому серьезному делу, но большей частью Перетолчин работает один: он боится, что мы испортим драгоценный материал. Досок привезено в обрез, и нельзя погубить ни одной. И когда какая-то сучковатая доска при выгибании лопается, Перетолчин два дня в дурном настроении. Но лодка выходит на славу, легкая, стройная и изящная. В заключение ее красят черной краской внутри и желтой снаружи и выводят на носу имя: «Ангарка».

Между тем весна сказывается все сильнее и сильнее. 25 мая идет первый дождь. 28 мая мы получаем известия, что вскрылись реки Лелювеем и Кремянка. С устья Кремянки пришли люди уже по морскому льду. Чаун

еще не вскрылся, но лед покрылся пятнами и полосами воды. На том берегу обнажились яры, и с них слышен неумолчный гам — это гогочут гуси, прилетевшие гнездиться на озерках тундры. Вся тундра ожила: круглые сутки со всех сторон раздаются различные птичьи голоса. Гуси храбро летают над нами и хрипло кричат. Охотникам не надо далеко ходить — можно стрелять молодых неосторожных гусей прямо из дома. Но все же большинство их, пролетая над домами, поднимается за пределы выстрела.

Летят морские утки тесными быстрыми стайками. Шуршание их крыльев напоминает шум порывов ветра. Они деловито торопятся на север, не задерживаясь у нас.

Появилась утка савка, с длинным хвостом. Она кричит громко что-то вроде «ах-аллах». Крашенинников писал, что эту утку камчадалы называли «дьячком», потому что она поет, как на церковной службе.

Забавнее всех кричат куропатки. Они то кашляют, то хрипло смеются. Самки стали совсем серо-коричневые, а у самцов туловище осталось белым, коричневая только голова, над глазами появились красные гребни.

Радостно встречают весну и чукотские дети из интерната. Бо̀льшая часть их уехала в тундру, остались только те, у кого родители живут чересчур далеко или их нет совсем. Дети бродят по берегу, копаются в снегу. Две девочки, став лицом друг к другу, пляшут «танец оленя» — переминаются с ноги на ногу и искусно хоркают. Теперь Чаунское селение отрезано на все лето от оленеводов — вскрываются реки, тают болота, и никто не придет сюда из тундры до осеннего санного пути. Когда в июле исчезнет лед в губе, придут катера из Певека.

Хорошо в Чауне весной. Тепло, вечное солнце, журчат ручьи талой воды, текущей из тундры. На проталинах из-под снега вытаивают осенние ягоды — голубика

и шикша, и гуси с гоготом пожирают их. На месте снежной равнины появляются озера, протоки.

Хорошо, когда не нужно больше надевать меховые штаны, плекты, не надо топить непрерывно печку. Не надо идти навстречу пурге, закрывая лицо!

Можно даже вспомнить детство и начать прокапывать канавки вокруг нашей бани, чтобы вода из соседнего озера текла в Чаун и не заливала сени.

Учитель Ломов и доктор культбазы Волошин, который проводил эту весну в Чауне, заняты огородом: уже в 1934 г. доктор Андреев из предшествовавшей смены зимовщиков пробовал садить здесь овощи, и они дали обнадеживающие результаты, хотя из-за отъезда Андреева огород был заброшен в самом начале. Теперь рассаду Волошин каждый день выносит на солнце, а на ночь прячет от холода в дом. За интернатом вскопаны гряды, положено удобрение, проведены дренирующие канавки.

Мне, к сожалению, не удалось увидеть результатов этого опыта. С 6 июня на реке открылись большие полыньи вдоль берегов, а 9-го начался ледоход. В один день весь лед вынесло в море.

Морской лед будет еще держаться долго, и лишь у устьев рек пресная вода покроет и разъест его.

У нас нет своего мотора, чтобы подниматься вверх по Чауну; подвесной мотор, оставшийся в Певеке, слишком велик, и, кроме того, он нужен на морской шлюпке. Заведующий промыслово-охотничьей станцией Н. Елшин дал нам маленький подвесной мотор с тем условием, чтобы Курицын его отремонтировал; кроме того, Елшин будет нас сопровождать до устья Мильгувеем с целью выяснить вопрос о возможности заброски грузов в стойбища чукчей-рыболовов речным путем.

Поэтому мы выходим из Чауна целой флотилией: впереди «Ангарка» с мотором, на буксире тяжелая лодка Елшина, а сзади болтается моя легкая резиновая складная байдарка.

Все изменилось вокруг — вместо того чтобы мчаться на аэросанях в любом направлении, мы должны медленно тащиться против течения, следуя всем изгибам капризной реки, вдоль черных торфяных обрывов. В пределах дельты Чаун — мощная и глубокая река с тихим течением, и мотор бойко тащит вперед три лодки. То вправо, то влево отходят протоки; многие из них нам знакомы — мы пересекали их на санях. В вершине треугольника дельты, откуда расходятся на север протоки Чауна, стоит мерзлотный бугор. Одна половина его срезана рекой, и видно, что в глубине, под слоями суглинка, лежит линза льда, которая и подняла кверху всю толщу.

Возле бугра удобный заливчик, как раз для завтрака. Пока варится чай, мы с Ковтуном забираемся на бугор, чтобы взглянуть на тундру. Из травы в разных местах взлетают гусыни; они сидят на гнездах, устроенных между кочками, и подпускают очень близко. В несколько минут мы набираем 25 больших тяжелых яиц и несем их вниз, чтобы изготовить яичницу. Елшин в это время ходил на охоту и принес пару гусей. Большинство гусей, гнездящихся в низовьях Чауна,— белоголовые казарки, сравнительно небольшие; более крупных видов гусей мы не встречали.

Наша флотилия двигается дальше по полноводной реке. Налево отходит широкая протока — это и есть устье Алькаквуня, истинное положение которого мы так и не могли узнать зимой. Течение становится быстрее. Чтобы выгадать в скорости, мы идем под самым берегом. Появились кусты; между ними на островах сидят на гнездах гусыни и удивленно глядят на нас, не зная, надо ли скрываться или лучше притаиться и переждать. Самки куро-

паток сидят на гнездах в траве между кочками, а самцы стерегут тут же на кустиках. Самец почти весь белый и, выделяясь среди зелени, привлекает к себе внимание хищников. А серая самка и гнездо в траве останутся незамеченными. Так маленький самец куропатки трогательно жертвует собой для охраны потомства.

Километрах в пятидесяти от устья характер реки резко меняется — вместо одного глубокого извилистого русла она образует ряд проток, текущих между галечниками и маленькими островами. Сейчас весенний уровень метра на два-три выше нормального, вода покрывает все эти галечники и даже часть островов, и Чаун мчится мощным мутным потоком шириной в два километра, а местами, вместе с островами,— до пяти. Берега низкие, кругом только плоская тундра, и от этого водная равнина кажется еще безбрежнее.

Путешествие наше становится труднее: скорость течения велика, восьмисильный мотор едва тянет лодки. Под берегом идти можно не везде, и нам приходится выходить на середину проток, где мотор уже не в силах справиться. Мы приспособились помогать ему в этих случаях — одновременно гребем изо всех сил. У берега же, когда мотор начинает сдавать и лодка ползет обратно, кто-нибудь выскакивает на берег и впрягается в бечеву. Это тем более просто сделать, что вода идет вровень с берегами, а иногда и переливается через край прямо в тундру.

Бывают и опасные моменты, когда берег делает крутой поворот и лодка, обогнув угол, выскакивает на сильную струю. Связкой из трех лодок управлять плохо, вторая лодка «запоперечивает», и волна заливает ее.

На четвертый день мы доходим до устья Мильгувеем. По реке мы сделали 100 км — хорошее достижение для моторной тяги во время весеннего паводка. Елшин

хочет вернуться назад со своим мотором, но мне удается уговорить его пойти еще немного с нами, так как помощь мотора нам пока необходима.

Река стала еще полноводнее, коричневые волны переливаются через берега прямо в тундру. Как идти с бечевой по этому топкому, болотистому, залитому водой берегу? Нигде не видно ни единой отмели — только кусты и болота.

На устье Мильгувеем, где зимой стояли чукчи, сейчас пусто и лишь несколько обломков оленьих рогов остались на месте яранг. Чукчи откочевали к берегу моря или в горы, потому что летом в равнине оленей заедают комары.

Еще один день мы идем с помощью мотора, и затем сами принуждены отказаться от него. В этой части реки много мелких отмелей, которые приходится огибать по стержню, и мотор уже не в силах тащить три лодки против быстрого течения. Если бы мы имели возможность идти с одной только моторной лодкой, мы могли бы, вероятно, добраться по такой высокой воде до самых гор.

19 июня мы помогаем Елшину нагрузить его лодку, отдаем ему весь лишний груз; он заводит мотор и уносится вниз по течению со скоростью поезда. Но вода была так велика, что лодка Елшина нигде не задела за дно. В тот же вечер он вышел к устью Чауна.

Мы с некоторой грустью перешли сразу из XX в XV век, к тому способу, которым казаки поднимались по сибирским рекам.

Двое из нас взяли лямки и пошли по берегу, а двое сели в лодку. Сначала мы думали, что мы по очереди будем отдыхать в лодке, но оказалось, что работы там не меньше, чем на берегу. При таком сильном течении, при отсутствии хорошего бечевника приходилось всем четверым работать весь день. Шедшие по берегу, дол-

жны были продираться сквозь кусты, превышающие рост человека,— при этом тянул лямку только один, а другой перебрасывал ее через кусты, чтобы не «зарачило» (не зацепило). То надо было переходить через протоки, то брести наискось через покрытые водой отмели, чтобы вывести лодку на глубокий фарватер. При этом трудно определить, как глубока протока, и часто случалось, что высокие резиновые сапоги были недостаточны, и человек погружался в холодную воду до пояса.

Находящиеся в лодке должны также быть очень внимательными. Рулевой не только правит лодкой — там, где нужно обходить мели или заросли кустов, недостижимые для бечевы, он берет шест и вместе с сидящим на носу пропихивает лодку вверх. На мелких перекатах оба соскакивают в воду и ведут лодку «бродком», т. е. толкают ее.

Но так или иначе, мы двигаемся вверх. Вот уже холмы Теакачин; здесь Чаун разделяется на две реки — Малый Чаун, по которому мы уже поднимались зимой к оз. Эльгытхын, и р. Уваткын, главную вершину, берущую начало на стыке Анадырского плато и Северного Анюйского хребта. С холмов у реки можно посмотреть на Чаунскую равнину и горы на юге: наш кругозор вот уже восемь дней ограничен рекой, кустами и болотами.

Впереди река имеет тот же характер, такое же обилие коварных проток, островов, вдали белеют два громадных пятна — наледи.

В 170 км от устья мы огибаем первую из них. Это поле льда толщиной более двух метров и длиной до трех километров. Она покрывает галечники, и часть проток реки проходит подо льдом.

Выше наледи в обрыве реки я нахожу стволы деревьев. В окружающих горах нет деревьев, и эти стволы были когда-то принесены морем. Вся Чаунская равнина десять или двадцать тысяч лет назад была залита морем, и волны лизали подножие окружающих ее гор.

Вторая наледь страшнее — она захватывает половину русла. Неделю назад, наверно, вся река протекала под наледью и проход был невозможен.

Выше наледи наша работа становится еще тяжелее. Здесь много маленьких проток с быстрым течением и мелкими перекатами. Очень часто приходится тащить лодку вброд, и нередко река на поворотах образует водовороты.

23 июня наша лодка терпит крушение. На крутом повороте в узком русле лежит вырванная из яра глыба земли с кустами, и вокруг нее бьется вода. Такой крутой поворот на быстрой и узкой реке — самое опасное место: здесь нельзя натянуть бечеву, она слабеет, лодка начинает «рыскать», ее забрасывает. И вот она прижата водоворотом к кустам и опрокидывается. Перетолчин и Ковтун стоят в воде, удерживая ее руками, а мы с Курицыным бросаем бесполезную бечеву и бежим на помощь.

Поток выхватывает из лодки весла, доски, тюки и тащит их вниз; стоя по пояс в воде, удается подтянуть нос лодки к берегу. Пока двое вытаскивают вещи, остальные бросаются вниз за похищенным рекой грузом — один в байдарке, другой пешком по берегу.

Здесь же, на узкой отмели между двумя протоками, приходится стать на ночь, чтобы высушить вещи и продукты. Часть крупы и сахара погибли, но остальное удается спасти.

Пройдя еще 7 км до подножия гор, мы решаем оставить здесь лодку, чтобы не мучаться больше. Мы пойдем дальше пешком налегке, с одной байдаркой. И так уже поставлен рекорд для северных чукотских рек — пройдено вверх по течению 200 км.

ГОРЫ В ЦВЕТУ

Но верь мне, в этом горьком поле
Растут чудесные цветы.

С. О.

База для экскурсии в горы устраивается на берегу вблизи последних утесов. Лодку мы прячем под кусты и наливаем водой, чтобы не рассохлась; вещи складываются в кучу и покрываются брезентом. Все, что нам нужно, мы повезем в байдарке. Не придется брать ни подушек, ни одеял — только легкие спальные мешки. Палатки наши также легки и миниатюрны — они сделаны из тонкой прорезиненной материи; легкий пол пришит к палатке. Самый тяжелый груз в байдарке — это запас продовольствия.

Наконец-то мы с Ковтуном имеем возможность отделиться от лодки и вести непрерывно научную работу. Байдарку поведут Курицын и Перетолчин. Она так легка, что и один мог бы справиться, но под кустами на быстринах и в водоворотах безопаснее, если второй помогает сзади. Быстрое течение постоянно прижимает байдарку к берегу, и в то время как один тянет бечеву, другой отталкивает байдарку от берега веслом.

Часто приходится переезжать с одной стороны на другую из-за утесов, кустов и отмелей. Выгружать весь груз слишком долго, байдарка забита до отказа, в ней больше двадцати тюков и тючков; поэтому при переездах Перетолчин садится верхом поверх груза, спустив ноги в воду и гребет двухлопастным веслом. Переехав на другую сторону и выгрузив наиболее тяжелые мешки, он возвращается и забирает Курицына, который садится также поверх вещей. Это весьма неспортивный и опасный

способ плавания в байдарках, и ни один инструктор спорта не разрешил бы садиться таким образом.

Собравшись в одно русло возле первых утесов, река Уваткын выше опять распадается на множество проток в широкой долине. Мы еще в предгорьях, и плоские увалы тянутся далеко от реки.

Осмотрев конец первого увала, мы с Ковтуном спускаемся в обширные заросли кустов, окаймляющих реку. В кустах перепархивают самцы куропаток и низко-низко перелетают через протоки реки. Кажется, вот сейчас упадет в воду! Медленно, смешно и часто махая крыльями, куропатки благополучно перебираются на другой берег.

Через десяток километров река вновь подходит к утесам. Здесь придется заночевать на низкой площадке, только недавно освободившейся от воды. Место это ничем не примечательно для туриста, но для геолога очень интересно: здесь проходит граница между областью молодых третичных лав Анадырского плато и более старых мезозойских лав Северного Анюйского хребта. Выше река пересекает уже восточную оконечность хребта, а плато тянется к востоку.

Выше утесов снова обширные заросли кустов ивы и ольхи, разделенные протоками. Мы разбредаемся в разные стороны, я поднимаюсь на левый берег и вижу, как остальные трое проводят байдарку через правые протоки. Место очень неудобное, протоки расходятся веером, и надо перейти на противоположную стрелку. Переплыть в байдарке трудно — течение слишком быстрое, и мои товарищи храбро пускаются вброд по пояс в воде. Черные фигурки людей странно дергаются, протягивают друг другу весло для помощи, одна из них падает, байдарка пляшет на волнах.

Вечером мы ставим палатки на отмели между двух проток. Перетолчин очень доволен стоянкой — есть хоро-

шее место для сети. Мы везем с собой маленькую ставную сеть, и каждую ночь, если только есть удобный затон, Перетолчин отправляется на байдарке и ставит сеть со всеми предосторожностями исконного рыбака. Нередко сеть приносит нам больших черных хариусов — вкусную рыбу, которую обычно называют сибирской форелью. Эти хариусы — арктический вид, Thymallus arcticus с громадным спинным плавником. Но так же, как и более южные виды, он очень вкусен, особенно если зажарить его на сковородке с яичным порошком.

Так идем мы еще два дня. Долина суживается, склоны ее становятся высокими и покрыты непрерывными осыпями; иногда попадаются утесы. Проток мало, но зато часто приходится переезжать с берега на берег из-за утесов, обрывающихся прямо в воду.

Вскоре появляются и первые признаки более серьезных препятствий — стремнины с камнями, которые в Сибири называют шиверами. Скоро, наверно, увидим и настоящие пороги.

После перехода через первую шиверу мы с Ковтуном расходимся: я иду по левому берегу для осмотра утесов, а он уходит на горы правого берега. Километрах в шести выше река круто поворачивает, отсюда начинается узкая поперечная часть долины. Взобравшись на осыпь, на повороте я стараюсь выяснить, что сулит нам дальнейший подъем по реке. Кажется, довольно много неприятностей — шиверы, теснины.

По той стороне реки тянется полоска тундры — болотистый луг с мелкими кустиками березки Миддендорфа. И между ними бредет бурый мишка. Он останавливается, нюхает что-то в траве, потом опять двигается вперед своей развалистой походкой. Кажется, что он медленно передвигает лапами: на самом деле его шаг гораздо быстрее человеческого. Вот его бурая шкура мелькает

уже против меня у устья ручья. Куда он пойдет? Может быть, ко мне? У меня, как обычно, нет оружия — кому охота таскать с собой лишние тяжести,— но на осыпи вокруг меня много камней, и, может быть, я сумею его достойно встретить.

Но медведь, очевидно, передумал — он направляется на восток, прямо к Ковтуну. Немного погодя, как рассказывал потом Ковтун, они встретились. Сначала медведь показался вдали, но Ковтун не пожелал познакомиться поближе и поспешил уйти на соседние холмы. Мишка счел невежливым в качестве хозяина тундры отклонить знакомство, зашел с другой стороны и вылез из-за холмов. Ковтун стал уходить — медведь за ним. Пришлось остановиться: от медведя все равно не убежишь, если он захочет догнать. Мишка подошел на двадцать шагов и встал на задние лапы, чтобы рассмотреть человека получше. Хотя известно, что чукотские медведи не нападают на людей, но, перефразируя слова М. Литвинова в одной из его политических речей, можно сказать: «Знают ли сами медведи, что им не полагается нападать?» И Ковтун поспешил вынуть единственное свое оружие — перочинный ножик. Вид ли этого страшного оружия испугал медведя, или то, что Ковтун поднял свой черный тюлевый накомарник и открыл лицо, но мишка повернулся и убежал.

Если добавить, что в этот день Ковтун видел еще полярного волка, рыскающего по тундре, то надо признать, что его рабочий день был вполне достоин полярных романов.

Рабочий день Курицына и Перетолчина также был чреват неожиданностями — ряд неприятных шивер и один порог заставили их порядком повозиться с байдаркой.

Мы стали на ночь у конца большой шиверы. Река пенящимся потоком, усеянным камнями, выходила с юга

из извилистого ущелья. Выше, в самом ущелье, река мчится по узкому руслу с громадными камнями и низвергается с них бурными каскадами. Байдарку можно переправить через этот страшный порог только обнеся ее и груз по берегу.

Но на это мы потратим много времени, а верховья реки уже близки; легче дойти до них пешком.

Поэтому, оставив наших техников отдыхать и ловить рыбу у порога, мы с Ковтуном уходим вверх. Перетолчин настойчиво советует взять ружья, а если мы не хотим, то обязательно уж финские ножи: из опыта ангарских крестьян следует, когда медведь навалится на вас, распороть ему живот ножом. Но я совсем не хочу, чтобы медведь на меня наваливался: мне кажется, тогда уже поздно будет пороть ему брюхо. Поэтому я отдаю свой финский нож Ковтуну и беру с собой катушку кинопленки: если зажечь ее, то вряд ли медведю придет охота знакомиться.

Мы, по обыкновению, расходимся в разные стороны: я иду вверх по реке, а Ковтун уходит на юг в горы. Выше порогов долина немного расширяется, низкую террасу покрывают болота и кустики. Часто попадаются признаки недавнего пребывания медведей: следы лап на влажной почве, разрытые норы сусликов, кучи помета, показывающие, что медведи пожирали огромное количество прошлогодних ягод. Но самого мишки мне не удалось встретить, и опыт с кинопленкой так и остался только в проекте. Нож Ковтуна также пролежал все время в ножнах.

Хотя мы находимся на крайнем севере, на 68° широты, но горы теперь имеют радостный, сияющий вид. Зеленая трава покрывает нижнюю часть склонов, и нередко в ней видны чудесные цветы — то совсем чуждого нам вида, то представляющие уменьшенную копию наших

южных растений, например карликовые незабудки, листья которых похожи на лишаи. Встречаются и небольшие желтые рододендроны и кислица (Oxyria digyna), почковидные листья которой по вкусу похожи на щавель, из них мы варим превосходные зеленые щи.

Птиц здесь гораздо меньше, чем в тундре,— редкоредко увидишь здесь утку или одинокую гусиную семью, поселившуюся на маленьком озерке в долине реки. В траве можно найти гнезда маленьких птичек; из них выглядывают широко раскрытые желтые рты птенцов.

Я ночую у развилины, где сходятся два истока реки. Вернее, лежу у костра, потому что светло и не хочется спать. Ночь холодна и туманна, и комары скрылись. Через вершины перекатываются сигарообразные облака — я сейчас нахожусь в той области, где они зарождаются во время фёна. Начинает накрапывать дождь.

На другой день возвращаюсь к палаткам. Меня отделяла от них шумная река, и пришлось долго кричать, пока перевозчик — Перетолчин — услышал и приехал за мной на байдарке.

Ковтун возвращается к вечеру; его пригнало с гор ненастье, которое закрыло все кругом. Но то, что мы сделали, достаточно: пройдено 315 км по реке, мы проникли уже на южный склон Северного Анюйского хребта, так как в области порогов Уваткын пересекает ось хребта. Следует спешить в Чаун, в начале июля туда может уже прийти наша морская шлюпка, и нужно будет начать работу на побережье губы.

Ненастье принесло с собой большой подъем воды в реке. 3 июля под утро я проснулся от необычного шума и увидел, что река мчится мимо палаток бурным и мутным потоком, уже залила половину галечника, на котором мы стояли, и хочет унести вытащенную на берег байдарку и все, что под ней сложено на ночь — резино-

вые сапоги, весла, бечеву. Порог Уваткына от этих дождей превратился в грохочущую пенистую стремнину.

Опять идет дождь, а ночью даже и снег. Мы застали здесь еще старый снег, лежавший кругом под обрывами берега и в горах. Мы попробовали изготовить из него мороженое, но неудачно: снег уже превратился в зернистый фирн, и его приходится отцеживать сквозь зубы, съедая отдельно какао и сгущенное молоко.

Обратный путь вниз по реке для нас праздник после тяжелой работы по подъему лодки. Правда, первые 65 км это отдых только для меня, потому что остальным придется идти пешком — байдарка вместе с грузом может поднять только одного человека. Это приятное плавание вниз по реке достается на мою долю.

Какое это удовольствие — мчаться вниз по горной речке, по шиверам и стремнинам, со скоростью 15 км в час. Только успеваешь отгрестись от утеса, на который наносит течение, как из-за поворота выдвигается новая опасность. Все время надо быть начеку, внимание напряжено.

Но когда я выезжаю в область расширения, с ее многочисленными протоками и кустами, путешествие становится еще опаснее. Сильное поднятие воды в реке вызвало новое размывание берегов, и глыбы земли вместе с кустами загромождают фарватер, а вода мчится через кусты бывших островов. Очень опасно, если тонкая резиновая байдарка с размаху ударится о сучья, торчащие из таких барьеров, или попадет в водоворот и навалится боком на куст. Мне приходится усиленно работать веслом, и дважды я даже выбрасываюсь на полном ходу на берег, чтобы избежать грозящих мне кустов.

К концу дня я начинаю думать, что такие праздники, как этот, чересчур утомительны, и я охотно поменялся бы с кем-нибудь на более серые будни.

Река выносит меня к концу последнего увала, и я внимательно слежу, чтобы войти в большую протоку, которая ведет к левому берегу, где расположена наша база, но протоки нет. Выскакиваю на галечники, хожу взад и вперед, но протока исчезла. Вся масса воды уходит теперь вправо, а к базе попадает только несколько мелких ручьев; мне приходится перетаскивать байдарку по галечнику, обдирая ей дно. Впрочем, такие случаи были предусмотрены, и в самом начале работы мы обтянули дно байдарки слоем брезента. Теперь этот брезент уже весь в дырках.

Мои спутники приходят к вечеру уставшие до смерти. Хотя по берегу гораздо ближе, чем по реке, но все же им пришлось отмахать километров пятьдесят по горам, по болотам, по кустам. И они жаждут скорее залезть в палатки, запрятаться от комаров и полежать спокойно.

Только Ковтун — инициатор этого героического похода, сэкономившего нам один день пути,— бодр и свеж; он привык каждый день взбираться на горы.

Выбраться на лодке отсюда не так-то просто — маленькая, мелкая проточка, текущая вдоль левого берега, только в двух километрах ниже соединяется с главным руслом. Приходится протаскивать лодку через почти сухие перекаты. Но через несколько часов обе лодки плывут уже по большой протоке. Скучные плоские береговые обрывы, вдоль которых мы поднимались с таким трудом, проносятся мимо нас с быстротой 10—12 км в час. Через несколько часов мы уже у устья Малого Чауна. Здесь надо сделать остановку для осмотра холмов Теакачин.

Тундра переменилась за эти пятнадцать дней. Появилось множество комаров, и прогулки по болотам в густых сетках при удушающей жаре доставляют мало удовольствия. «Удушающая» жара — это конечно сильно преуве-

лично, но для нас после целого года холода 19° тепла в тени и больше 30° на солнце кажутся нестерпимой жарой.

Появились также другие маленькие существа, но более симпатичные — гусята. Везде в протоках и на галечниках видны уплывающие и убегающие гусыни с выводками. Как-то раз мы высадились на отмели возле такой семьи; гусыня улетела, а гусята доверчиво пошли за нами и спустились в воду возле лодки. Наши охотники испытывают большие мучения при виде такой доверчивой дичи. Но охота в Чаунском районе запрещена с 15 июня, да мы сами не решились бы убивать мать и губить гусят.

Рыбная ловля не запрещена, и Перетолчин по-прежнему ставит сеть, которая неизменно приносит черных хариусов. Сегодня ночью на реке возле сети слышались пронзительные крики — это кричала гагара. Когда Перетолчин отправился осмотреть сеть, оказалось, что гагара, увидав в сети рыбу, нырнула за ней и сама запуталась. Сеть была порвана и безнадежно запутана, и по воде далеко разносились крепкие выражения, которые расточал по адресу гагары наш рыбак. Я услышал знакомые проклятия ангарских крестьян: «гад» и «змея».

Потом гагара была принесена к палатке и привязана за лапку. Лапки у гагары расположены на заднем конце туловища, так что она почти не может ходить, но зато замечательно плавает и ныряет. У нас она все время лежала на животе и время от времени кричала отвратительным голосом и переваливалась на другое место. Ее долго упрекали за неуместное вмешательство в рыбную ловлю и придумывали ей наказание. Предполагалось ее убить и ободрать шкурку на дамскую шляпу — у гагар очень красивое темно-серое блестящее оперение, с красно-бурым пятном на шее (это была так называемая краснозобая гагара). Но потом Перетолчин решил: «У нее тоже

на озере где-нибудь дети есть, пусть кормит» — и перерезал веревку. Гагара с криком, ударяя по земле крыльями и переступая короткими лапками, бросилась в воду, по дороге опрокинув сковородку, в которой жарилась рыба. Зоологи говорят, что мы счастливцы (конечно, если исключить испорченную сеть и опрокинутую сковородку): никто еще не видал, как ходит гагара.

На следующей стоянке у холмов Чаанай на нашу сеть сделали нападение другие разбойники — чайки. Но они гораздо осторожнее и выедали рыбу по кусочкам, не трогая сети. От хариусов оставались только половинки и четвертушки. Чайка очень смелый и сильный хищник: однажды мы видели, как чайка тащила большого лебеденка.

Переменилась за эти две недели и река. На месте сплошной водной пелены шириной в несколько километров обнажились громадные галечники, по которым протекает небольшая река шириной в сто или полтораста метров то одной, то двумя протоками. Нельзя плыть где попало, надо выбирать фарватер и избегать многочисленных перекатов, мелей и кос. Чаун по своему режиму напоминает реки пустынь: необычайное обилие воды в течение короткого периода и громадные сухие галечники в остальное время. Неудивительно, что реки Чаунской равнины непрерывно передвигаются в новые места, и вся равнина покрыта слоем современных речных галечников: в половодье река легко прокладывает себе новые русла по тундре, заваливает галькой и илом старые протоки и таким образом перемещается в новое место.

10 июля дельта Чауна приветствовала нас встречным ветром и сильной волной, и мы едва добрались до культбазы. А ночью пришли первым рейсом из Певека кавасаки с кунгасом и за несколько часов до них наша моторная шлюпка.

Я не буду рассказывать о наших дальнейших работах на берегах Чаунской губы — они похожи на плавание прошлого года. Пока Ковтун на речной лодке производил съемку дельты Чауна и низовьев его больших притоков, мы с Денисовым и Перетолчиным отправились на морской шлюпке вдоль западного берега губы для осмотра месторождений различных полезных ископаемых. Мы открыли на речке Кремянке небольшое месторождение халцедонов, затем осмотрели кварцевые жилы возле мыса Безымянного. Здесь нас захватил северный шторм, и мы просидели несколько дней в обществе бедняков-оленеводов, вышедших к морю со своими стадами.

В ночь на 17 июля мы пересекли Чаунскую губу в средней ее части, держа прямо на Певек и, несмотря на обнадеживающий штиль у берегов, попали в середине губы в очень тяжелую волну, которая изрядно нас помучила и напугала. Но в конце концов удалось выбраться под защиту певекского берега и войти в нашу тихую гавань. Весь пролив был загроможден льдами, которые пригнал сюда северный шторм.

На следующий день мы были свидетелями страшного летнего фёна — южного певекского ветра. При чистом небе ветер силой 30 м в секунду срывался с горы и с такой яростью падал на селение, что море, начиная от берега, кипело. Все суда — кавасаки и кунгасы,— стоявшие в бухте под горой, были сорваны с якорей и выброшены на противоположный берег бухты.

Пароход, тот же «Смоленск», который привез нас сюда, пришел в первых числах августа, и до его прихода мы могли использовать конец июля для дополнительного исследования Певекской горы и о. Айона.

4 августа «Смоленск» увез нас из Чаунской губы, где мы провели целый год. При выходе из губы «Смоленск» встретил тяжелые льды, сплотившиеся у о. Айона. Потянулись долгие дни плавания — сначала на запад, к устью Колымы и к Медвежьим островам, затем на восток, к знакомым уже станциям полярного побережья, к устью Анадыря, вдоль берегов Камчатки; наконец, только в середине октября, мы пришли во Владивосток.

ТРУДОВАЯ ОСАДА

Теперь
от абордажей и штурма
Мы
перейдем к трудовой осаде.
В. Маяковский

В течение целого года мы изучали Чаунский район — на аэросанях и оленях, на моторной шлюпке и речных лодках и в особенности пешком. Для того чтобы мне и Ковтуну выполнить план нашей научной работы, весь наш маленький коллектив самоотверженно боролся с суровой природой Крайнего Севера.

До нас никто не применял аэросани в таких тяжелых условиях приполярной горной страны. Мы ездили на аэросанях и в 50-градусные морозы февраля, и при оттепелях мая, и в полярную ночь, и при незаходящем солнце. Мы проходили на них и по твердому снегу прибрежных равнин, и по застругам высоких горных перевалов, и по глубоким снегам предгорий, и по голому морскому льду, и по горным наледям, покрытым водой. Мы доказали, что аэросани вполне применимы не только на равнине, но и в горах для самых разнообразных целей.

Эта интенсивная работа принесла ценные результаты. Был изучен район, до того совершенно неизвестный; составлена карта горной страны и ее физико-географи-

ческое описание. Изучено геологическое строение и составлена геологическая карта. И, что особенно важно, полезные ископаемые, признаки которых были обнаружены нами, оказались при дальнейшем изучении заслуживающими самого серьезного внимания — в особенности месторождения олова. Арктическим институтом была послана в Чаунскую губу в 1937 г. геологоразведочная экспедиция, затем — разведочные отряды и, наконец, началась эксплуатация месторождений олова.

Таким образом, наша экспедиция заложила основу интенсивного горнопромышленного развития северной Чукотки.

Певек, ныне поселок городского типа, ставший центром нового крупного оловорудного района, сделался неузнаваем. Уже в 1943 г. здесь был построен первый двухэтажный дом, а теперь их несколько десятков, и притом теплофицированных. А среди них, как мне рассказывали, еще стоит наш скромный самодельный дом — свидетель прошлых исследований, со стенами, полом и потолком, утепленными торфом! В Певеке есть Дом культуры, рабочий клуб, три библиотеки, районная больница, два детских сада, ясли, гостиница, несколько столовых, магазины, пекарни. В 1933 г. во всем Чаунском районе выпекалось 320 кг хлеба, а теперь в одном только Певеке ежедневно продается несколько тонн хлеба и булок!

Певекский порт летом принимает много судов, а в аэропорту круглый год садятся самолеты. Электростанция Певека снабжает энергией горные предприятия района; высоковольтные линии тянутся на сотни километров.

Таковы поразительные результаты скромных находок бурых минералов, обнаруженных геологом и его помощником, в горах по берегам Чаунской губы.

Но еще разительнее перемены, происшедшие за 20 лет в жизненном укладе и формах общественной жизни

чукчей. О новой Чукотке опубликовано уже несколько хороших книг, например Т. Семушкина, П. Кравченко, и ряд специальных статей. Сводку новейших сведений о Чукотке дает сборник «Преображенный край» и книжка И. В. Гущина и А. И. Афанасьева «Чукотский национальный округ», выпущенные в 1956 г. в Магадане. Кроме того, большое количество интересных статей печатается в газетах и журналах, издающихся в Чукотском национальном округе.

Из этих материалов и из докладов студентов-чукчей Педагогического института имени Герцена в Ленинграде я заимствую приводимые сведения.

Наиболее важными фактами являются, конечно, широкое распространение грамотности в народе, который до революции насчитывал меньше сотни человек, знавших начатки грамоты, и переход всех оленеводов на оседлое жительство. Созданы культурные поселки со школами, банями, медпунктами и т. д., в которых живут оленеводы, и только бригады пастухов теперь кочуют вместе со стадами оленей, но и они живут в более культурных условиях и лучше питаются, чем оленеводы в 1934 г. Теперь чукотская женщина уже не извечная рабыня яранги и полога и не должна одна выполнять всю тяжелую работу по кочевке. Больше 160 чукчанок — депутаты окружного и местных Советов, 54 чукчанки — судебные заседатели, 55 учатся в педагогических училищах. Не менее важно также, что все оленеводы вступили в колхозы — и нет больше ни богачей, ни бедняков. Нет кулаков и нет шаманов, которые причиняли так много неприятностей и нам, и первым советским, культурным и партийным работникам в начале тридцатых годов.

В 1954 г. из всего поголовья оленей в 434 300 голов 81,9% находилось в стадах колхозов и совхозов, а остальные — в личной собственности колхозников, рабочих и

служащих. Всего на Чукотке — 46 колхозов, объединяющих 2746 хозяйств (в 1930 г. было 9 колхозов).

Среди этих колхозов есть очень крупные — например, в Чаунском районе на о. Айон, где в наше время не было стойбищ, создан крупнейший колхоз «Энмитагино», с большим центральным поселком, в котором уже в 1947 г. была построена школа.

В настоящее время отпала необходимость в культбазах, которые вели вначале просветительную работу на Чукотке. Теперь эта работа ведется школами, медпунктами, кинопередвижками, которые имеются везде.

В округе уже имеется большая сеть культурных учреждений: окружная библиотека, Дом культуры и музей, 5 районных библиотек и 5 Домов культуры, 9 сельских библиотек и 15 клубов, 21 изба-читальня, 20 красных яранг, 70 кинопередвижек.

В 1955 г. было 22 больницы, 7 диспансеров, 53 фельдшерско-акушерских пункта, 7 аптек.

К началу 1955/56 учебного года количество учащихся в 66 школах равнялось 4357. Для детей создано 34 интерната. В Анадыре уже 15 лет существует педагогическое училище.

В заключение необходимо отметить, что вся эта культурная работа проводится силами не только приезжих русских — многие чукчи и чукчанки, окончив педагогические институты и вузы, становятся учителями, врачами, фельдшерами, медсестрами. Есть теперь и чукчи-писатели и чукчи-поэты. Не говорю о технических профессиях — уже в 1934 г. я видел чукчей мотористов и радистов, а теперь есть и летчики!

Так разгорается над Чукоткой все ярче заря новой жизни. И тот быт, о котором я рассказываю в этой книге, скоро сохранится только в воспоминаниях стариков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Обручев С. В.

О 24 По горам и тундрам Чукотки. Экспедиция 1934—1935 гг. Магадан, Кн. изд-во, 1974.

239 с. с. ил.; 2 л. ил. Первопроходцы. Вып. 3.

Автор книги — известный советский геолог, академик Сергей Владимирович Обручев, проработавший много лет на Северо-Востоке нашей Родины, описывает в этой книге Чукотку 1934—1935 гг., свои первые путешествия и экспедиции по этому неизведанному краю.

О $\frac{0281 - 010}{М - 149(03) - 74}$ 32 — 74

91(С19)

Сергей Владимирович Обручев

ПО ГОРАМ И ТУНДРАМ ЧУКОТКИ

Перепечатано с издания: С. В. Обручев, «По горам и тундрам Чукотки», Государственное издательство географической литературы, 1957.

Ответственный за выпуск *М. Л. Лисичкина.*
Художественный редактор *Д. Д. Власенко.*
Технические редакторы *Е. П. Крюкова, В. В. Плоская.*
Корректор *Г. А. Козеева.*

Сдано в набор 17/VIII 1973 г. Подписано к печати 5/III 1974 г. Формат 70×108/32. Бум. тип. № 2 и мел. Объем 7,5 физ. п. л.+0,125 физ. п. л. вкладка, 10,5 усл. п. л.+0,18 усл. п. л. вкладка, 10,58 уч.-изд. л. Тираж 15 000. Заказ 5091. Цена 44 коп.

Магаданское книжное издательство, г. Магадан, ул. Пролетарская, 15.

Областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, г. Магадан, пл. Горького, 9.

44 коп.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Выпуск 3

Магаданское книжное издательство